

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г. Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О. Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н. И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (Ph.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Ph.D) (Болгария, София)

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was Founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadolov, doctor of culturology (Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

G. G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

D. S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

O. Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ΦC 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project “Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends”, No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЕВРАЗИИ

- Дашковский П. К.* Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени из могильника Чинета-II (Алтай)9
- Сакович Е. Г.* Тибетские источники о Чингис-хане23

Раздел II

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Серегин Н. Н.* Погребальный обряд раннесредневековых тюрок Центральной Азии: формирование и эволюция34

Раздел III

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Должиков В. А.* Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением52

Раздел IV

ПРОЗЕЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Гостюшева Е. М.* Конфессиональный состав Кабинета Его Императорского Величества Алтайского округа в первое десятилетие XX в.65
- Кацаева М. В.* Пятидесятничество в XXI в.: парадигмы модернизации73
- Мунхбат Д.* Паломничество монголов: традиции и современность79

Раздел V

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти85
- Мусаев В. И.* Поворот в советской национальной политике в середине — второй половине 1930-х гг.96
- Ильин В. Н.* Старообрядческие браки в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в.112

Раздел VI

**РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Раздел VII

ПЕРСОНАЛИИ

Щеглов С. Г. В. А. Должиков: ученый и педагог133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 140

ДЛЯ АВТОРОВ142

CONTENT

Section I

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN ANCIENT AND MEDIEVAL IN EURASIA

- Dashkovskiy P.K.* Radiocarbon and archaeological dating of the burial of the scythian period from burial Chineta-II (Altay).....9
- Sakovich E. G.* The tibetan sources about Chingis-khan23

Section II

RELIGIOUS FACTOR IN THE HISTORY OF ANCIENT AND MEDIUM PEOPLES OF EURASIA

- Seregin N. N.* Funeral rite of early-medieval turks in Central Asia: formation and evolution.....34

Section III

ETHNIC PROCESSES AND TRADITIONAL CULTURE OF PEOPLES OF EURASIA

- Dolzhikov V. A. N. M. Yadrintsev* on the ethno-cultural interaction of peasants old believers of the russian altai with the aborigene population52

Section IV

PRECARIOUS RELIGIONS AND TRADITIONAL RELIGION OF PEOPLES OF RUSSIA AND CENTRAL ASIA

- Gostyusheva E. M.* Religious composition of the cabinet of of His Imperial Majesty the aAltai region in the first decade of the twentieth century65
- Kashchaeva M. V.* *Pentecostalism the XXI century: modernization paradigms*..... 73
- Munkhbat D.* Pilgrimage for mongols: traditions and the present.....79

Section V

STATE-CONFESSIONAL AND NATIONAL POLICY: HISTORY AND PRESENT TIME

- Eshmatova G. B.* Repressions against the clergy in the altai region in the first years of soviet power85
- Musaev V. I.* The turn of the soviet national policy in the middle — second half of the 1930s.96
- Ilyin V. N.* Old believer marriages in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the territory of Tomsk province in the nineteenth century112

Section VI

RESULTS OF MONITORING OF INTER-ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA AND ABROAD

- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N.* Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Section VII

PERSONALITIES

Shcheglov S. G. V. A. Dolzhikov: scientist and teacher.....133

INFORMATION ABOUT CONFERENCES 140

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS142

Раздел I

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЕВРАЗИИ

УДК 902

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДАТИРОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ)

Рассматриваются вопросы датировки кургана № 21 могильника Чинета-II, который расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). Курганный могильник Чинета-II, наряду с ранее исследованным в данном районе некрополем Ханкаринский Дол, маркирует северо-западную границу ареала пазырыкской культуры на Алтае. Кроме характерных для пазырыкской культуры признаков при исследовании кургана отмечены и специфичные черты. В частности, сопроводительное захоронение лошади было отмечено у западной, а не у северной стенки могилы, как это обычно характерно для пазырыкской культуры. Датировка объекта строилась, во-первых, на результатах анализа сопроводительного инвентаря. При этом важным индикатором выступало деревянное лаковое изделие. Во-вторых, учитывались результаты радиоуглеродного анализа образца кости лошади, который произведен Институтом мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (Томск). С учетом данных археологического и радиоуглеродного датирования сделан вывод о том, что время сооружения объекта — не ранее IV в. до н.э., возможно, IV — начало III в. до н.э.

Ключевые слова: скифская эпоха, Алтай, хронология, радиоуглеродный анализ, погребальный обряд, импорт.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

RADIOCARBON AND ARCHAEOLOGICAL DATING OF THE BURIAL OF THE SCYTHIAN PERIOD FROM BURIAL CHINETA II (ALTAI)

The article discusses the Dating of barrow No. 21 burial Chineta II, which is situated in Krasnoshchekovskiy district of Altai Krai (North-Western Altai). A burial ground Chineta II, along with previously researched in the area of the necropolis Khankarinsky dollars, marks the North-Western range border of the Pazyryk culture in the Altai. In addition to the characteristic features of Pazyryk culture in the study of kurgan marked and specific features. In particular, the accompanying burial of the horse was observed at the western and not at the northern wall of the grave, as is usually typical for the Pazyryk culture. Dating of the object was based, firstly, on the results of the analysis of accompanying inventory. At the same time, an important indicator was a wooden lacquer product. Secondly, the results of radiocarbon analysis of the horse bone sample produced by the Institute of monitoring of climatic and ecological systems of the Siberian branch of RAS (Tomsk) were taken into account. Taking into account the data of archaeological and radiocarbon Dating, it is concluded that the construction time of the object is not earlier than IV century BC, possibly IV-beginning of III centuries BC.

Keywords: Scythian era, Altai, chronology, radiocarbon dating, burial rites, import.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-01

В последние годы учеными все больше внимания уделяется уточнению хронологии памятников скифской эпохи в разных регионах Евразии, в том числе в Южной Сибири. При этом за последние двадцать лет появилось больше возможностей для датирования объектов не только в рамках традиционного сравнительно-исторического подхода, но и с использованием радиоуглеродного анализа. Данная публикация посвящена итогам археологического и радиоуглеродного датирования кургана № 21 могильника Чинета-II. Важно отметить, что в настоящее время получено еще крайне мало радиоуглеродных дат для погребений скифской эпохи Северо-Западного Алтая. В отношении памятников пазырыкского периода Чинетинского микрорайона ранее была получена серия радиоуглеродных датировок для некрополя Ханкаринский дол [Тишкин, Дашковский, 2005; Дашковский, Тишкин, 2015]. Эта первая публикация, в которой приводятся данные о радиоуглеродном датировании образцов из курганов скифской эпохи, раскопанных на могильнике Чинета-II.

Могильник Чинета-II входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края (см. рис. 1) [Дашковский, 2013].

Некрополь зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,4 км к юго-юго-востоку от с. Чинета. Начиная с 2001 г. исследования на данном памятнике проводит Краснощековская ар-

хеологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора статьи. В пределах данного памятника исследованы курганы, относящиеся к скифскому времени, тюркской, кыргызской, сросткинской археологическим культурам [Дашковский, 2013; 2014; 2015а, б]. В настоящее время на некрополе исследовано 14 курганов скифо-сакского периода (№ 16, 19, 21–24, 26–29, 30–32, 34). Результаты изучения кургана № 21 уже частично публиковались. Однако на данном этапе получены результаты радиоуглеродного анализа, а также итоги изучения отдельных артефактов — предмета китайского импорта, которые позволяют дополнить представление о хронологической атрибуции объекта.

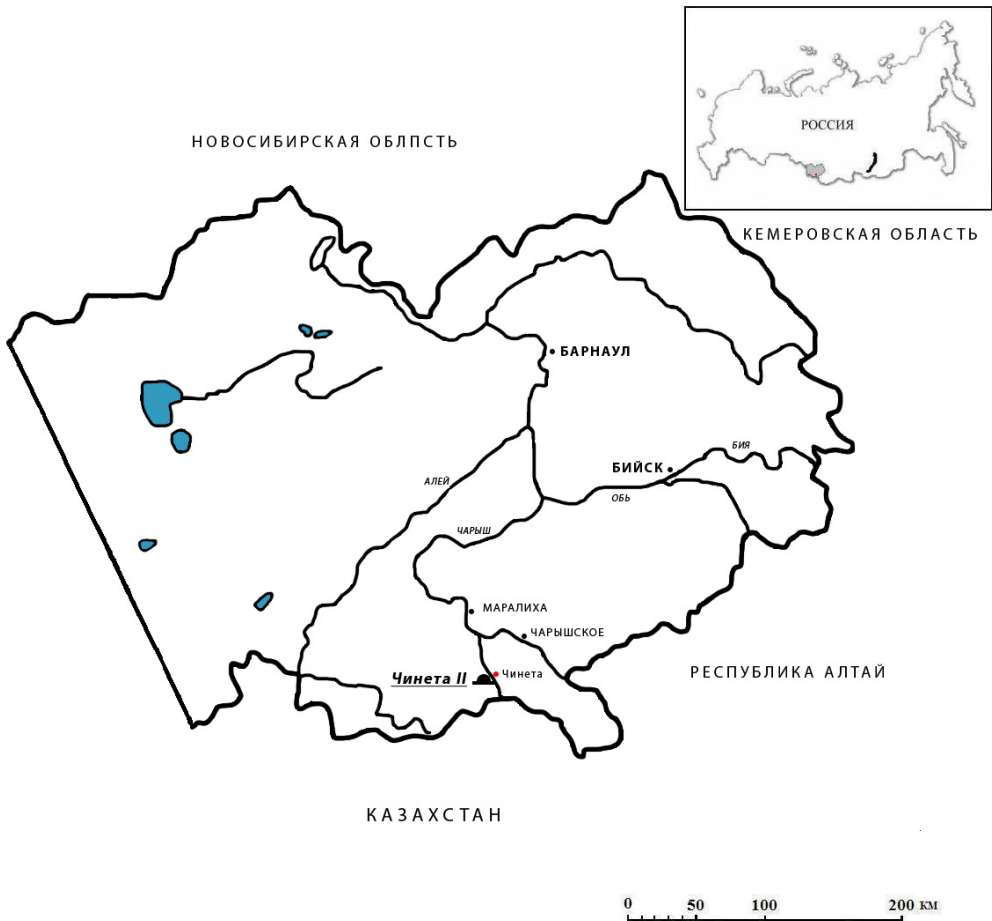

Рис. 1. Месторасположение могильника Чинета-II на Алтае

Курган № 21 — наиболее крупный из раскопанных в настоящее время объектов на некрополе Чинета-II, расположен в его северной части. Насыпь сооружения имела плоскую форму, поэтому на уровне современной поверхности почти никак не выделялась. Диаметр каменной насыпи объекта, сложенной преимущественно из мелких камней в 1–2 слоя, составлял севера на юг 17,5 м, а с запада на восток — 18 м. Высота сооружения достигала 0,4 м, а с учетом слоя гумуса 0,6 м. По периметру насыпи кургана хоро-

шо прослеживалась крепида из крупных камней (рис. 2, 3). В центре кургана зафиксирован просад камней, образовавшийся из-за ограбления. Под насыпью кургана выявлена могильная яма. Она имела значительные размеры, которые отчасти еще увеличились из-за разграбления погребения в древности: 5,1 x 3,3 x 3,3 м. При выборке грунта из могилы фиксировались мощные следы прокала, особенно ближе к ее дну. На дне могилы на глубине 2,75 м, вероятно, была сооружена деревянная рама с настилом по дну, на котором находилась умершая женщина в возрасте около 35 лет¹, ориентированная головой на восток (см. рис. 4, 5).

Рис. 2. Курган № 21 могильника Чинета-II после зачистки насыпи

¹ Антропологические определения сделаны кандидатом исторических наук, заведующей кабинетом антропологии Алтайского государственного университета С. С. Тур.

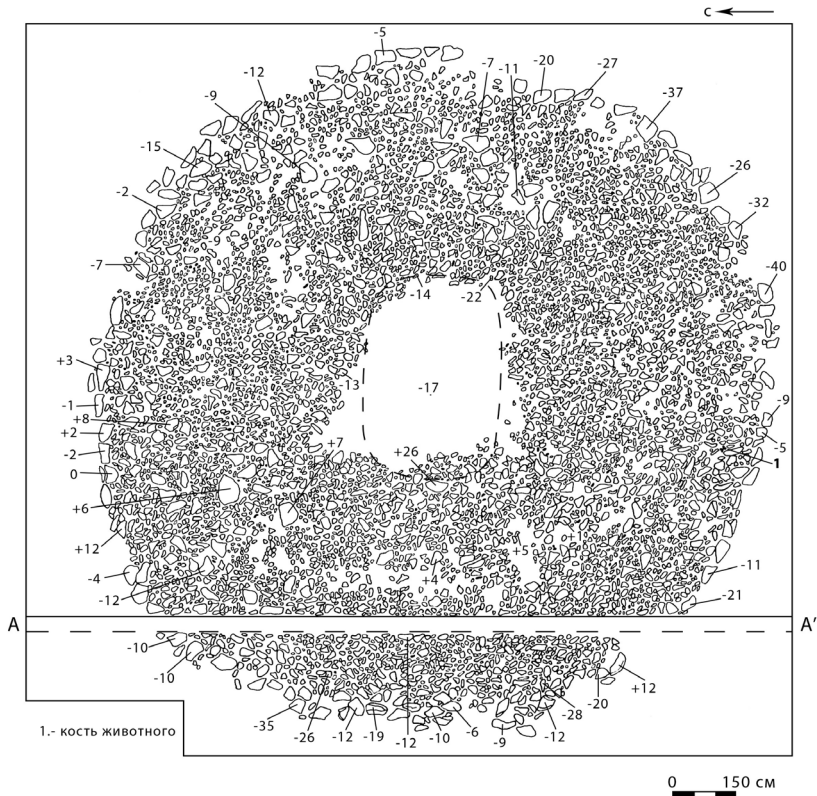

Рис. 3. План насыпи кургана № 21 могильника Чинета-II

Рис. 4. Погребение в кургане № 21 могильника Чинета-II

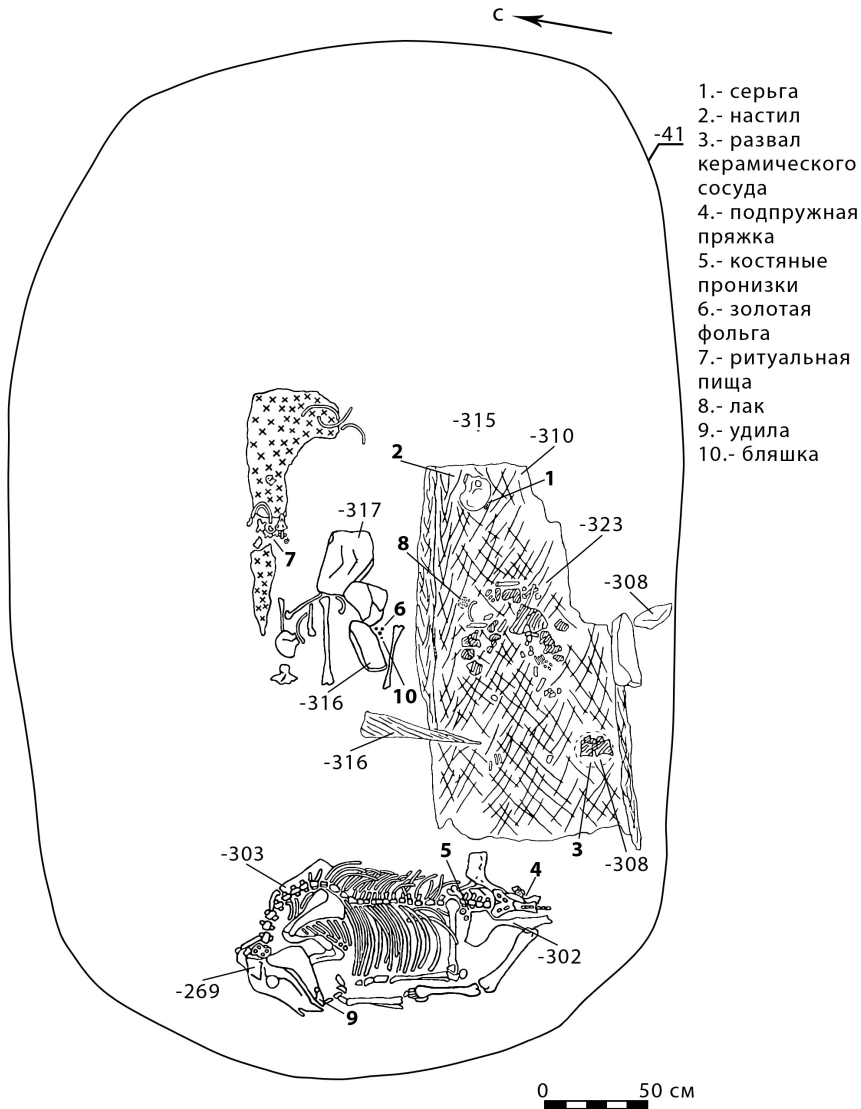

Рис. 5. План погребения в кургане № 21 могильника Чинета-II

Погребение человека было сильно разрушено грабителями. На первоначальном месте сохранился только череп, а остальные кости оказались существенно смещенными к северу от деревянной рамы. Часть костей скелета отсутствовала, что объясняется разрушением погребения. Под черепом женщины обнаружена уникальная золотая серьга с тремя подвесками, украшенная техникой зёрн (см. рис. 6. — 1). В 0,4 м к западу от черепа в центральной части деревянной рамы зафиксированы многочисленные мелкие фрагменты от керамического сосуда. В этом же месте собраны фрагменты лака, вероятно, от китайской деревянной чашечки. В 0,7 м к западу от плахи деревянной рамы прослежена мощная линия прокала длиной 1,25 м, шириной до 0,4 м. Между прокалом и стенкой деревянной рамы найдены разрозненные кости человека, ритуальная пища (позвонки барана), а также несколько фрагментов золотой фольги (см. рис. 6. — 2–8).

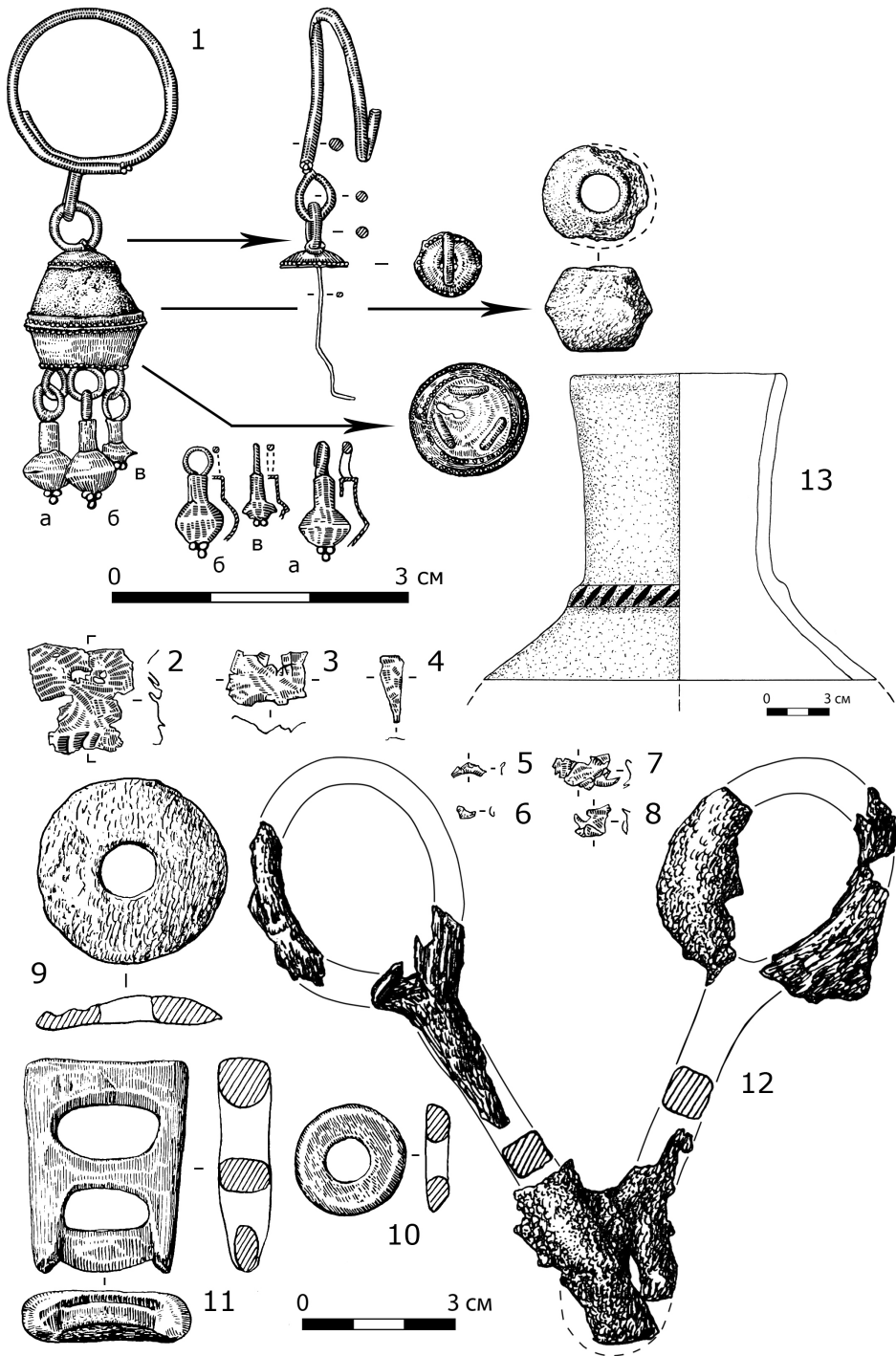

Рис. 6. Инвентарь из кургана № 21 могильника Чинета-II: 1 – серьга с подвесками; 2–8 – фрагменты фольги; 10–11 – пронизки; 12 – подпружная пряжка; 1–8 – золото; 9–11 – кость

Вдоль западной стенки могилы на глубине 2,28–2,62 м обнаружено не потревоженное грабителями сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на живот с подогнутыми ногами и ориентировано головой на север. Из сопроводительного снаряжения лошади были обнаружены железные двухзвенные кольчатые удила, две костяные пронизки и подпружная пряжка (см. рис. 6. — 10–12).

Курганный могильник Чинета-II, наряду с ранее исследованным в данном районе некрополем Ханкаринский дол [Дашковский, 2011; 2014; 2016; Дашковский, Усова, 2011], маркирует северо-западную границу ареала пазырыкской культуры на Алтае. Несмотря на значительное удаление указанных некрополей от «классических» памятников пазырыкской культуры Центрального и Юго-Восточного Алтая, тем не менее, он имеет не только специфичные черты, но и ряд устойчивых признаков, характерных в целом для погребений пазырыкской культуры (положение умерших скорченно на правом боку с ориентацией головой на восток (юго-восток), сопроводительные захоронения лошадей, характер погребального инвентаря и др.). При этом «классические» признаки погребального обряда пазырыкской культуры в большей степени присутствуют на памятнике Ханкаринский Дол, который представляется более целостным в культурном отношении. На некрополе Чинета-II зафиксирована большая вариабильность признаков погребального обряда [Дашковский, 2017].

Среди предметов сопроводительного инвентаря особого внимания заслуживает золотая серьга с подвесками (см. рис. 6. — 1). Близкая к ней по типу серьга обнаружена в кургане № 27 могильника Балык-Соок I, датированного второй половиной VI в. до н. э. [Кубарев, Шульга, 2007: 69–70, рис. 14. — 3]. В качестве аналогов ей можно назвать серьги с подвесками из кургана № 6 могильника Лебедевка II в Южном Приуралье [Трейстер, 2012: 142–144, рис. 73], датированные преимущественно в пределах VI–V вв. до н. э. [Кирюшин, Фролов, 1998: 124–125, рис. 11. — 1]. Примечательно, что серьги обозначенного типа коррелируются с изделиями, представляющими ювелирную традицию Малой Азии, в частности, с вещами ахеменидского круга [Трейстер, 2012: 142–144]. Другие предметы сопроводительного инвентаря из кургана № 21 — керамический сосуд кувшинообразной формы, железные двухзвенные кольчатые удила, две костяные пронизки (см. рис. 6. — 10, 11) и подпружная пряжка (см. рис. 6. — 12) — имеют параллели в материалах пазырыкской культуры Алтая [Кубарев, Шульга, 2007]. Например, близкие аналоги подпружной пряжки и пронизки обнаружены в кургане № 99 могильника Боротал I, в кургане № 11 могильника Ала-Гаил-3 [Кубарев, Шульга, 2007: 118, рис. 30, 12–16; 39, 8, 12–16], кургане № 7 могильника Кайнду [Кирюшин, Степанова, 2004: 236–237, рис. 7, 8, 55, 56], исследованных в горных районах Алтая. Все указанные объекты относятся к числу раннепазырыкских и датированы серединой VI–V вв. до н. э.

Для пазырыкской культуры характерны восточная ориентация захороненной в погребении рассматриваемого кургана женщины в могиле и наличие сопроводительного захоронения лошади. Правда, животное было захоронено у западной, а не у северной стенки могилы и ориентировано головой на север. Такие особенности свидетельствуют, возможно, о принадлежности памятника к раннему периоду развития культуры, когда практика погребения еще не совсем устоялась. Во всяком случае, известны памятники пазырыкской культуры, в которых сопроводительное захоронение лошади было совершено не совсем по канону: курган № 27 могильника Тыткескень VI, курган № 7 могильника Кастахта, курган № 23 могильника Малталу IV, курганов № 11 и № 21 могильника Кок-Су [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 68; Кирюшин, Степа-

нова, 2004: 234; Кубарев, 1992: 114; Сорокин, 1974: 79]. Следует отметить, что указанные курганы могильников Тыткескень VI и Кастахта относятся к раннепазырыкскому периоду, середине VI–V вв. до н. э., а курганы могильников Малталу IV и Кок-Су — времени не ранее III в. до н. э.

Рис. 7. Общий вид лакокрасочных фрагментов из кургана № 21 м. Чинета-II

Отдельного упоминания заслуживает деревянное лаковое изделие, обнаруженное в кургане № 21 могильника Чинета-II (рис. 7). Подробно результаты его изучения изложены в отдельной публикации [Дашковский, Новикова, 2017]. В данном случае важно отметить несколько принципиальных моментов. Во-первых, находка китайского импорта в кургане № 21 могильника Чинета-II не единственная среди курганов скифской эпохи Алтая. Китайский импорт, как правило, встречается в элитных памятниках пазырыкской культуры Алтая [Руденко, 1953; 1960]. В настоящее время аналогичного типа изделия из кургана № 21 обнаружены при раскопках кургана № 31 указанного некрополя [Дашковский, Новикова, 2015; 2017]. Во-вторых, проведенный анализ показал, что лаковые находки из кургана № 21 являются остатками деревянного лакового предмета, толщина стенок которого составляла около 5 мм, с двухсторонней окраской. Для его изготовления были использованы ци-лак и составы на его основе, применена технология чередования слоев лакокрасочного покрытия, сходная с китайской лаковой технологией [Дашковский, Новикова, 2017]. В верхних слоях обнаружена окраска на основе различных пигментов, характерных для китайской лаковой технологии (охра и киноварь). Можно предположить применение в окраске/росписи лакового предмета нескольких красных оттенков. Например, подобная многоцветная роспись есть в декоре фрагмента стенки китайской лаковой чашечки «с ушами» эр бэй (кит. 耳杯) [Сутягина, Новикова, 2016: 83–91] и у других китайских аналогов [Чу Цинь-Хань цизи ишу (楚秦漆器), 1996; Qin Han qiqi, 2007].

По окраске не дошедшие до настоящего времени в первозданном виде артефакты из курганов № 21 и № 31 могильника Чинета-II обнаруживают сходство с образцами китайских лакокрасочных покрытий и имеет аналоги среди лаковых материалов из элитных памятников скифской эпохи Алтая, прежде всего, в образцах из могильника Пазырык [Дашковский, Новикова, 2017]. Исследования стратиграфии красочных слоев проб из рассматриваемого памятника показали, что лакокрасочные покрытия были изготовлены по традиционной для Древнего Китая лаковой технологии. Верхние слои лака красного цвета (пигментированный красный слой чешуек) аналогичны слоям красной краски чжу-ци (чшу-чи) (кит. zhūqī 朱漆 — смесь ци-лака с киноварью). Нанесены они на тонкие слои темно-коричневого ци-лака (лакокрасочное покрытие из кургана № 21), а в ряде случаев черного лака (лакокрасочное покрытие из кургана № 31) [Дашковский, Новикова, 2017]. Как и в традиционных китайских лаках, слои изучаемого лака лежат поверх слоя ткани из растительных волокон. Таким образом, найденные в кургане № 21 остатки артефакта с лаковым покрытием являются особой категорией китайского импорта и определенным социальным маркером погребения кочевника.

При этом важно подчеркнуть значение китайского импорта для установления хронологии курганов скифской эпохи Алтая. В данном случае следует учитывать, что фрагменты лакового предмета несколько «омолаживают» дату кургана № 21, поскольку китайские изделия встречаются в курганах пазырыкской культуры преимущественно в IV–III вв. до н. э. [Шульга, 2015: 30].

Теперь обратимся к результатам радиоуглеродного анализа образца кости лошади из кургана № 21 могильника Чинета-II. Радиоуглеродный анализ осуществлялся в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения РАН (ИМКЭС СО РАН, Томск). Полученные результаты представлены в таблице.

Результаты радиоуглеродного анализа образца из кургана № 21 могильника Чинета-II

Лабораторный номер	Описание образца	Место отбора	Радиоуглеродный возраст	Календарный возраст (Новое время)
ИМКЭС-14C1023	Кость лошади	Могильник Чинета-II, могила № 1, курган № 21	2439±75	По 1δ (68%) 760–400 BC По 2δ (95%) 780–390 BC

Интервалы калиброванного календарного возраста (см. рис. 8) получены с помощью программы, разработанной в Оксфордском университете (Великобритания) и определены старшим научным сотрудником ИМКЭС СО РАН кандидатом технических наук Г. В. Симоновой.

Несмотря на широкий в определенной степени диапазон дат, полученные данные существенно дополняют наши исследования. Особенно важно отметить, что это первая радиоуглеродная дата по памятникам скифской эпохи, раскопанным на могильнике Чинета-II. При этом ранее уже были получены радиоуглеродные даты для курганов пазырыкской культуры могильника Ханкаринский дол [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015], расположенного в одной и той же долине, что и некрополь Чинета-II.

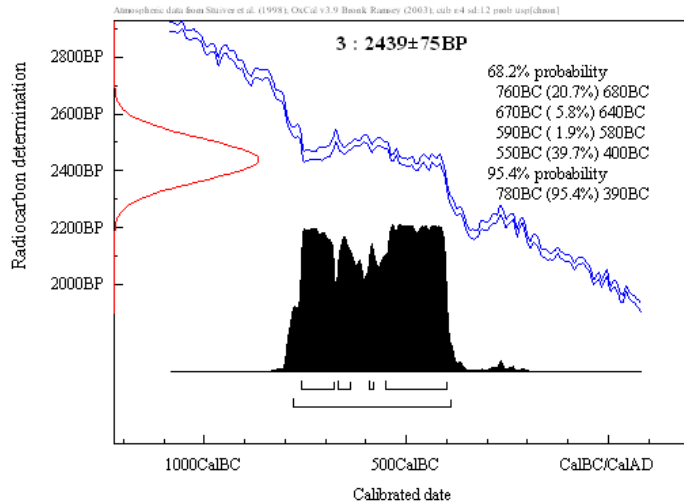

Рис. 8. Интервалы калиброванного календарного возраста

Таким образом, проведенный анализ погребального обряда и инвентаря из кургана № 21 могильника Чинета-II позволил сделать следующие выводы. Во-первых, исследованный курган относится к скифской эпохе. Это подтверждается и данными радиоуглеродного анализа. Во-вторых, особенности сопроводительного инвентаря и прежде всего, наличие предмета китайского импорта позволяют заключить, что время сооружения объекта не ранее IV в. до н. э., возможно, IV — начало III в. до н. э. Это связано с тем, что предметы китайского импорта встречаются, как правило, в курганах пазырыкской культуры Алтая не ранее указанного хронологического периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дашковский П. К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 187–190.

Дашковский П. К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 46–62.

Дашковский П. К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015а. С. 20–29.

Дашковский П. К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015б. 224 с.

Дашковский П. К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 42–66.

Дашковский П. К. Предварительные результаты изучения курганов скифской эпохи на могильнике Чинета-II (Северо-Западный Алтай) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд : сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 308–309.

Дашковский П. К., Новикова О. Н. Предварительные итоги изучения образцов лака из кургана № 31 могильника Чинета-II (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований : материалы международной конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 115–119.

Дашковский П. К., Новикова О. Н. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии 2017. № 4 (45). С. 102–112.

Дашковский П. К., Тишкин А. А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана № 5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 119–125.

Дашковский П. К., Усова И. А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 78–84.

Елихина Ю. И., Новикова О. Г. Исследования китайских лакированных чашечек эпохи Хань из коллекции Государственного Эрмитажа // Теория и практика археологических исследований. № 1. Барнаул, 2013. С. 135–146.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Фролов Я. В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 117–137.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1953. 524 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Наука, 1960. 514 с.

Сорокин С. С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. Вып. 16. Л. : ГЭ, 1974. С. 62–91.

Сутягина Н. А., Новикова О. Г. Китайская лаковая чашечка из погребения «золото-го человека» (по материалам могильника Бугры в предгорьях Алтая) // Археология, этнография и антропология. Евразии. 2016. № 4 (44). С. 83–91.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринской дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: СПб. : Теза, 2007. С. 291–299.

Трейстер М. Ю. Ахеменидские ювелирные украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные традиции. Произведения постахеменидской традиции // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). М. : Таус, 2012. Т. I. С. 134–165.

Шульга П. И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 366–371.

Чу Цинь-Хань цици ишу (楚秦 漆器) / 振裕主. 武: 湖北美 出版社. 1996. (Лаковые художественные изделия княжества Чу / под ред. Чэнь Чжэнью. Ухань : Изд-во Хубэй мэйшу. 1996–318 с.).

REFERENCES

Dashkovskii P. K. Osnovnye napravleniia izucheniia pamiatnikov drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Chinetskogo arkheologicheskogo mikroraiiona na Altae [The main directions of studying of monuments of ancient and medieval nomads of the Chinesetinsky archaeological district on Altai]. *Sovremennye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern solutions of actual problems of the Euroasian archeology]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. S. 187–190.

Dashkovskii P. K. Stely i olennye kamni iz pamiatnikov drevnikh kochevnikov Severo-Zapadnogo Altaia [Stands and deer stones of the monuments of ancient nomads of the North-West Altai]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective]. V. VII. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. S. 46–62.

Dashkovskii P. K. Issledovanie ogradok tiurkskoi kul'tury na mogil'nike Chineta-II [Research of fences of the Turkic culture on chineta's burial ground II]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective]. V. VIII. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015a. S. 20–29.

Dashkovskii P. K. Kyrgyzy na Altae v kontekste etnokul'turnykh protsessov v Tsentral'noi Azii [Kyrgyz Altai in the context of ethno-cultural processes in Central Asia]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015b. 224 s.

Dashkovskii P. K. Mogil'nik pazyrykskoi kul'tury Khankarskii dol na Altae: kharakteristika pogrebal'nogo obriada i osnovnye napravleniia mezhdistsiplinarnykh issledovaniia [The Burial site of the Pazyryk culture Khankaisky dollars in the Altai: characteristics of the burial rite and the main directions of interdisciplinary research]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective]. Vyp. IX. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016. S. 42–66.

Dashkovskii P. K. Predvaritel'nye rezul'taty izucheniia kurganov skifskoi epokhi na mogil'nike Chineta-tt (Severo-zapadnyi Altai) [Preliminary results of the study of burial mounds of Scythian era on the burial ground Chineta-TT (North-Western Altai)]. V (XXI) *Vserossiiskii arkheologicheskii s'ezd sbornik nauchnykh trudov* [V (XXI) all-Russian archaeological Congress the collection of scientific papers]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017. S. 308–309.

Dashkovskii P. K., Novikova O. N. Predvaritel'nye itogi izucheniia obraztsov laka iz kurgana № 31 mogil'nika Chineta-II (Altai) [Preliminary results of the study of lacquer samples from mound № 31 chineta-II burial ground (Altai)]. *Arkheologiiia Zapadnoi Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniia. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Archeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research. Proceedings of the international conference]. Barnaul. 2015. S. 115–119.

Dashkovskii P. K., Novikova O. N. Kitaiskie laki iz mogil'nika skifskoi epokhi Chineta II (Altai) [Chinese varnishes from the burial ground of the Scythian era Chineta II (Altai)]. *Arkheologiiia, etnografiia i antropologiiia Evrazii* [Archeology, Ethnography and anthropology of Eurasia]. 2017. № 4 (45). S. 102–112.

Dashkovskii P. K., Tishkin A. A. Novye dannye po radiouglerodnomu datirovaniu kurgana № 5 mogil'nika Khankarinskii dol (Altai). *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. S. 119–125.

Dashkovskii P. K., Usova I. A. Pogrebenie pazyrykskoi kul'tury na mogil'nike Khankarinskii Dol (Severo-Zapadnyi Altai) [New data on radiocarbon Dating of barrow No. 5 burial Khankaisky dollars (Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research. Proceedings of the international conference]. 2011. № 3. S. 78–84.

Elikhina Iu. I., Novikova O. G. Issledovaniia kitaiskikh lakirovannykh chashechek epokhi Khan» iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha [Studies of Chinese lacquered cups of the Han from the collection of the State Hermitage Museum]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. № 1. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. S. 135–146.

Kiriushin Iu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. Skifskaya epokha Gornogo Altaia [Scythian epoch of Mountain Altai]. Part II: Funeral and memorial complexes of Pazyryk culture. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 234 s.

Kiriushin Iu. F., Stepanova N. F. Skifskaya epokha Gornogo Altaia [Scythian epoch of Mountain Altai]. Ch. III: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni [Part III: Burial complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 292 s.

Kiriushin Iu. F., Frolov Ia. V. Kompleks pamiatnikov epokhi rannego zheleza v raione s. Elunino [Complex of monuments of the early iron age near the village of Elenino]. *Drevnie poseleniia Altaia* [Ancient settlements of the Altai]. Barnaul, 1998. S. 117–137.

Kubarev V. D. Kurgany Sailiugema [Barrows Sailugem]. Novosibirsk, 1992. 220 s.

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (mounds Chewie and Ursula)]. Barnaul, 2007. 282 s.

Rudenko S. I. Kul'tura naseleniia Gornogo Altaia v skifskoe vremia [Culture of the population of Mountain Altai in the Scythian time]. M. ; L., 1953. 524 s.

Rudenko S. I. Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v skifskoe vremia [Culture of the population of the Central Altai in Scythian time]. M. ; L., 1960. 514 s.

Sorokin S. S. Tsepochna kurganov vremen rannikh kochevnikov na pravom beregu r. Kok-Su (Iuzhnyi Altai) [Chain of barrows of the early nomads on the right Bank of the river Kok-su (southern Altai)]. *Arkheologicheskie soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* [Chain of mounds of the early nomads on the right Bank of the Kok-su river (South Altai)]. Vyp. 16. L., 1974. S. 62–91.

Sutiagina N. A., Novikova O. G. Kitaiskaya lakovaya chashechka iz pogrebeniia “zlotogo cheloveka” (po materialam mogil'nika Bugry v predgor'iakh Altaia) [Chinese lacquer Cup from the burial of the “Golden man” (based on the materials of the burial Hillocks in the foothills of Altai)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and anthropology. Eurasians]. 2016. № 4 (44). S. 83–91.

Tishkin A. A., Dashkovskii P. K. Rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniia pamiatnikov pazyrykskoi kul'tury Khankarinskoi dol i Ialoman-III [The Results of the radiocarbon Dating of the monuments of the Pazyryk culture Khankaiskii \$ Yaloman-III]. *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and paleoenvironmental studies]. SPb., 2007. S. 291–299.

Treister M. Iu. Akhemenidskie iuvelirnye ukrasheniia kostiума iz dragotsennykh metallov iz Iuzhnogo Priural'ia. Izdeliia akhemenidskogo kruga i mestnye traditsii. Proizvedeniia postakhemenidskoi traditsii [Achaemenid costume jewelry made of precious metals from the southern Urals. Products of the Achaemenid circle and local traditions. Works of post-Achaemenid tradition]. *Vliianie akhemenidskoi kul'tury v Iuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influence of Achaemenid culture in the southern Urals (V–III centuries BC)]. M., 2012. T.I. S. 134–165.

Shul'ga P. I. Datirovka kurganov Pazyryka i kitaiskikh zerkal s T-obraznymi znakami [The Dating of the mounds of Pazyryk and Chinese mirror with T-shaped signs // Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. *Arkheologiiia Zapadnoi Sibiri i Altaia: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniia* [Archeology of West Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. Barnaul, 2015. S. 366–371.

Chu Tsin' — Khan' tsitsi ishu (楚秦漆器) / 振裕主. 武: 湖北美出版社. 1996. (Lakovye khudozhestvennye izdeliia kniazhestva Chu / pod red. Chen' Chzhen'iu. Ukhan': Izd-vo Khubei meishu. 1996–318 s. [Lacquer art products of the Principality of Chu, ed. by Chen Janu. Wuhan: Hubei meishu Publishing house. 1996. 318 s.]).

УДК 94 (517) «11/12» (092):930.2 (=58)

Е. Г. Сакович

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

ТИБЕТСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ЧИНГИС-ХАНЕ

Статья посвящена рассмотрению тибетских источников, авторы которых описали детство, юность и политическую деятельность Чингис-хана. Выявлены особенности монгольского летописания XVII в., основанного на буддийско-ламаистском базисе повествования, идея которого заключалась в поиске преемственности монгольских ханов, родословная которых вела начало от индийских и тибетских царей; показаны историко-политические факторы, оказавшие влияние на создание монгольских летописей XVII в. Показана роль тибетского языка в формировании монгольских ученых и его значимость для монгольских летописей XVII в.; уделено внимание рассмотрению достаточно продолжительного процесса завоевания монголами Тибета и последующего его включения в состав Монгольской империи.

Проанализированы взгляды тибетских летописцев на юные годы Чингис-хана: выявлены факторы, которые, по мнению авторов, в большей степени повлияли на формирование его как великого хана; показана деятельность Чингис-хана по объединению племен и формированию Монгольской империи; проанализированы некоторые завоевательные походы Чингис-хана: вторжение монголов в тангутское государство, в государство Цзинь и частично Туркестан.

Ключевые слова: монголы, летопись, территория, источник, завоевательные походы, Чингис-хан, Тибет, Монгольская империя, племена.

E. G. Sakovich

Belarusian State University, Minsk (Belarus)

THE TIBETAN SOURCES ABOUT CHINGIS-KHAN

The article is devoted to the problem of consideration of the Tibetan sources which authors have described Chingis-khan's childhood, youth and political activity. In the article features of the Mongolian annals of the 17th century based on Buddhism and Lamaism basis of the narration which idea consisted in the search of continuity of the Mongolian khans whose family tree started from the Indian and the Tibetan tsars are revealed; historical and political factors which have exerted impact on creation of the Mongolian chronicles of the 17th century are shown. The role of Tibetan language in formation of the Mongolian scientists and the importance of Tibetan language for the Mongolian chronicles of the 17th century is shown in the article; the attention is paid to consideration of rather long process of conquest by Mongols of Tibet and the subsequent Tibet inclusion in the structure of Mongolian Empire.

In the article views of the Tibetan chroniclers for young years of Chingis-khan are studied: factors which, according to authors, have more influenced on his formation as the great khan are revealed; activities of Chingis-khan for association of tribes and formation of Mongolian Empire are shown; and, at last, some aggressive campaigns of Chingis-khan are investigated, namely: the invasion of Mongols to Tangut State, to Jin State and partially to Turkestan.

Key words: Mongols, chronicle, territory, source, aggressive campaigns, Chingis-khan, Tibet, Mongolian Empire, tribes.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-02

Монголо-тибетские отношения имели давние традиции, берущие начало еще задолго до формирования Монгольской империи. Монголы вели тесные культурные и экономические связи с племенами тибетского языкового корня, которые еще в древности занимали обширные пространства в южной части гобийского пояса полупустынь [Рерих, 1999: 140].

Исследователь-монголовед Ю. Рерих писал, что в целях полного понимания монголо-тибетских отношений в древности «следует отрешиться от некоторых представлений о примитивности монгольского племенного уклада конца XII в. ... На территории Монголии существовали крупные государственные образования феодального типа, которые явились как бы предвестниками событий XIII в. Политические и экономические отношения с соседними тибетскими племенами особенно поддерживались кереитами — мощным монгольским племенем, кочевавшим между... реками Тулой и Хангам. ... Через тангутское царство Тибет был осведомлен о событиях в Монгольской степи. Повторные рейды монгольской конницы в тангутские земли в начале XIII в. вызвали беспокойство в Тибете и породили попытки завязать дружеские отношения с новым государством на севере» [Рерих, 1999: 141].

Уже после окончательного разгрома тангутского царства в 1227 г. монголы заняли обширные пространства тибетских земель и вплотную столкнулись с тангутскими племенами, а также с уйгурами, принявшим тибетскую форму буддизма. Именно через по-

следних тибетская культура проникла в Монгольскую империю [Рерих, 1999: 142]. Уйгуры, являвшиеся в свое время одним из культурных народов Центральной Азии, оказали на монголов значительное влияние, передали им свою письменность, были первыми их учителями. Чингис-хан поручил даже обучение своих детей и детей знати учителям из уйгуров [Бира, 1978: 31].

Тибетские пограничные земли составляли феодальный удел царевича Годана, сына хана Угедея и младшего брата Гуюка. Монгольские гарнизоны были расположены вдоль всей пограничной полосы. Тем не менее монголы воздержались от военных действий в труднопроходимых горных областях и ограничились лишь набегами конницы на кочевья на северо-востоке Тибета. В академических кругах советских исследователей относительно проблемы только частичного завоевания монголами Тибета были выявлены следующие основные причины. Во-первых, как подчеркивали ученые, Тибет лежал в стороне от главных направлений монгольской экспансии (Китай), а также западного направления (Хорезм). Что же касается южного направления (Си-Ся), то и тут Тибет находился на его периферии. Такое геополитическое положение обеспечивало стране относительную безопасность. Более того, определенную роль могли сыграть в том числе и природные условия: высокие, труднопроходимые горы были значительно более удобны для защиты, чем для нападения.

Во-вторых, исследователи отмечали, что совокупность данных, взятых из различных источников, о намерениях Чингис-хана, позволяет заключить, что Тибет не входил в сферу его непосредственных интересов, поэтому он не замыслил походов туда. Ученые высказали предположение, что вероятными причинами этого явились недостаточность сведений о Тибете, имевшихся в распоряжении Чингис-хана, концентрация его внимания на более богатых и более доступных странах, часть которых к тому же находилась значительно ближе к Монголии и даже по соседству с ней [Кучера, 1977: 265]. Окончательное включение Тибета в Монгольскую империю состоялось в 1250-х гг. во время правления Мэнгу-хана. Этот акт являлся частью плана покорения Южного Китая. Готовясь к решающей схватке с Южносунским государством, монголы задумали полностью блокировать его с суши. В связи с этим в 1253–1258 гг. их конница под командованием Хубилая и Урянхатая провела ряд операций против сопредельных с Китаем государств и народов. Именно тогда и была решена участь Тибета [Кучера, 1977: 270–271].

Изменения политики Монгольской империи в отношении Тибета начались при Хубилае, который поощрял распространение буддизма в Тибете. В 1264 г. было создано специальное учреждение, которое ведало «и управляло буддийской религией, монахами и даже территорией Тибета». Эти меры были проявлением сознательной политики Хубилая, рассчитанной на использование религиозных воззрений для подчинения тибетцев [Кучера, 1977: 271]. Еще в 1258 г. Хубилаем был созван духовный собор, на котором выступили представители буддистов, возглавляемые Пакпа-ламой, и даосистов. Результатом этого собора явилось осуждение даосистов, которым было предписано вернуть буддистам захваченные монастыри и храмы. Хубилай назначил Пакпа-ламу государственным наставником — го-ши. В 1264–1265 гг. Пакпа-лама вернулся в Тибет, однако уже в 1268 г. он вновь был приглашен к ханскому двору, где остался на семь лет. К этому времени относится создание им монгольского государственно-го письма, так называемого квадратного, на основе тибетского [Рерих, 1999: 143–146].

Значимость тибетского языка в истории культуры Монголии оценивалась весьма высоко. Некоторые ученые-монголоведы, например Ш. Бира, распространение тибет-

ского языка в Монголии сравнивали с ролью латыни в Европе. Исследователь указывал, что тибетский язык в Монголии даже выступал как соперник собственно монгольского языка: именно на нем писали многие монгольские авторы, подчеркивая свою ученость и эрудицию [Суходолов, Кузьмин, Василенко, 2017].

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух важных тибетских источников, охватывающих историю жизни Чингис-хана — «Алтан Тобчи» («Золотое сказание») и «Ганга-йин урусхал» (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга»). Касаясь проблематики, связанной с особенностями монгольского летописания периода XVII–XIX вв., Н. П. Шастина отмечала, что в монгольских летописях указанного периода непосредственно биография Чингис-хана, особенно описание событий его детства и юности, а также его борьба с владьками монгольских племен, и, наконец, его политическая деятельность как объединителя монголов, занимает много места. В то время как рассказ о завоевательных походах всегда чрезвычайно краток. В большинстве случаев летописцы упоминают только названия завоеванных стран. Вероятная причина этого, по мнению исследователя, заключается в том, что сведения о военных походах для летописцев XVII в. уже были утеряны, да и памяти народной их не сохранилось, потому как монголы, участвовавшие в походах, вынуждены были расселиться по чужим завоеванным странам, а вернувшиеся из походов были вовлечены в новые войны. Политическая же деятельность Чингис-хана как создателя государства для монголов была, с точки зрения летописцев, привлекательной и заслуживающей особого внимания [Данзан, 1973: 37].

Можно согласиться с мнением специалиста в области изучения монгольского летописания Н. Д. Цендина, которая утверждала, что «приверженность монгольских авторов к написанию родовых историй некоторым образом объясняет их странное, на первый взгляд, равнодушие к завоевательным походам своих предков после Чингис-хана... Походы на запад практически не описаны ни в одной монгольской летописи. По-видимому, такую историю должны были создавать представители тех родов, которые осели в Иране, Афганистане, Средней Азии, и ханы которых там стали править. Но, как известно, они очень скоро перестали писать по-монгольски. Таким образом, монгольские летописи XVII–XIX вв. сохраняют черты родовой истории на всем протяжении своего существования... И объедини монголов в свое время не Чингис-хан... летописцы писали бы свою историю, основываясь на других родословных» [Цендина, 2007: 25–26].

Исследователь-монголовед Л. С. Пучковский подчеркивал, что общей чертой монгольских летописей, созданных в XVII в., являлось то, что их авторами в самом начале повествования, как правило, помещалась истории царей Индии и Тибета. Далее летописцы стремились показать, что преемниками индийских царей являлись тибетские цари, затем юаньские императоры, наконец, монгольские ханы [Пучковский, 1953: 152]. На составление летописей именно по такому образцу, как писал ученый, оказало влияние буддийское духовенство. Еще в конце XVI в. усилился процесс проникновения буддизма к монголам, повсеместному распространению которого, в свою очередь, способствовали монгольские ханы. Пользуясь поддержкой со стороны светской власти, буддийская церковь содействовала укреплению авторитета монгольских ханов, предоставив им возможность использовать культ так называемых «перерожденцев» для доказательства «преемственности» их происхождения от древних царей Индии и Тибета [Пучковский, 1953: 159–160]. Тем не менее стоит отметить, что летописцы, заимствуя данные из генеалогии индийских и тибетских царей, подвергали их весьма серьезной

обработке, стремясь при этом значительно упростить текст повествования для более легкого его восприятия [Базарова, 2006: 283].

Автором «Алтан тобчи» являлся ученый лама китайского происхождения Лубсан Данзан, написавший его между 1651 и 1675 г. [Данзан, 1973: 27]. Именно эта летопись по сравнению с другими интересна тем, что, во-первых, составлена в эпоху монгольского ренессанса, в основе которого лежали активизация борьбы за объединение монгольских земель и распространение буддизма-ламаизма, и, во-вторых, тем, что содержит в себе монгольский текст «Сокровенного сказания» и целый ряд других рассказов, датированных еще первой половиной XIII в. [Жамцарано, 1986: 80; Бира, 1978: 165]. Советскими монголоведами было проведено исследование на предмет тождественности текстов «Алтан тобчи» и «Сокровенного сказания». Итогом работы стало утверждение, что, безусловно, «Алтан тобчи» содержит пересказ значительной части «Сокровенного сказания», непосредственно сами летописные памятники представляют собой совершенно несвязанные произведения [Даназан, 1973: 21]. В «Алтан тобчи» так же, как и в других монгольских летописях, прозаический рассказ часто прерывается стихотворной речью. Благодаря использованию древних преданий в «Алтан тобчи» наблюдается значительно большее по сравнению с другими летописями количество разнообразных поэтических фрагментов [Даназан, 1973: 30].

О рождении Темучжина, будущего Чингис-хана, в «Алтан тобчи» содержится весьма интересное предание, которое гласило, что, когда родился Темучжин, то в правой руке он сжимал сгусток черной запекшейся крови. А когда праздновали его рождение, то привели пленного татарина Темучжина-Уге, то и, согласно обычаю, так и нарекли его. Но, как утверждает автор летописи, назвали его именно так и по той причине, что качали в железной колыбели [Данзан, 1973: 66].

Мальчик, родившийся со сгустком крови в руке, — это весьма популярный фольклорный сюжет, широко известный в Индии и Иране. Е. И. Кычанов, исследовавший биографию Чингис-хана, писал, что именно такое рождение предвещало появление безжалостного завоевателя. Раз мальчик родился, зажав в руке сгусток крови, его отец Есутей-багатур решил, что это знак его высокого предназначения как воина, его будущая судьба — судьба завоевателя [Кычанов, 1995: 23]. Что касается сюжета о проблеме наречения мальчика Темучжином, то сведения «Алтан тобчи», вероятно, основываются на летописных данных «Сокровенного сказания». Поскольку рождение мальчика совпало с приводом татарского Темучжин-Уге, его, вероятно, именно так его и нарекли [Кычанов, 1995: 23]. Одни исследователи полагают, что имя «Темучжин» в переводе с древнемонгольского означает «кузнец». Другие обратили внимание на то, что имя будущего Чингис-хана, согласно монгольской литературной традиции, происходит от слова «темур» («железо»), что и отражено и «Алтан тобчи» при упоминании железной колыбели [Данзан, 1973: 314].

В «Алтан тобчи» можно прочесть некоторые сведения о месте рождения Темучжина. Согласно летописному сообщению, родился он «посередине островка на море» [Данзан, 1973: 66]. Местность, где родился Темучжин, строго не локализуется. Одни исследователи, например Н. П. Шастина, утверждали, что выражение «морской островок» часто встречается в фольклорных произведениях, а в данном случае указывает на легендарность всего рассказа [Данзан, 1973: 314]. Другие ученые (Е. И. Кычанов) полагали, что место рождения будущего хана — это Делюн-булдак на правом берегу реки Онон [Кычанов, 1995а: 23]. Третьи исследователи (П. Пельо, Л. Гамбис) сходились во мне-

нии, что это холм, который находился на берегу Онона по соседству с местностью Ехерал — «Большой остров» [Кычанов, 1995: 24].

Проблемным представляется также вопрос, касающийся выяснения точной даты рождения Чингис-хана. В «Алтан тобчи» по этому поводу содержится весьма интересное замечание. Так, Лубсан Данзан писал, что «прошло с лишком три тысячи двести пятьдесят лет после того, как Будда погрузился в нирвану, прежде чем родился во вселенной Джамбутиба обладающий величием августейший Чингис-хаган... И всемогущим Буддой Шикэмуни было отдано повеление, чтобы появилось перерождение пламенного Эсруа-тэнгри — обладающий величием августейший Чингис-хаган — для того, чтобы ведать живыми существами» [Данзан, 1973: 67].

Как видно из сообщения летописца, Лубсан Данзан, следуя буддийским канонам, рождение Темучжина просчитал с того момента, когда Будда Шакьямуни «достиг наивысшего просветления», т. е. погрузился в нирвану. Таким образом Лубсан Данзан обосновал не только древнее, но и священное, с точки зрения буддистов, происхождение великого хана. Но в этом он превзошел даже своих предшественников, возведя Чингис-хана в ранг истинных буддийских царей-Чакравартинов, его пришествие было предсказано якобы самим Буддой. Такая концепция, как писал монголовед Ш. Бира, должна была в то время оказать воздействие на умы верующих, способствуя закреплению культа Чингис-хана в монгольской историографии [Бира, 1978: 235–236]. Тем не менее, следуя написанному о Чингис-хане Лубсаном Данзаном, весьма проблематичным представляется, на наш взгляд, установление точной и даже хотя бы приблизительной даты его рождения.

Лубсан Данзан, сообщая о гибели отца Темучжина, утверждал, что Есугей-баатур погиб в тот момент, когда он возвращался домой, сосватав невесту Темучжину по древнему монгольскому обычаю из того же олхонутского племени, из которого вела происхождение и мать будущего великого хана. В летописи по этому поводу значится: «Во время обратного пути Йисугей-баатур захотел пить и сошел с коня... где сидели татары и пировали. Там были его старые враги... Они вспомнили о прежних нападениях и из вражды к нему подмешали яд и дали ему напиток» [Данзан, 1973: 69–70]. Перед смертью Есугей-баатур позвал своего приближенного Мунлика и попросил его привезти Темучжина в юрту отца. Рассматривая последовавшие события, Лубсан Данзан утверждал: «Когда Мэнглик, взяв с собой Томучина, приехал, Йисугей-баатур уже стал тэнгри» [Данзан, 1973: 70].

После смерти Есугея наступило время великих перемен, ибо все его люди начали покидать его семью, уходя каждый своим путем. В «Алтан тобчи» по этому поводу сообщается: «Родня-тайчигуты откочевали, оставив в кочевье мать малых сирот» [Данзан, 1973: 72]. Е. И. Кычанов полагал, что сложившаяся ситуация оказалась далеко не в пользу вдовы Оэлун с детьми, поскольку «входившие в есугаев улус тайчиуты и раньше завидовали власти Есугая... прочие родичи и нукеры, служившие Есугаю, отказались повиноваться его вдове и приняли сторону тайчиутов, а это сразу же превратило тайчиутских вождей в таких же самостоятельных правителей улуса» [Кычанов, 1995: 52]. В «Алтан тобчи» далее содержится сообщение о пленении Темучжина тайчиутами и последовавший его побег [Данзан, 1973: 76–77]. Е. И. Кычанов, более пристально анализируя данный сюжет, отмечал, что сведения источников на проблематику разнятся. Так, в частности, персидский историк Рашид-ад-Дин сообщал о пленении Темучжина меркитами, в то время как «Сокровенное сказание» указывало на то, что это были тайчиуты [Кычанов, 1995: 60–61].

После возвращения из плена Темучжина Лубсан Данзан ведет повествование о нем уже как о воине, у которого появились первые нукеры (дружинники), и как главе аила (монгольской кочевой семейной группы). Немаловажное значение придавал Лубсан Данзан борьбе Чингис-хана с меркитами. В летописи весьма кратко упоминается о пленении меркитами жены Темучжина Борте и недолгое преследование ими его самого, обращение Темучжина за помощью к керейтскому Тоорил-кагану, которую в итоге он и получил [Данзан, 1973: 86–89]. Стоит обратить внимание на начало главы, в которой Лубсан Данзан повествовал о борьбе Темучжина с меркитами. Так, летописец сообщал, что Темучжин, обращаясь к Тоорил-кагану за поддержкой, получил такой ответ: «Разве не говорил я тебе прежде... когда ты принес соболью шубу и сказал: «Во времена отца вы с ним назвались побратимами, так и будь моим отцом», разве не говорил я: «За твою шубу из черных соболей я отплачу, твой отделившийся народ соберу и тебе отдам» [Данзан, 1973: 86]. Очевидно, в этом сообщении летописца явно просматривается наличие связей кровного родства. Е. И. Кычанов по этому поводу заметил, что «к этому времени Темучжин уже вписался в систему взаимоотношений между правителями части монгольской степи, оформленных в терминах кровного родства, как это было принято в ту эпоху в Центральной Азии и в Китае» [Кычанов, 1995: 77].

Лубсан Данзан также останавливался на эпизоде изменения в отношениях Темучжина и Чжамухи — его родственника и друга детства. В летописи рассказывается об их совместных походах на меркитов, последовавшее братание, подарок Темучжина Чжамухе золотого пояса, а после полного разгрома меркитов еще и обмен лошадьми [Данзан, 1973: 96–97]. Е. И. Кычанов, комментируя данное сообщение Лубсана Данзана, писал, что «после разгрома меркитов Темучжин получил немалую добычу. Но по неясным для нас причинам... он со всеми своими людьми не ушел от Чжамухи... Полтора года их совместной жизни... сыграли важную роль в карьере Темучжина, на пути превращения его из Темучжина в Чингис-хана. Именно в это время он успел привлечь на свою сторону многих соплеменников, поставил их перед выбором между ним и Чжамухой и смог начать борьбу за восстановление своего улуса» [Кычанов, 1995: 80]. Очевидно, описанные события, по мнению Е. И. Кычанова, следует относить к 1184 г. [Кычанов, 1995: 80]. Некоторое время спустя, примерно в 1189 г., Темучжин был провозглашен частью монголов ханом и, вероятно, тогда же впервые получил титул Чингис-хан [Кычанов, 1995: 84].

Стоит отметить, что провозглашение его ханом еще в конце XII в. признавали отнюдь не все летописцы. В советской историографии также утвердилась точка зрения относительно 1206 г., в котором Темучжин получил этот титул. Тем не менее Лубсан Данзан относил это событие к гораздо более раннему времени, а именно после разгрома Темучжином меркитов: «Алтан, Хучир и Сэчэн-бэки сказали Томучину: «Сделаем тебя хаганом!», как только приняли они это решение, то поклялись и принесли жертву верховному вечному Небу, водрузили и воздвигли девятиножное белое знамя» [Данзан, 1973: 100].

Достаточно кратко сообщается в летописи о походе Чингис-хана против татар: «погнало татар... и разгромили их. Уничтожили могущественный народ цаган-татар, элчи-татар, дугагир-татар, арухай-татар» [Данзан, 1973: 132–133]. Разгромив татар, Чингис-хан, согласно летописи, заявил: «С давних пор татарский народ губил наших отцов и дедов. За отцов и дедов мстим, ... с чекой их сравним, и кто выше чеки, тех уничтожим. Кто останется — станет рабами...» [Данзан, 1973: 132–133]. Е. И. Кыча-

нов полагал, что жестокое поведение Чингис-хана обусловлено, во-первых, тем, что он не забыл гибели своего отца от их рук, во-вторых, в том числе и тем, что среди монголов была жива память о жестоких войнах с татарами в прошлом [Кычанов, 1995: 110].

Автор «Алтан тобчи» упоминает также и о разгроме Чингис-ханом кереитов, которые являлись самым могущественным из всех монгольских племен. Осложнившаяся ситуация из-за очередной вражды Чингис-хана с Чжамухой явилась причиной достаточно длительного военного столкновения Чингис-хана с кереитами, на стороне которых выступал Чжамуха. Тем не менее в летописи достаточно пространно об этом сообщается. Лубсан Данзан склонен скорее обвинять в начале очередного этапа вражды кереитского Он-хана, который, по словам летописца, интересовался количеством воинов Чингис-хана. Очевидно, симпатизируя Чжамухе, летописец отмечал, что он направил тайно от Он-хана посла, который передал Чингис-хану все, что было ему известно о кереитах. Более того, посланец должен был довести до его сведения, что Чжамуха отказывается выступать против побратима Чингис-хана [Данзан, 1973: 143–144].

Недостаточно полно Лубсан Данзан осветил военные походы Чингис-хана, сделав акцент только на вторжениях в государство тангутов Си-Ся, государство Цзинь и частично Туркестан. Государство тангутов было первым большим государством, которое подверглось нашествию монголов. Почти по всей северной границе, протянувшейся от Ордоса до Хамийского оазиса, вдоль южной окраины пустыни Гоби, тангуты граничили с монгольскими племенами. Первое вторжение монголов в пределы тангутов датируется 1205 г., второе состоялось гораздо позже — в 1209 г., затем последовало третье — в 1220 г. [Кычанов, 1977: 46, 51, 52]. Следует отметить, что автор «Алтан тобчи» по поводу завоевательных походов Чингис-хана сообщал весьма противоречивую информацию, поскольку в одной и той же главе описывал походы великого хана одновременно и на государство Си-Ся, и на государство Цзинь. В главе, посвященной военной деятельности Чингис-хана в этом направлении, Лубсан Данзан перечислял города, которые были осаждены монголами, весьма часто перемежая рассказ легендами о завоевании ими государства тангутов и государства Цзинь [Данзан, 1973: 218–227].

О покорении Туркестана в «Алтан тобчи» Лубсан Данзан писал о событиях, касающихся в большей мере административного управления монголами завоеванных территорий. В частности, в летописи можно прочесть следующее: «Окончив покорение сартагульского народа, Чингис-хаган также дал повеление, чтобы во всех городах были поставлены даругачи. Из города Ургенча прибыли отец и сын Иаламча и Масахут — оба из сартагульского рода хормэгэй. Они рассказали Чингис-хану о правилах управления городом. Беседуя с ними, Чингис-хаган понял, что правила эти схожи с правилами Ясы, и поэтому поставили сына его Масахута-хорезмийца вместе с нами управлять городами...» [Данзан, 1973: 228–229]. Как следует из сообщения Лубсана Данзана, Чингис-хан предпочитал назначать в качестве даругачи (представителей хана) местных правителей.

В целом, «Алтан тобчи» Лубсана Данзана содержит по большей части отрывочные сведения, касающиеся детства, юности и, наконец, политической деятельности Чингис-хана. Тем не менее данная летопись, созданная тибетским автором, зачастую описывает весьма ценные факты, отсутствующие в монгольских и китайских летописях, посвященных биографии Чингис-хана.

Что касается еще одного источника «Ганга-йин урусхал» (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга»), следует отметить, что

вплоть до нашего времени полный текст остается недоступным. Лишь по некоторым переведенным частям текста и комментариям монголоведа Л. С. Пучковского можно проанализировать отдельные моменты биографии Чингис-хана. Автор летописи, по одним данным, происходил из «золотого рода священного Чингис-хана», по другим — имел титул гун — «князь». Гомбоджаб был известен при императорском дворе своим знанием языков, в особенности тибетского. Именно по этой причине император Юн-чжэн (1723–1735) направил его руководить тибетской школой в Пекине [Гомбоджаб, 1960: 6].

«Ганга-йин урусхал» представляет собой прежде всего историко-генеалогическое сочинение. По словам Гомбоджаба, сочинение это было написано для того, чтобы удовлетворить интерес многих желающих знать родословную «основной линии» рода Чингис-хана. Специфика этого сочинения заключается в том, что Гомбоджаб сосредоточил внимание на перечислении имен в «золотом роде Чингиса». Приводятся, например, имена семи сыновей Угедея, шести сыновей Тулуя, десяти сыновей Хубилая и др. [Гомбоджаб, 1960: 11].

Л. С. Пучковский, анализируя исторические условия, в которых появилась летопись, писал, что «в монгольской историографии XVII–XIX вв. отразились политические взгляды и мировоззрения феодальной аристократии. Они получили выражение в идее непрерывной преемственности происхождения монгольских ханов. Следуя этой идее, автор «Ганга-йин урусхал», указывал, что предки Чингис-хана происходили от индийских и тибетских царей, после чего изложил подробную родословную преемников Чингис-хана, и далее — юаньских императоров» [Гомбоджаб, 1960: 12]. Таким образом Гомбоджаб установил преемственность — непрерывную, как течение Ганга. Следует отметить, что в этой идее древность происхождения монгольских ханов тесно связывалась с их высоким происхождением [Гомбоджаб, 1960: 12].

Подчеркивая специфику «Ганга-йин урусхал», Л. С. Пучковский указывал, что достаточно подробные сведения об основной линии рода Чингис-хана относятся главным образом к его потомкам, правившим в землях, входивших в улус Тулуя [Гомбоджаб, 1960: 15]. На сочинение Гомбоджаба в большей степени, чем на другие летописи, особенно сильно сказалось китайское и буддийское влияние. Например, оно прослеживается в сообщениях о том, что Чингис-хан почитал Чань-Чуня как наставника в делах управления государством, а Угедэй и Хубилай устанавливали законы по китайским образцам [Гомбоджаб, 1960: 20]. Гомбоджаб также представил Чингис-хана «как владеющего золотой землей» (т. е. миром) и как «обладающего счастьем-величием» на основании буддийских воззрений «о неизменных благопожеланиях прекрасных добродетелей» [Гомбоджаб, 1960: 21].

В итоге, «Ганга-йин урусхал», как и «Алтан тобчи», в описании детства, юности и политической деятельности Чингис-хана содержат легендарные сведения наряду с историческими фактами. Тем не менее значимость «Ганга-йин урусхал» заключается в том, что автор данной летописи Гомбоджаб при ее создании использовал ряд тибетских и монгольских источников, в том числе в не сохранившихся полном виде до наших дней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. М. : Academia, 2006. 364 с.
- Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М. : Наука, 1978. 320 с.

Гомбоджаб. Ганга-ийн урусхал (История золотого рода владыки Чингиса. Сочинение под названием «Течение Ганга») / изд. текста, введение и указатель Л. С. Пучковского. М. : Восточная литература, 1960. 66 с.

Данзан Лубсан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введение, коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.

Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. // Труды Института Востоковедения. XVI. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1986. 122 с.

Кучера С. Завоевание монголами Тибета // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 260–281.

Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан. Личность и эпоха. 2-е изд., пер. и доп. М. : Восточная литература, 1995. 272 с.

Кычанов Е. И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. : Наука, 1977. С. 46–61.

Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М. ; Л., 1953. С. 130–166.

Рерих Ю. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV // Ю. Рерих Тибет и Центральная Азия. Статьи, лекции, переводы. Самара : Агни, 1999. С. 140–152.

Суходолов А. П., Кузьмин Ю. В., Василенко В. А. Проблемы истории, источниковедения и историографии Монголии. К 90-летию академика Шагдарын Бира // *Baikal Research Journal: электронный научный журнал Байкальского государственного университета*. 2017. Т. 8. №2 [Электронный ресурс]. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?d=21457/> (дата обращения: 05.01. 2018).

Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции. М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 2007. 272 с.

REFERENCES

Bazarova B. Z. *Mongol'skie letopisi — pamiatniki kul'tury* [Mongolian annals — cultural monuments]. М. : Academia, 2006. 364 s. (in Russian).

Bira Sh. *Mongol'skaia istoriografiia (XIII–XVII vv.)*. [Mongolian historiography (XIII–XVII centuries.)]. М. : Nauka, 1978. 320s. (in Russian).

Gombodzhab. Ganga-iin uruskhal (*Istoriia zolotogo roda vладыki Chingisa. Sochinenie pod nazvaniem "Techenie Ganga"*) [The history of the golden kind of lord Chingis. An essay titled "The Current of the Ganges"]. Izd. teksta, vvedenie i ukazatel' L. S. Puchkovskogo. М. : Vostochnaia literatura, 1960. 66 p. (in Russian).

Danzan Lubsan Altan tobchi "*Zolotoe skazanie*" [The Golden Legend]. Per. s mong., vvedenie, komment. i pril. N. P. Shastinoi. М. : Nauka, 1973. 439s. (in Russian).

Zhamtsarano Ts. Zh. *Mongol'skie letopisi XVII veka*. [Mongolian chronicles of the XVII century]. *Trudy Instituta Vostokovedeniia*. [Proceedings of the Institute of Oriental Studies] XVI. М. : Л. : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1986. 122s. (in Russian).

Kuchera S. *Zavoevanie mongolami Tibeta* [Conquest by the mongols of Tibet]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. М. : Nauka, 1977. S. 260–281 (in Russian).

Kychanov E. I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir. Chingis-khan. Lichnost' I epokha*. [Life of Temujin, who thought to conquer the world. Genghis Khan. Personality and Age] 2-е изд., пер. и доп. М. : Vostochnaia literatura, 1995. 272s. (in Russian).

Kychanov E. I. Mongolo-tangutskie voyny i gibel' gosudarstva Si Sia [Mongol-Tangut War and the death of Xi Xia State] *Tataro-mongoly v Azii i Evrope*. [Tatar-Mongols in Asia and Europe]. M. : Nauka, 1977. S. 46–61 (in Russian).

Puchkovskii L. S. Mongol'skaia feodal'naia istoriografiiia XIII–XVII vv. [Mongolian feudal historiography of the XIII–XVII centuries]. *Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Scientific notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR]. T. VI. M. ; L., 1953. S. 130–166 (in Russian).

Rerikh Iu. Mongolo-tibetskie otnosheniia v XIII i XIV [Mongolian-Tibetan relations in XIII and XIV]. *Iu. Rerikh Tibet i Tsentral'naia Aziia* [Yu. Roerich Tibet and Central Asia]. Stat'i, lektsii, perevody. Samara: Agni, 1999. S. 140–152 (in Russian).

Sukhodolov A. P., Kuz'min Iu. V., Vasilenko V. A. Problemy istorii, istochnikovedeniia i istoriografii Mongolii. K 90-letiiu akademika Shagdaryn Bira [Problems of history, source study and historiography of Mongolia. To the 90th anniversary of academician Shaghryrin Bira]. *Baikal Research Journal*. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. T. 8. № 2. Available at: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?d=21457/> (accessed January 1, 2018) (in Russian).

Tsendina A. D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii* [Mongolian chronicles of the XVII–XIX centuries: narrative traditions.]. M. : Rossiiskii gos. gumanit. un-t, 2007. 272s. (in Russian).

Раздел II

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

УДК 9 (904)

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ²

В статье представлен опыт реконструкции процессов сложения и эволюции форм погребальной обрядности тюрок Центральной Азии. Осуществлен анализ материалов раскопок более 450 захоронений, исследованных в различных частях региона. Основную массу изученных памятников составили некрополи, расположенные на Алтае, в Туве, Минусинской котловине и Монголии и демонстрирующие развитие культуры кочевников во второй половине I — начале II тыс. н. э. Анализ погребальных комплексов раннего кызыл-ташского этапа (вторая половина V — первая половина VI в.) позволил установить весьма слабую связь с традициями населения Алтая хуннуско-сяньбийского времени. Вместе с тем такая преемственность фиксируется по материалам раскопок «поминальных» объектов, а также при рассмотрении предметного комплекса. Судя по имеющимся данным к середине VI в. произошло формирование стандартных форм погребального обряда тюрок, которые в эпоху Первого каганата и в более позднее время получили распространение на обширных территориях. В этот период, а также на последующих катандинском, туэктинском и курайском этапах (вторая половина VIII — первая половина X в.) фиксируется тенденция, связанная с усложнением погребальных сооружений и увеличением варибельности наземных и внутримогильных конструкций. Немногочисленные памятники конца I — начала II тыс. н. э. отражают упадок традиций погребальной обрядности тюрок.

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта МОН РК №AP05135345 «Мифологические универсалии и духовные практики в реконструкции этноисторической картины мира тюркских народов».

Ключевые слова: тюрки, погребальный обряд, Центральная Азия, археологические памятники, исторический контекст, реконструкция.

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

FUNERAL RITE OF EARLY-MEDIEVAL TURKS IN CENTRAL ASIA: FORMATION AND EVOLUTION

The article concerns the reconstruction of the formation and evolution of the Turkic funeral rite in Central Asia. The author analyzes the materials of more than 450 burials, excavated in various parts of the region. The main part of the studied sites are the necropolises located in the Altai, Tuva, Minusinsk Basin and Mongolia. These objects demonstrate the development of nomadic culture in the second half of the I — early II millennium AD. The analysis of the burial complexes of the early Kyzyl-Tash stage (the second half of the V — first half of the VI centuries) made it possible to establish a very weak connection with the traditions of the Altai population of the Xiongnu-Xianbei period. At the same time, that similarity is fixed on materials of ritual objects, and also at consideration of inventory from sites. Judging by the available data, the formation of standard forms of the Turkic funeral rite happened in middle of the VI century AD. In the era of the First Kaganate and later it became widespread in vast territories. At this time, as well as in the subsequent Katanda, Tuekta and Kurai stages (the second half of the VIII — the first half of the X centuries), the tendency of complication of funerary structures and an increase in the variability of burial constructions took place. A few sites of the end of I — beginning of II millennium AD demonstrate the decline of the traditions of the Turkic funeral rite.

Keywords: Turks, funeral rite, Central Asia, archaeological sites, historical context, reconstruction.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-03

Как известно, погребальный обряд представляет собой один из весьма консервативных элементов культуры древних и средневековых обществ. Любые новации, фиксируемые этой сфере, отражают серьезные изменения в мировоззренческих представлениях людей, которые в свою очередь были обусловлены важными историческими событиями — миграциями, завоеваниями, сменой элиты и др. Более частым явлением была эволюция форм обрядовой практики, демонстрирующая трансформации более частного порядка. Таким образом, анализ материалов раскопок некрополей, относящихся к различным периодам в развитии конкретного социума, позволяет рассматривать многие аспекты его истории. В настоящей статье представлен опыт реконструкции процессов формирования и эволюции погребального обряда раннесредневековых тюрок Центральной Азии. При этом результаты изучения археологических ма-

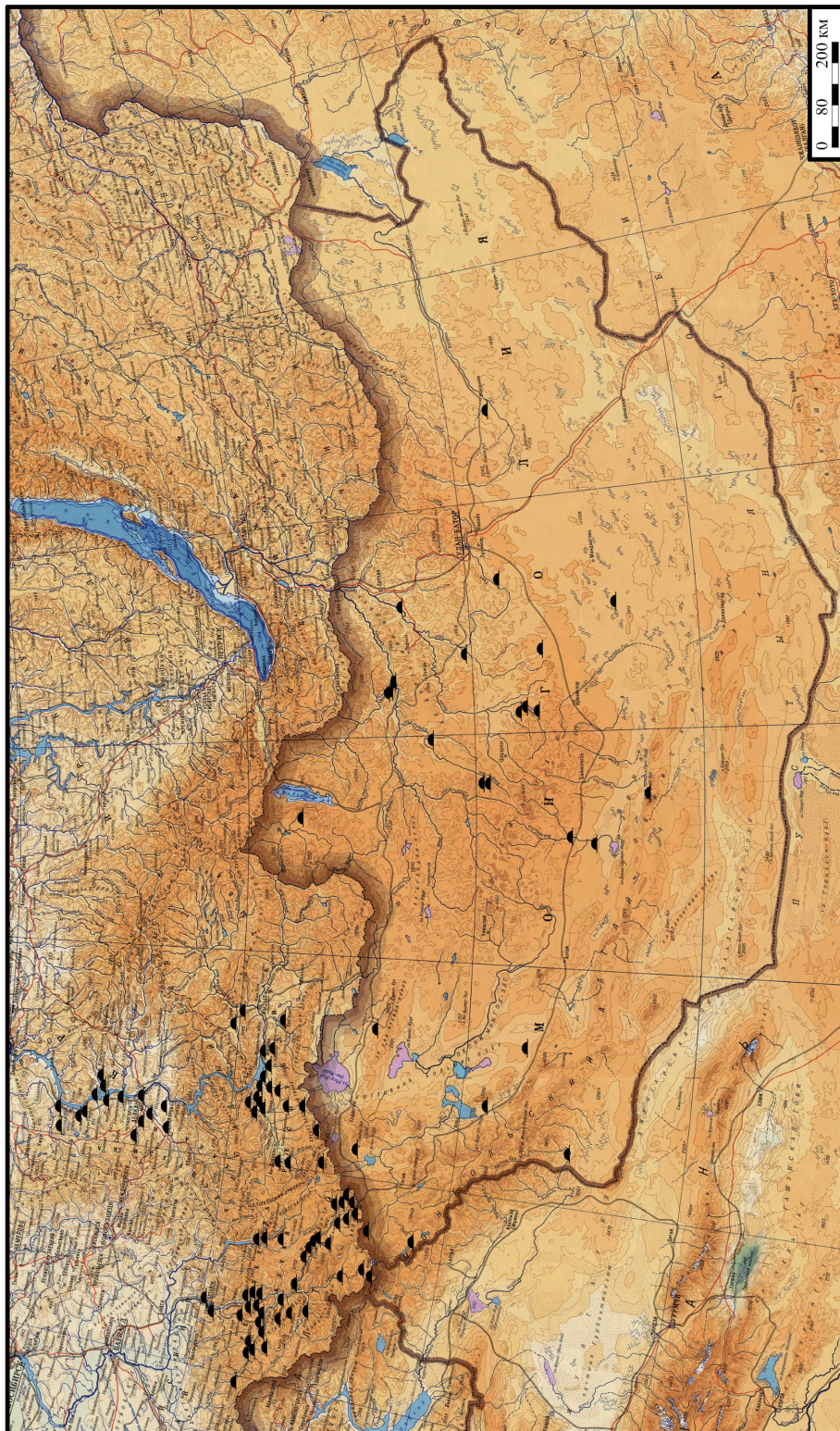
териалов рассмотрены в контексте основных историко-культурных процессов, происходивших в регионе во второй половине I — начале II тыс. н. э.

Кратко остановимся на характеристике имеющейся источниковой базы. Погребальные памятники раннесредневековых тюрок исследованы главным образом на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины (см. рис.). Раскопки таких объектов осуществляются начиная с середины XIX в., и почти каждый год появляются новые материалы.

К настоящему времени наиболее хорошо изученным с этой точки зрения регионом следует считать Алтай. На данной территории раскопаны около 200 тюркских захоронений, демонстрирующих развитие культуры кочевников начиная с конца V — начала VI в. н.э. и вплоть до XI в. н.э. [Серегин, Матренин, 2016: 251–271; Дашковский, Серегин, 2009]. Несколько меньшее количество погребальных комплексов тюрок известно на территории Тувы. Судя по имеющимся сведениям, в данном регионе изучено более 85 таких захоронений [Серегин, 2013б: 197–201], причем количество объектов благодаря раскопкам последних лет увеличивается [Дорога длиной..., 2015; Килуновская и др., 2017; Садыков, 2017]. Особую группу тюркских некрополей, отражающих специфику локального варианта культуры кочевников, демонстрируют результаты исследований в Минусинской котловине [Худяков, 2004; Серегин, Матренин, 2016: 174–182]. На сегодняшний день в данном регионе изучены более 100 тюркских захоронений, характеризующихся рядом специфических черт, но, несомненно, относящихся к рассматриваемой общности кочевников [Серегин, 2013б: 201–204].

По сравнению с накопленными материалами раскопок в Алтае-Саянском регионе довольно незначительным выглядит количество погребений раннего Средневековья, исследованных в центре каганатов тюрок — Монголии, особенно если принимать во внимание размеры данной территории. На сегодняшний день в различных частях страны раскопаны около 50 тюркских захоронений [Серегин, 2017б]. Большая часть объектов раннего Средневековья изучена в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна довольно представительная серия памятников на западе страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также зафиксированы отдельные объекты на северо-востоке. При этом очевидно, что такая локализация тюркских некрополей лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей мере территориальные рамки распространения известных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных областях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться.

Анализ выявленных закономерностей в расположении и локализации курганов тюрок Монголии показывает, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты второй половины I тыс. н. э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов периода раннего Средневековья определенным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных погребений. Другим фактором следует считать фрагментарность опыта целенаправленных исследований погребальных памятников тюрок, что также объясняет и немногочисленность известных некрополей населения данной общности на территории Казахстана и Средней Азии, которые в настоящей работе привлекаются в качестве аналогий.

Карта распространения погребальных комплексов раннесредневековых тюрков в Алтае-Саянском регионе и Монголии

Таким образом, к настоящему времени раскопано более 450 тюркских захоронений. Анализ материалов исследований этих памятников позволяет представить характеристику процессов формирования и эволюции традиций кочевников, а также проследить их специфику в конкретных частях центрально-азиатского региона.

Наибольшую сложность представляет собой анализ особенностей сложения форм погребальной обрядности тюрков. Это связано с ограниченным объемом материалов, демонстрирующих начальный период истории кочевников данной общности. Ранний кызыл-ташский этап в развитии культуры тюрков (вторая половина V — первая половина VI в.) [Тишкин, Горбунов, 2005; Тишкин, Серегин, 2011] в настоящее время представлен памятниками, раскопанными только на Алтае³. Судя по всему, это отражает район формирования и первоначальной локализации населения данной общности. Количество объектов, относящихся к рассматриваемому времени, весьма незначительно. Вместе с тем анализ известных материалов дает возможность для обозначения ряда признаков, отличающих погребальные комплексы кызыл-ташского этапа.

При исследовании некоторых памятников второй половины V — первой половины VI в. зафиксированы черты погребальной обрядности, демонстрирующие возможную связь с традициями, характерными для булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийского времени. В одном случае отмечено помещение лошади над погребением человека [Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990: 233], что является наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» [Матренин, 2005: 41–42]. Другим вариантом данной традиции у населения Алтая первой половины I тыс. н. э. было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в одном из наиболее ранних тюркских погребений, исследованном на территории Тувы [Грач, 1982, рис. 1]. Вероятно, с традициями хуннуско-сяньбийского времени следует связывать также некоторые «одиночные» захоронения, в том числе, относящиеся к кызыл-ташскому этапу [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4].

Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии культуры тюрков с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая второй половины V — первой половины VI вв. н. э. Прежде всего следует отметить наибольшую простоту в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи чаще всего представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленной процессами формирования новой общности кочевников. С другой стороны, на кызыл-ташском этапе фиксируется сложение норм обряда, ставших впоследствии характерными признаками погребальной практики населения тюркской культуры. Так, при исследовании од-

³ В ходе недавних полевых работ на территории Западной Монголии были раскопаны тюркские «минальные» объекты, датировка которых на основании характерных конструкций, а также обнаруженных предметов может быть предварительно определена в рамках второй половины V–VI вв. н.э. Эти данные свидетельствуют о том, что обозначенный регион входил в область формирования культуры кочевников, а также позволяют рассчитывать на получение подобных материалов в ходе будущих исследований. Благодарим профессора Ц. Турбата за возможность ознакомиться с неопубликованными результатами раскопок.

ного из объектов середины VI в. [Кирюшин и др., 1998] отмечено полное соблюдение стандарта ритуала, получившего распространение в последующее время: захоронение человека с лошадь, помещенной слева от него при ориентировке покойного в восточный сектор горизонта и противоположном направлении животного. Лошадь присутствовала и в относящихся к кызыл-ташскому этапу кенотафах [Савинов, 1982; Кубарев, 2005]. С оформлением сопроводительного захоронения животного связано появление приступки [Тишкин, Горбунов, 2005].

Одним из показателей, отличающих погребальные комплексы тюрок второй половины V — первой половины VI в. н.э. от памятников данной общности более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированная в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых кочевников на Алтае.

В целом, погребальные комплексы тюрок демонстрируют весьма слабую связь с традициями булан-кобинской культуры Алтая. Анализ известных немногочисленных памятников не позволяет четко зафиксировать устойчивые формы обрядности, которые бы однозначно свидетельствовали о процессах взаимодействия местного населения и пришлого «племени Ашина». Вместе с тем эти явления получили отражение в других материалах. Так, ряд общих характеристик, указывающих на возможную преемственность населения региона хуннуско-сяньбийского времени и раннего Средневековья, демонстрируют «поминальные» объекты [Матренин, Сарафанов, 2006; Серегин, Шелепова, 2015]. Анализ предметного комплекса из памятников Алтая второй половины V — первой половины VI вв. позволил выделить две группы вещей, которые свидетельствуют об участии в формировании тюркской культуры двух основных компонентов — местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого не обеспечена пока археологическими материалами [Серегин, Матренин, 2016: 173–174].

Представленные наблюдения очевидным образом демонстрируют приход на Алтай нового населения и могут быть сопоставлены с известными сведениями письменных источников. Согласно информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жуань-жуани переселили на Алтай племя Ашина. Имеются все основания для утверждения о том, что это и было пришлое население, составившее основу для формирования новой общности — тюркской культуры. Дальнейшие целенаправленные полевые исследования на территории Алтая, а также в Западной Монголии и Синьцзяне позволят наполнить содержанием или скорректировать представления о процессах формирования традиций тюрок в середине I тыс. н. э.

Особенности дальнейшего развития археологической культуры раннесредневековых тюрок были в значительной степени обусловлены перипетиями политической истории кочевников. Из письменных источников известно, что объединенные племена номадов нанесли поражение империи жуань-жуаней и образовали в 545–552 г. Первый Тюркский каганат. Успешные военные походы способствовали быстрому расширению державы номадов и распространению традиций обрядовой практики и материальной культуры на обширные территории. Данные процессы нашли отражение в памятниках кудыргинского этапа культуры тюрок (вторая половина VI — первая половина VII в.) [Гаврилова, 1965: 58–60; Могильников, 1981: 32–33; Кляшторный, Савинов, 2005: 203–209]. Археологические комплексы этого периода исследованы уже не только на Алтае, но также на обширных сопредельных территориях Тувы, Минусинской кот-

ловины, Монголии, Казахстана и Средней Азии. При этом памятники каждой из обозначенных территорий отличаются по целому ряду характеристик, демонстрирующих специфику развития общества тюрков и требующих отдельного рассмотрения.

Основная масса погребальных комплексов кудыргинского этапа известна на Алтае. Очевидно, это отражает статус данной территории не только как места формирования культуры тюрков, но и как базы для первых военных походов раннесредневековых кочевников. Наиболее крупным некрополем Алтая данного периода является могильник Кудыргэ. Различным аспектам изучения эпонимного памятника посвящена обширная литература. В ряде работ отечественных исследователей представлен опыт рассмотрения и интерпретации некоторых сторон погребальной обрядности населения, оставившего могильник [Гаврилова, 1965: 28; Азбелев, 2000: 4–5; Кляшторный, Савинов, 2005: 205–206]. Поэтому в настоящей работе отметим лишь наиболее показательные черты данного комплекса, демонстрирующие как некоторые особенности некрополя, так и признаки, характерные для культуры раннесредневековых тюрков в целом.

При первом рассмотрении материалов раскопок на могильнике Кудыргэ может сложиться впечатление о специфичности погребальной обрядности населения, оставившего некрополь. Однако при подробном анализе памятника и сопоставлении с общими традициями тюрков становится очевидным, что могильник не представляет собой исключительного явления. Так, описанные А. А. Гавриловой [1965: 22–28] и отраженные в иллюстрациях специфичные наземные сооружения в виде «овала из камней» или «прямоугольника из плит», представляют собой обычную курганную насыпь, в основе которой была крепида из крупных камней [Нестеров, Милютин, 1995: 165–166]. Аналогии в памятниках тюрков имеют такие элементы конструкций, как перекрытие могильной ямы, сооружение приступки по одной из ее стенок и погребальная камера в виде гроба, отмеченные при исследовании ряда объектов могильника Кудыргэ.

Также достаточно традиционными для обрядовой практики раннесредневековых тюрков являются отдельные «одиночные» погребения людей и лошадей, исследованные на рассматриваемом некрополе. Подобные объекты, известные и на других комплексах [Серегин, 2013а, 2017а], на могильнике Кудыргэ расположены на определенном расстоянии друг от друга [Гаврилова, 1965, табл. II] и имеют отдельные наземные сооружения. Анализ материалов раскопок показывает, что обоснованным является отнесение объектов № 1, 3 и 8 некрополя к отдельным захоронениям лошадей, а могил 2, 4, 6 — к «одиночным» погребениям людей. Могила 22 может быть обозначена как «парный» кенотаф. Характеристика подобных объектов достаточно подробно раскрыта в ряде работ [Савинов, 1987; Серегин, Матренин, 2016: 126–127].

Единственной действительно специфичной чертой погребальной обрядности, выделяющей некрополь на фоне других комплексов тюрков, является нетипичная для носителей рассматриваемой общности ориентировка умерших в южный сектор горизонта. Однако в данном случае имеются основания для предположения о том, что отличие в обозначенном элементе погребального обряда обусловлено не особенной этнокультурной принадлежностью населения, а характеристиками местности. Замечено, что долина, в которой находится некрополь, имеет выходы только в северном и южном направлениях [Нестеров, Милютин, 1995: 157]. Похожая ситуация, демонстрирующая влияние ландшафта на преобладающую ориентировку умерших людей в определенный сектор горизонта, наблюдается и на других комплексах Алтая различных хронологических периодов [Матренин, 2005: 38].

Рассмотрение показателей погребального обряда, зафиксированных на других памятниках Алтая кудыргинского этапа, позволяет более подробно раскрыть особенности некрополей данного периода. Наземные сооружения представлены простыми насыпями, чаще всего без каких-либо дополнительных конструкций. Только в одном случае зафиксирована крепида по периметру наброски [Могильников, 1990, рис. 3]. Также однажды отмечен окологурганый объект в виде небольшой каменной выкладки, пристроенной с юго-запада к насыпи [Кубарев, 2011: 229]. Редким показателем являлось сооружение перекрытия могильной ямы, которое было каменным [Киришин и др., 1998: 165] или деревянным [Евтюхова, Киселев, 1941: 100]. Не исключено, что такие конструкции присутствовали и в некоторых ограбленных захоронениях, где зафиксированы их следы [Могильников, 1990: 141]. В абсолютном большинстве случаев тюрками Алтая во второй половине VI — первой половине VII вв. сооружалась простая могильная яма; только однажды отмечена приступка по одной из ее стенок, на которой помещена лошадь [Могильников, 1990, рис. 2]. Несколько большее распространение получила другая конструкция, связанная с оформлением сопроводительного захоронения животного — перегородка, отделявшая его от человека. Такие сооружения были деревянными или каменными, причем в одном захоронении подобная конструкция находилась с обоих боков лошади, образуя своего рода каменный ящик [Могильников, 1990, рис. 4]. Каменный ящик представляет собой и единственный вариант погребальной камеры для человека, отмеченный в одном из захоронений Алтая [Худяков, Кочеев, 1997: 12].

Погребальный ритуал, зафиксированный в комплексах тюрок Алтая кудыргинского этапа, выглядит достаточно унифицированным и соответствует общему стандарту обряда рассматриваемой общности. В большинстве захоронений данного региона второй половины VI — первой половины VII в. умерший человек ориентирован в восточный сектор горизонта, а лошадь, положенная слева от него, направлена головой на запад. Формирование данной совокупности показателей отмечено в материалах раскопок некрополей предшествующего периода, однако именно в памятниках кудыргинского этапа стандарт погребального ритуала получил наиболее устойчивое выражение. Вместе с тем отмечена и другая традиция. В двух тюркских погребениях рассматриваемого региона зафиксирована ориентировка умерших людей и сопровождавших их лошадей в северном направлении при расположении животного справа от человека [Могильников, 1990: 140–141; Худяков, Кочеев, 1997: 12].

Погребальные комплексы тюрок, относящиеся ко второй половине VI — первой половине VII в., за пределами Алтая достаточно немногочисленны. Всего три таких объекта исследованы на территории Тувы [Грач, 1960: 33–36, рис. 35–38; Вайнштейн, 1966: 302–303; Трифонов, 1971, рис. 5; 2013, табл. XVI]. Судя по имеющимся материалам, пока отсутствуют раскопанные захоронения кудыргинского этапа в Монголии. Вместе с тем на указанной территории имеется серия случайных находок данного периода, а также материалы второй половины VI — первой половины VII в. из оградок [Dorjsuren, 1967; Санжмятав, 1993, табл. 107; Дундговь аймагт ..., 2010: 311–312; и др.], что указывает на возможность распространения памятников. На таком фоне довольно представительной выглядит серия погребений кудыргинского этапа, раскопанных в различных районах Средней Азии и Казахстана [Спришевский, 1951; Бернштам, 1952: 81–83; Кибиров, 1957: 86–87; Кадырбаев, 1959: 184–186; Винник, 1963: 87; Курманкулов, 1980; Табалдиев, 1996, рис. 15–16].

Общими особенностями погребальных комплексов второй половины VI — первой половины VII в., раскопанных в Туве, Казахстане и Средней Азии, являются преимущественная простота оформления наземных конструкций, наличие каменной перегородки, отделявшей умершего человека от сопровождавшей его лошади, расположение животного на невысокой приступке, а также появление захоронений в подбое. Крайне редко отмечена крепида по периметру наземной конструкции [Трифонов, 1971, рис. 2–3; 2013, табл. XV], а также околочурганные объекты [Вайнштейн, 1966: 302, рис. 19]. Погребальный ритуал в большинстве захоронений, исследованных на обозначенных территориях, представлен стандартным соотношением показателей, охарактеризованных выше при рассмотрении памятников Алтая.

Особенности распространения культуры тюрок в различных регионах наиболее ярко демонстрируют археологические комплексы кудыргинского этапа, раскопанные в Минусинской котловине. Судя по имеющимся материалам, в середине — второй половине VI в. произошло сложение «минусинского локального варианта, специфика которого нашла проявление и в традициях погребальной обрядности» [Серегин, Матренин, 2016: 174–182]. К кудыргинскому этапу относятся объекты, исследованные на памятниках Усть-Тесь [Киселев, 1929: 146; Евтюхова, 1948: 60–61], Белый Яр-II [Поселянин, Киргиников, Тараканов, 1999], Терен-Кель [Худяков, 1999]. Материалы раскопок данных комплексов не имеют принципиальных отличий от других объектов тюрок Минусинской котловины.

Обратим внимание на то, что общей чертой комплексов второй половины VI — первой половины VII в., раскопанных на всех рассмотренных территориях, является их многочисленность. Это в какой-то степени объяснимо для предшествующего кызылташского этапа (вторая половина V — первая половина VI в.), когда происходило формирование культуры и становление традиций обряда, однако выглядит абсолютно нелогичным при рассмотрении памятников кудыргинского этапа, отражающих историю общности тюрок в период ее наивысшего развития. Тем не менее предложим некоторые возможные варианты интерпретации ситуации, зафиксированной по материалам раскопок археологических комплексов.

Нельзя исключать, что памятники кудыргинского этапа, в силу различных причин, еще не исследованы. В данном случае главным образом следует учитывать слабую степень изученности Монголии, где находился центр каганата и, соответственно, должна наблюдаться наибольшая степень концентрации археологических комплексов. Другое вероятное объяснение ограниченного количества памятников тюрок, датируемых второй половиной VI — первой половиной VII в., связано с высокой степенью подвижности кочевников, обусловленной активной военной экспансией, осуществлявшейся в это время. Не исключено, что на территориях, ставших периферией Первого Тюркского каганата (Алтай, Тува, Минусинская котловина), находилась лишь часть населения. Возможным свидетельством военных походов, увлекших значительную часть номадов на отдаленные территории, является распространение на ранних этапах тюркской культуры разного рода погребально-поминальных комплексов. Ко второй половине V — первой половине VII в. относится серия «классических» кенотафов, сооруженных, судя по всему, в честь погибших на чужбине воинов [Гаврилова, 1965: 27; Савинов, 1982: 103; Мамадаков, Горбунов, 1997: 117]. По мнению ряда исследователей, схожие функции могли выполнять «ритуальные» курганы [Серегин, Матренин, 2016: 130–133]. Своего рода кенотафами на ранних этапах развития культуры тюрок могли также являться «поминальные» оградки [Серегин, Шелепова, 2015: 97–106].

Так или иначе, представленные наблюдения демонстрируют высокую степень сложности погребально-поминальной обрядности тюрок, весьма ярко проявившуюся уже на кудыргинском этапе развития общности. В первой половине VI — второй половине VII в. фиксируется не только распространение памятников кочевников на обширные территории, но и определенная эволюция обрядовой практики номадов. Основным ее направлением стало постепенное усложнение наземных и внутримогильных сооружений и увеличение их вариабельности. Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, в том числе появление северной ориентировки умерших. Распространение тюрок за пределы Алтая определило специфику обряда на отдельных территориях. Получение новых материалов кудыргинского этапа, а также введение в научный оборот результатов раскопок прошлых лет позволит уточнить представленные выше наблюдения и более детально реконструировать специфику погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии в первой половине VI — второй половине VII в.

На последующих катандинском, туэктинском и курайском этапах развития культуры тюрок (вторая половина VIII — первая половина X в.) тенденция, связанная с усложнением погребальных сооружений и увеличением вариабельности конструкций, фиксируется на новом уровне. Необходимо отметить, что к рассматриваемому времени относится основная масса исследованных комплексов, что позволяет иллюстрировать отмеченные изменения более полно.

Динамика ряда показателей обрядности раннесредневековых тюрок, очевидно, была связана с усложнением устройства общества кочевников. Заметно общее увеличение параметров наземных и внутримогильных погребальных сооружений. Курганная насыпь в значительном числе случаев сопровождалась дополнительными конструкциями в виде крепиды или ограды; гораздо чаще, чем в предыдущее время, фиксируются околочурганские объекты. Помимо стандартных для тюрок округлых насыпей, встречаются сложные по структуре подквадратные наземные сооружения. Вариабельность внутримогильных конструкций иллюстрируется распространением погребений в подбое, стабильным присутствием в значительном количестве объектов приступки для лошади. Если на кудыргинском этапе развития культуры тюрок присутствие в погребении двух лошадей было исключением, то начиная со второй половины VII в. появились могилы с сопроводительным захоронением трех и даже четырех животных. В материалах многих погребений фиксируется увеличение количества присутствовавшего в захоронении сопроводительного инвентаря, а также расширение спектра предметов. К примеру, начиная со второй половины VII в. заметно распространение импортных изделий.

Обозначенные показатели в разной степени демонстрируют развитие социальной организации номадов, а также присутствие в обществе различных групп населения, для которых были характерны определенные традиции погребальной обрядности. Ряд признаков некрополей отражают широкие этнокультурные контакты раннесредневековых тюрок.

Количество погребений, относящихся к позднему балтарганскому этапу в развитии культуры тюрок (вторая половина X—XI вв.) весьма незначительно. Территория распространения памятников сокращается — за редким исключением все исследованные памятники расположены на Алтае. Специфику этнокультурных процессов, происходивших в центрально-азиатском регионе в конце I тыс. н. э., отражают материалы раскопок серии скальных погребений [Хурэлсух, Мунхбаяр, 2004; Турбат и др., 2008;

Хурэлсүх, 2008; Törbat et al., 2009; Турбат, Батсүх, Батбаяр, 2010; Мөнхбаяр и др., 2016; Мөнхбаяр, 2017]. В целом, археологические комплексы этого времени демонстрируют упадок традиций обрядности тюрков. Наряду со скальными захоронениями, характерной балтарганского этапа является распространение впускных могил. Обозначенная ситуация вполне соотносится с известными событиями политической истории Центральной Азии. Раннесредневековые тюрки в это время были включены в состав Кыргызского каганата, находившегося на стадии ослабления и распавшегося на отдельные княжества. Какие-либо упоминания о тюрках в письменных источниках после X в. отсутствуют [Худяков, 2007: 132].

Итак, анализ погребальных комплексов позволил выявить динамику обрядности раннесредневековых тюрков Центральной Азии. Очевидно, что зафиксированные тенденции являются отражением ключевых этнокультурных и политических процессов, происходивших в регионе и известных по письменным источникам. Традиции и новации в погребальной обрядности кочевников второй половины I — начала II тыс. н. э. в полной мере коррелируют с результатами изучения «поминальных» объектов, а также предметного комплекса из памятников тюрков, исследованных на обширных территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азбелев П. П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск : ОмГУ, 2000. С. 4–5.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.

Грач В. А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 156–168.

Дашковский П. К., Серегин Н. Н. Погребальный обряд тюркской культуры Алтая и некоторые особенности религиозной системы кочевников // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. III. Барнаул, 2009. С. 35–62.

Дорога длиной в тысячелетия... . СПб. : Любавич, 2015. 196 с.

Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: бага газрын чулуу / Археологийн судлал. Т. XXVII. Улаанбаатар, 2010. 347 тал. (на монг. яз.).

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 81–88.

Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов В. А., Смирнов Н. Ю. Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булуи в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. Вып. 6. СПб. : ООО «Периферия», 2017. С. 151–182.

Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тьткескен-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. № 3. С. 165–175.

Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 224–242.

Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартыанова в г. Минусинске. 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 1–162.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г. В. Женское древнетюркское погребение из могильника Джолин III (Юго-Восточный Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5: Археология и этнография. С. 221–240.

Курманкулов Ж. К. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1980. С. 191–197.

Мамадаков Ю. Т., Горбунов В. В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.

Матренин С. С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н. э. — V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 2. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. С. 35–51.

Матренин С. С., Сарафанов Д. Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3–4. Горно-Алтайск : АКИН, 2006. С. 203–218.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. С. 28–43 (Археология СССР).

Могильников В. А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.

Мөнхбаяр Ч. Узуур гялангийн хадны оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл. Улаанбаатар, 2017. Т. 29–33 (на монг. яз.).

Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан уул, Булган гол — Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар. Улаанбаатар, 2016. Т. 164–187 (на монг. яз.).

Нестеров С. П., Милютин К. И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1995. С. 156–177.

Поселянин А. И., Киргинеков Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Новосибирск : НГУ, 1999. С. 88–116.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д. Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1987. С. 80–89.

Садыков Т. Р. Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булуң в Центральной Туве // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 2. С. 47–59.

Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутаг дахь эртний туух соёлын дурсгал. Улаанбаатар, 1993. 198 тал. (на монг. яз.).

Серегин Н. Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2 (8). С. 100–108.

Серегин Н. Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 206 с.

Серегин Н. Н. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрков Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017а. № 1 (17). С. 36–48.

Серегин Н. Н. Погребальный обряд тюрков Монголии (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. II. С. 133–136.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тыс. н. э., обнаруженное около обсерватории Улутбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1. С. 33–42.

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек : Айбек, 1996. 256 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н. э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю. И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб. : ЭлекСис, 2013. С. 13–114.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т. Скальное захоронение с музыкальным инструментом в Монгольском Алтае (предварительные оценки) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 264–265.

Турбат Ц., Батсүх Д., Батбаяр Т., Баярхуу Н., Идэрхангай Т. Монгол алтайгаас илэрсэн хадны оршуулгууд // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 274–292 (на монг. яз.).

Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21–26.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 152 с.

Худяков Ю. С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрок в степях Евразии. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2007. 192 с.

Худяков Ю. С., Кочеев В. А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 10–18.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.

Хурэлсүх С. Монгол нутаг дахь агуйн эртний оршуулгын судалгааны байдал // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 293–310 (на монг. яз.).

Хурэлсүх С., Мунхбаяр Л. Рашаантын Ам ба Цанхирын агуйн оршуулгууд // Acta Historica. 2004. Т. V. Т. 20–30 (на монг. яз.).

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia // Acta archaeologica. 1967. Т. XIX. P. 429–430.

Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T. O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia — a Preliminary Report // Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 365–383.

REFERENCES

Azbelev P. P. K issledovaniyu kul'tury mogil'nika Kudyrge na Altae [To the study of the culture of the cemetery Kudyrge in the Altai]. *Piatye istoricheskie chteniia pamiati M. P. Griaznova* [Fifth historical readings in memory of M. P. Gryaznova]. Omsk, 2000. S. 4–5 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia* [Historical and archaeological sketches of the Central Tien Shan and Pamir-Alai]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 346 s. (in Russian).

Vainshtein S. I. Pamiatniki vtoroi poloviny I tysiacheletia v Zapadnoi Tuve [Sites of the second half of the first millennium in Western Tuva]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. M. ; L., 1966. S. 292–334 (in Russian).

Vinnik D. F. Tiurkskie pamiatniki Talasskoi doliny [Türkic monuments of the Talas valley]. *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny* [Archaeological monuments of Talas valley]. Frunze, 1963. S. 79–93 (in Russian).

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Kudyrge burial ground as a source on the history of Altai tribes]. M. ; L. : Nauka, 1965. 146 s. (in Russian).

Grach A. D. Arkheologicheskie raskopki v Mongun-Taige i issledovaniia v Tsentral'noi Tuve (polevoi sezon 1957 g.) [Archaeological excavations in Mongun-Taiga and studies in Central Tuva (field season in 1957)]. *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. M. ; L., 1960. S. 7–72 (in Russian).

Grach V. A. Srednevekoveye vpusknye pogrebeniia iz kurgana-khrama Ulug-Khorum v Iuzhnoi Tuve [Medieval Inlet Burials from the Kurgan-Temple of Ulug-Horum in South Tuva]. *Arkheologiya Severnoi Azii* [Archeology of North Asia]. Novosibirsk, 1982. S. 156–168 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Seregin N. N. Pogrebal'nyi obriad tiurkskoi kul'tury Altaia i nekotorye osobennosti religioznoi sistemy kochevnikov [Funeral rite of the Turkic culture of Altai and some features of the religious system of nomads]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect.]. V. III. Barnaul, 2009. S. 35–62 (in Russian).

“Doroga dlinoi v tysiacheletii...” [The Road to the Millennium...]. SPb.: Liubavich, 2015. 196 s. (in Russian).

Dundgov' aimagt khiisen arkheologiin sudalгаа: бага газрын чулуу. Ulaanbaatar, 2010. 347 t. (in Mongolian).

Evtiukhova L. A. *Arkheologicheskie pamiatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov)* [Archaeological monuments of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan: KhakNIIIaLI, 1948, 110 s. (in Russian).

Evtiukhova L. A., Kiselev S. V. Otchet o rabotakh Saiano-Altayskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1935 g. [Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition in 1935]. *Trudy GIM* [Proceedings of State Historical Museum]. 1941, no. 16. S. 75–117 (in Russian).

Kadyrbaev M. K. Pamiatniki rannikh kochevnikov Tsentral'nogo Kazakhstana [Monuments of the early nomads of Central Kazakhstan]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN Kazakhskoi SSR* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1959, no 7. S. 162–203 (in Russian).

Kibirov A. K. Rabota Tian' — Shan'skogo arkheologicheskogo otriada [The work of the Tien Shan archaeological group]. *KSIE* [Brief Communications of the Institute of Ethnography]. 1957, Vol. XXVI. S. 81–88 (in Russian).

Kilunovskaia M. E., Bokovenko N. A., Lazarevskaia N. A., Sadykov T. R., Semenov V. A., Smirnov N. Iu. Issledovaniia arkheologicheskikh pamiatnikov v urochishche Bai-Bulun v 2015 g. (Tuvinskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia IIMK RAN) [Studies of archaeological sites in the Bai-Bulun tract in 2015 (Tuva archaeological expedition IHMC RAS)]. *Biulleten' Instituta istorii material'noi kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. 2017, no. 6. S. 151–182 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Gorbunov V. V., Stepanova N. F., Tishkin A. A. Drevnetiurkskie kurgany mogil'nika Tytkesken' — VI [Ancient Türkic burial mounds of the Tytykesken-VI burial ground]. *Drevnosti Altaia* [Antiquities of Altai]. Gorno-Altaysk, 1998, no. 3. S. 165–175 (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Neverov S. V., Stepanova N. F. Kurgannyi mogil'nik Verkh-Elanda-I v Gornom Altae [Burial mound Verkh-Yelanda-I in the Altai Mountains]. *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni* [Archaeological research on Katun]. Novosibirsk, 1990. S. 224–242 (in Russian).

Kiselev S. V. *Materialy arkhelogicheskoi ekspeditsii v Minusinskii krai v 1928 g.* [Materials of the archaeological expedition to the Minusinsk region in 1928]. *Ezhгодnik Gos. muzeia im. N. M. Mart'ianova v g. Minusinske* [Yearbook of the Museum. Of N. M. Martyanov in the city of Minusinsk]. 1929, vol. IV, no. 2. S. 1–162 (in Russian).

Kliashturnyi S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005. 346 s. (in Russian).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)* [The culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of the funerary monuments)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. 400 s. (in Russian).

Kubarev G. V. *Zhenskoe drevnetiurkskoe pogrebenie iz mogil'nika Dzholin III (Iugo-Vostochnyi Altai)* [Female ancient Turkic burial from Jolin III burial ground (South-Eastern Altai)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorii, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011, vol. 10, no. 5: *Arkheologiya i etnografiya*. S. 221–240 (in Russian).

Kurmankulov Zh. K. *Pogrebenie voina rannetiurkskogo vremeni* [Burial of a warrior of the early Turkic period]. *Arkheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana* [Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, 1980. S. 191–197 (in Russian).

Mamadakov Iu. T., Gorbunov V. V. *Drevnetiurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III* [Ancient Turkic burial mound Catanda-III]. *Izvestiia laboratorii arkhelogii* [News of the Laboratory of Archeology]. Gorno-Altai, 1997. S. 115–129 (in Russian).

Matrenin S. S., Sarafanov D. E. *Klassifikatsiia ogradok tiurkskoi kul'tury Gornogo Altaia* [Classification of the fencing of the Turkic culture of Gorny Altai]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altai, 2006. S. 203–218 (in Russian).

Matrenin S. S. *Sposoby zakhroneniia naseleniia Gornogo Altaia II v. do n. e. — V v. n.e.* [Methods of burial of the population of the Altai Mountains in the II century BC. — V century AD]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altai, 2005. S. 35–51 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Tiurki* [Turks]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. M., 1981. S. 28–43 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Drevnetiurkskie kurgany Kara-Koba-I* [Ancient Turkic burials of Kara-Koba-I]. *Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoi istorii Gornogo Altaia* [Problems of studying the ancient and medieval history of Gorny Altai]. Gorno-Altai, 1990. S. 137–185 (in Russian).

Mönkhbair Ch. *Uzuur gialangiin khadny orshuulgyn arkhelogiin maltlaga sudalгаа. Khadan geriin soel.* Ulaanbaatar, 2017. T. 29–33 (in Mongolian).

Mönkhbair Ch., Pyrevdorzh G., Biambasyren Kh., Sykhbaatar B. *Yzyyr gialangiin tyreg khadny orshuulgyn maltlaga sudalgaany ur'dchilsan yr dyngees. Mönkhkhairkhan uul, Bulgan gol — Ikh ongogiin baigaliin tsogtsolbort gazar.* Ulaanbaatar, 2016. T. 164–187 (in Mongolian).

Nesterov S. P., Miliutin K. I. *Srednevekovye pamiatniki pod goroi Karali-Iaryk* [Early medieval sites under the mountain Karali-Iaryk]. *Voennoe delo i srednevekovaia arkhelogiia Tsentral'noi Azii* [Military science and medieval archeology of Central Asia]. Kemerovo, 1995. S. 156–177 (in Russian).

Poselianin A. I., Kirginekov E. N., Tarakanov V. V. *Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Belyi Iar-II* [Study of early medieval necropolis Belyi Iar-II]. *Evraziia: kul'turnoe nasledie*

drevnikh tsivilizatsii [Eurasia: the cultural heritage of ancient civilizations]. Novosibirsk, 1999, no. 2. S. 88–116 (in Russian).

Savinov D. G. Drevnetiurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury) [Ancient Turkic mounds of Uzuntal]. *Arkheologii Severnoi Azii* [Archeology of North Asia]. Novosibirsk, 1982. S. 102–122 (in Russian).

Savinov D. G. Parnyi kenotaf drevnetiurksskogo vremeni [Paired cenotaph of ancient Turkic period]. *Problemy proiskhozhdeniia i etnicheskoi istorii tiurkskikh narodov Sibiri* [Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia]. Tomsk, 1987. S. 80–89 (in Russian).

Sadykov T. R. Tiurkskoe pogrebenie s koniami v urochishche Bai-Bulun v Tsentral'noi Tuve [Turkic burial with horses in Bai-Bulun place in the Central Tuva]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. 2017, no. 2. S. 47–59 (in Russian).

Sanzhmiatav T. *Arkhangai aimgiin nutag dakh' ertnii tuukh soelyn dursgal*. Ulaanbaatar, 1993, 198 t. (in Mongolian).

Seregin N. N. "Odinokhnye" pogrebeniia rannesrednevekovykh tiurok Altae-Saianskogo regiona i Tsentral'noi Azii: etnokul'turnaia i sotsial'naia interpretatsiia [Separate burials of early medieval Turks in Altai-Sayan region and Central Asia: ethno-cultural and social interpretation]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. 2013, no. 2 (8). S. 100–108 (in Russian).

Seregin N. N. *Sotsial'naia organizatsiia rannesrednevekovykh tiurok Altae-Saianskogo regiona i Tsentral'noi Azii (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [The social organization of the early medieval Turks of the Altai-Sayan region and Central Asia (based on the materials of the funeral complexes)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2013. 206 s. (in Russian).

Seregin N. N. Otdel'nye zakhoroneniia loshadei v obriadovoi praktike rannesrednevekovykh tiurok Tsentral'noi Azii [Separate horse's graves in burial practice of the early medieval Turks of Central Asia]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia* [Theory and practice of archaeological research]. 2017 a. № 1 (17). S. 36–48 (in Russian).

Seregin N. N. Pogrebal'nyi obriad tiurok Mongolii (2-ia polovina I tys. n. e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia [Burial rite of Turks in Mongolia (2-nd half of I millennium AD): systematization, analyses, interpretation]. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, 2017 b, vol. 2. S. 133–136 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Pogrebal'nyi obriad kochevnikov Altaia vo II v. do n. e. — XI v. n.e.* [The burial rite of the nomads of Altai in the II century BC. — XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016. 272 s. (in Russian).

Seregin N. N., Shelepova E. V. *Tiurkskie ritual'nye komplekсы Altaia (2-ia polovina I tys. n. e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia* [Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of I millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2015. 168 s. (in Russian).

Sprishevskii V. I. Pogrebenie s konem serediny I tys. n. e., obnaruzhennoe okolo observatorii Ulugbeka [Burial with horse of the middle of I millennium AD near the observatory of Ulugbek]. *Trudy Muzeia istorii narodov Uzbekistana* [Proceedings of the Museum of the History of Peoples of Uzbekistan]. 1951. no. 1. S. 33–42 (in Russian).

Tabaldiev K. Sh. *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian'* — *Shania* [Mounds of medieval nomad tribes of the Tien Shan]. Bishkek: Aibek, 1996. 256 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamiatnikov v doline r. Biike (Gornyi Altai)* [A complex of archaeological monuments in the valley of the river Bijke (Mountain Altai)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 200 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Seregin N. N. Predmetnyi kompleks iz pamiatnikov kyzyl-tashskogo etapa tiurkskoi kul'tury (2-ia polovina V — 1-ia polovina VI vv. n. e.): traditsii i novatsii [Items from the sites of Kyzyl-Tash stage of Turkic culture]: *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul, 2011, no. 6. S. 14–32 (in Russian).

Trifonov Iu. I. Drevnetiurkskaia arkheologiiia Tuvy [Ancient Turkic archaeology of Tuva]. *Uchenye zapiski TNIIA LI* [Scientific notes of TNIIYALI]. 1971, no. 15. S. 112–122 (in Russian).

Trifonov Iu. I. Pamiatniki drevnetiurkskogo vremeni v Tsentral'noi Tuve [Sites of Ancient Turkic period in the Central Tuva]. *Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoi ekspeditsii)* [Ancient Turks in Central Tuva (based on the work of the Sayano-Tuva expedition)]. SPb., 2013. S. 13–114 (in Russian).

Turbat Ts., Batsukh D., Batbaïar T. Skal'noe zakhoronenie s muzykal'nym instrumentom v Mongol'skom Altae (predvaritel'nye otsenki) [Rock burial with musical instrument in Mongolian Altai (preliminary results)]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]. Ulan-Ude, 2010. S. 264–265 (in Russian).

Turbat Ts., Batsukh D., Batbaïar T., Baiarkhuu N., Iderkhangai T. Mongol altaigaas ilersen khadny orshuulguud. *Arkheologiin sudlal*. 2008, no. XXVI. T. 274–292 (in Mongolian).

Khudiakov Iu. S. Drevnetiurkskoe pogrebenie na mogil'nike Teren-Kel' [Ancient Turkic burial in Teren-Kel' necropolis]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The humanities in Siberia]. 1999, no. 3. S. 21–26 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Drevnie tiurki na Enisee* [Ancient Turks on the Yenisei]. Novosibirsk: Izd-vo IAiE SO RAN, 2004. 152 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Zolotaia volch'ia golova na boevykh znamenakh: Oruzhie i voiny drevnikh tiurok v stepiakh Evrazii* [Golden wolf's head on battle banners: Weapons and wars of ancient Turks in the steppes of Eurasia]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 192 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S., Kocheev V. A. Drevnetiurkskoe mumifitsirovannoe zakhoronenie v mestnosti Chatyr u s. Zhana-Aul v Gornom Altae [Ancient Turkic mummified burial in Chatyr place near the Zhana-Aul village in Mountain Altai]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The humanities in Siberia]. 1997, no. 3. S. 10–18 (in Russian).

Khudiakov Iu. S., Skobelev S. G., Moroz M. V. Arkheologicheskie issledovaniia v dolinakh rek Oroktoi i Edigan v 1988 g. [Archaeological research in valleys Oroctoi and Edigan in 1988]. *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni* [Archaeological research on Katun]. Novosibirsk: Nauka, 1990. S. 95–150 (in Russian).

Khurelsukh S. Mongol nutakh dakh' aguin ertnii orshuulgyn sudalgaany baidal. *Arkheologiin sudlal*. 2008, no. XXVI. T. 293–310 (in Mongolian).

Khurelsukh S., Munkhbaïar L. Rashaantyn Am ba Tsankhiryn aguin orshuulguud. *Acta Historica*. 2004, no. V. T. 20–30 (in Mongolian).

Dorjsuren C. An early medieval find from Northern Mongolia. *Acta archaeologica*. 1967, no. XIX. S. 429–430 (in English).

Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllmann T. O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khairkhan Mountains, Khovd Aimag, with the Oldest Preserved Horse-head Fiddle in Mongolia — a Preliminary Report. *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn, 2009. P. 365–383 (in English).

Раздел III

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

УДК 39: 2 (571.1)

В. А. Должиков

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Н. М. ЯДРИНЦЕВ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КРЕСТЬЯН-СТАРООБРЯДЦЕВ РУССКОГО АЛТАЯ С АБОРИГЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Целью статьи является текстуальный контент-анализ малоизученных фрагментов литературного наследия выдающегося мыслителя, публициста и этнолога Николая Ядринцева, который во время своих экспедиций конца 1870-х — начала 1880-х гг. исследовал экономическую деятельность, повседневную жизнь, культуру и мораль крестьян-старообрядцев Русского Алтая.

Основной инструментарий работы базируется на междисциплинарном и цивилизационном подходах к освещаемой теме. В центре внимания автора статьи — оригинальная концепция Н. Ядринцева, первого из отечественных исследователей, кто рассматривал проблему этнокультурного взаимодействия старообрядческого и аборигенного населения региона с позиций демократического гуманизма. При этом акцентируются такие имманентно присущие старообрядческой конфессиональной группе русского населения региона мировоззренческие ценности, как веротерпимость, свободолюбие, предприимчивость. В заключительном разделе сформулирован вывод о том, что экспедиционные впечатления только укрепили веру Ядринцева в будущий успех народной колонизации Русского Алтая. Крестьян-первопроходцев, согласно оптимистическому предвидению мыслителя, ждал впереди свободный труд на свободной земле. К сожалению, этому смелому прогнозу не суждено было сбыться.

Ключевые слова: Николай Ядринцев, Русский Алтай, этнокультурное взаимодействие, старообрядцы, аборигенное население, колонизация.

V. A. Dolzhikov

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. M. YADRINTSEV ON THE ETHNO-CULTURAL INTERACTION OF PEASANTS OLD BELIEVERS OF THE RUSSIAN ALTAI WITH THE ABORIGENE POPULATION

The purpose of the article is a textual content analysis of poorly researched fragments of the literary heritage of Nikolai Yadrintsev, the outstanding thinker, publicist, and ethnologist, who studied the economic activities, daily life, culture, and morals of the peasants Old Believers of the Russian Altai during his expeditions of the late 1870s — early 1880s. The main tools of the work are based on an interdisciplinary and civilizational approach to the topic covered. I focus on the original concept of N. Yadrintsev, who was the first one among all Russian researchers considering the problem of ethno-cultural interaction of the Old Believer and aboriginal population of the region from the standpoint of democratic humanism. At the same time, I focus on such worldview values, which are inherent in the Old Believer confessional group of the Russian population of the region, as religious tolerance, freedom, and enterprise. I conclude that the expeditionary impressions strengthened Yadrintsev's faith in the future success of the people's colonization of the Russian Altai. Peasant pioneers, according to the optimistic prediction of the thinker, could have free labor in free land. Unfortunately, this bold forecast did not come true.

Keywords: Nikolay Yadrintsev, Russian Altai, ethnocultural interaction, Old Believers, aboriginal population, colonization.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-04

В 2017 г. исполнилось 175 лет со дня рождения патриота русской Сибири, ее выдающегося исследователя, мыслителя и публициста Николая Михайловича Ядринцева (18/30 октября 1842 г. — 7/19 июня 1894 г.), но столь знаменательная юбилейная дата осталась фактически незамеченной и в стране, и в Алтайском крае. Причины такой «забывчивости» в целом понятны: до настоящего времени Ядринцеву и другим сибирским областникам, которые являлись убежденными демократами-федералистами, приписывается мифический сепаратизм (см.: [Должиков, 2005; 2012]). Вероятно, поэтому состоявшиеся в 2002 г. в Барнауле Первые Ядринцевские чтения, приуроченные к его 160-летию, стали единственным в своем роде событием региональной общественной жизни (см.: [Ядринцевские чтения, 2003]).

Тем не менее личный вклад Н. М. Ядринцева как ученого и в сибирскую, и в общероссийскую науку является существенным. Главная его работа «Сибирь как колония» многократно переиздавалась [Ядринцев, 1882, 1892, 2000, 2003], а содержащийся в ней фактический материал продолжают осваивать отечественные и зарубежные исследователи. По определению члена-корреспондента РАН Л. М. Горюшкина, это «ценный труд по изучению исторического опыта заселения, хозяйственного и культурного освоения региона», который «не утратил научной значимости и по сей день» [Горюшкин, 2003: 32]. Кроме того, первым из этнологов Ядринцев обратил внимание на «ино-

родческий вопрос», занимающий по сию пору видное место в историографии Сибири. Например, в своей работе «Сибирские инородцы» он ввел в научный оборот специальный термин «этническое взаимодействие», востребованный в настоящее время академическим научным сообществом [Ядринцев, 1891: 7, 167–201]. Заслуживают внимания, на мой взгляд, и те фрагменты многогранного научно-литературного наследия Н. М. Ядринцева, которые остаются до сих пор не изученными.

Так, практически в полном объеме находятся вне поля зрения историков, религиоведов, социологов и этнологов экспедиционные заметки Н. М. Ядринцева о староверческих поселениях в долинах Бухтармы и Уймоны [Ядринцев, 1886]. «Эти общины, состоящие часто из беглых и разных скитальцев, подобно общине «каменщиков» в Алтае (см.: Гуляев, 1845; Даниловский, 1858; Принтц, 1867; Должиков, 1992)) или раскольников в вершине Енисея, среди горной могучей природы и глухих дебрей, — поясняет Н. М. Ядринцев мотивы своего научного интереса к ним, — воспитали свои физические силы, ловкость, смелость и составляют необыкновенно крепкое, богатырское и отважное население» [Ядринцев, 1882: 123]. Действительно, «... Алтайский край почти сплошь раскольнический, — констатировал официальный историк «раскола», профессор богословия императорского Томского университета, протоиерей Д. Н. Беликов, — православные или, по раскольническому выражению, «мирские» составляют здесь редкость, но и они, если только принадлежат к исконным сибирякам, заражены старообрядческой закваской» [Беликов, 1901: 7, 28]. По сосредоточению адептов староверческой верси́и русского православия различных толков (согласий) регион занимал в процентном отношении, по крайней мере, в XIX в. одно из первых мест среди регионов России. Неудивительно, что данный феномен вызывал повышенный интерес у Н. М. Ядринцева.

С другой стороны, одного из первых в России профессиональных этнологов заинтересовало давно сложившееся на Алтае специфическое «инородческое царство» [Ядринцев, 1885], т. е. опять же необычно высокая концентрация разнообразных автохтонных этнических групп местного коренного населения. «Занятие инородческим вопросом и начатое знакомство с литературой о быте инородцев Западной Сибири, — сообщает Ядринцев в июле 1879 г. одному из своих друзей, — пробудило во мне желание сделать обстоятельное исследование о них...». Обращаясь к С. И. Гуляеву и сотрудникам Алтайского отдела Императорского Русского географического общества, Ядринцев пишет из Омска: «Могу вас заверить, милостливые государи, что хотя я и пребываю в Иртышской равнине, но мои глаза обращены постоянно к синющим вершинам Алтая, где оставлено мое сердце» (цит по: [Лемке, 1904: 116–117]). Впоследствии первая из двух его работ, написанных по материалам экспедиции 1878 г., публиковалась в народническом журнале «Русское богатство» за 1880 год. Вторая статья данного цикла была напечатана позднее в «Сибирском сборнике» — научно-литературном приложении к газете «Восточное обозрение», на страницах которой популяризировались идеи областничества [Ядринцев, 1880, 1886].

«В странствиях по Сибири я давно искал случая посмотреть Алтайские горы с Бухтарминским краем, — так начинаются путевые экспедиционные заметки Н. М. Ядринцева, — привольную местность, обладающую прекрасным климатом, — которая вполне может быть названа Сибирской Швейцарией». Но не одна только живописная природа этой местности вызывала у него подобную ассоциацию или, точнее, диссонанс. «Окружающие деревни, — как замечал Ядринцев, — слишком погружены в неустанные заботы о хлебе; среди горькой крестьянской жизни им не до прекрасных видов. Поэтому Ал-

тай отличается от настоящей Швейцарии...». Неслучайно в центре внимания исследователя оказались не столько природные достопримечательности, сколько главным образом русские жители края, мастеровые и приписные крестьяне, которые не так давно еще были несвободными. «Прежде, когда был крепостной заводской труд, до 19-го февраля 1861 г., — напоминает публицист о безрадостном недавнем прошлом, — ... мастеровой должен был работать лет 30 обязательно за один паек. Теперь он свободен уйти с фабрики, но его связала уже специальность» [Ядринцев, 1880: 47, 58–59]. Впрочем, последствия былого закрепощения «русских алтайцев» Н. М. Ядринцеву представлялись хотя и трагическими, но преодолимыми. Как и многие другие народники, он еще находился под впечатлением от «великой реформы» 1861 г., освободившей горнозаводских мастеровых и приписных крестьян от заводской крепостной зависимости. Мыслитель верил, что Алтай переживает всего лишь переходный период, что «заря новой жизни уже золотит вершины его прекрасных гор более светлыми лучами будущего» [Ядринцев, 1880: 66]. Социальную реальность, подпитывающую этот оптимистический прогноз, не без оснований Ядринцев рассчитывал обнаружить и описать в следующем своем путешествии в Рудный Алтай. «До сих пор в горах на Бухтарме, среди «каменщиков» — охотников и на уединенных трактах, — пересказывает он доходившие до него факты, — попадаются люди необыкновенного сложения, крепости, полные отваги, смелости... Это потомки алтайских раскольников, о которых мы когда-нибудь будем вести речь» [Ядринцев, 1880: 60, 66]. Экспедиция в алтайские горные долины была заветной мечтой родоначальников сибирского областничества. Друг и соратник Ядринцева по движению Г. Н. Потанин сообщал в письме Н. С. Шукину о том, что намерен когда-нибудь «поехать к каменщикам в вершины Бухтармы», чтобы «наконец ближе познакомить ученую Сибирь с этим выкидышем — республикой русского духа» [Потанин, 1997: 35]. Во время своей второй алтайской экспедиции (1880 г.) Н. М. Ядринцев собственно и реализовал эти общие для них давние замыслы.

Судя по содержащимся в тексте вышеназванной статьи цитатам, предварительно Ядринцев ознакомился с публикациями С. И. Гуляева, А. Даниловского, А. Принтца и других авторов, изучавших этот конфессиональный и социально-политический феномен [Гуляев, 1845; Даниловский, 1858; Принтц, 1867]. «Целую зиму я продолжал изучать Алтай по разным сочинениям, — пишет он С. И. Гуляеву, одному из первооткрывателей темы, — и в настоящее время занимаюсь его инородцами» (цит. по: [Лемке, 1904: 117]). Замечу особо, что, в отличие от большинства предшественников, Н. М. Ядринцев никак не акцентировал религиозный консерватизм приверженцев традиционалистского православия. Он был убежденным демократом-народником, поэтому как исследователь не мог разделять идеологические стереотипы официозной литературы, согласен которым старообрядцы — это «ретрограды», «сектанты», «фанатики» и т. п. Однако полностью дистанцироваться от преобладающей в то время терминологии Ядринцев не мог и в соответствии с принятой лексикой все же называл православных староверов не иначе как «раскольниками». Хотя, с его точки зрения, потомки алтайских каменщиков представляли собой отнюдь не ретроградную, а новаторскую и, по качеству человеческого капитала, самую лучшую группу коренного русского населения Сибири.

Состоявшаяся летом 1880 г. экспедиция в долины Бухтармы и Уймона в высшей степени воодушевила Н. М. Ядринцева. Подъем оптимистических настроений чувствуется при текстуальном анализе содержания второй его статьи алтайского цикла, которой свойственна исключительно комплиментарная по отношению к старообрядцам

эмоциональная тональность. «Действительно, по рассказам путешественников, — замечает публицист, — каменщики до последнего времени сохранили независимый и отважный характер (свидетельство Принтца)», «они считались отчаянными и отстаивали свою свободу» [Ядринцев, 1886: 41–42]. Оценивая столь высоко потенциал свободлюбия и свободомыслия русских горцев Алтая, в данном случае Ядринцев опирался, конечно, уже на личный опыт полевых экспедиционных наблюдений.

Будущего автора поистине эпохальной монографии «Сибирь как колония» крестьяне-старообрядцы интересовали в роли основного субъекта вольнонародного хозяйственного освоения пространств Азиатской России. В этом отношении Ядринцев продолжал развивать идеи А. П. Щапова, который являлся основателем областническо-народнического направления в отечественной историографии старообрядчества [Ядринцев, 2017]. Причем для него самого как убежденного народника публицистические понятия «колония» и «колонизация» не имели негативной окраски. Другое дело, что ведущую роль в колониационном процессе Н. М. Ядринцев отводил спонтанному и до поры скрытному обживанию просторов Сибири русскими крестьянами-первопроходцами. Правительственную «штрафную» колонизацию края посредством административно-полицейской ссылки он подвергал резкой критике, доказывая, что подобные методы стратегически вредны и неэффективны. Справедливое возмущение вызывал у него жесткий саботаж кабинетского начальства, управлявшего алтайским императорским поместьем. «... Весь Алтай считается землей, принадлежащей Кабинету его величества, и разрешение селиться в нем, — подчеркивал мыслитель, — зависит от горного управления алтайскими заводами, которое до последнего времени считало заселение этого богатого края вредным для интересов Кабинета» [Ядринцев, 1885: 610].

А мечтал Ядринцев о том времени, когда освоение всех восточных территорий страны русским народом станет беспрепятственным и вполне свободным. Но для этого необходимо, как понимал идеолог областничества, убрать создаваемые имперской государственной властью искусственные военно-полицейские барьеры. В этом смысле именно старообрядческий вариант освоения сибирских земель представлялся ему «идеальным типом» (термин М. Вебера) свободной народной колонизации. «Если мы посмотрим историю наших поступательных движений в Сибири без войск, — замечает Ядринцев, — мы увидим здесь последовательное движение русских колонистов и пионеров с севера на юг более двух столетий и прежде всего самовольное занятие разных углов крестьянством» [Ядринцев, 1886: 24].

Особое внимание исследователь обращал на беспрецедентную способность старообрядческих общин-скитов к адаптации в непривычных географических и климатических условиях, которые коренным образом отличались от мест прежнего проживания. Будучи выходцами из европейской лесостепной равнины, старообрядцы, тем не менее, быстро приспособились к новому для них горному рельефу местности. «Как русский крестьянин, привыкший к полю, к равнинам, к лугам, скромный земледелец, — задает себе вопрос Н. М. Ядринцев, — мог явиться в эту трущобу, в эти хребты, поселиться в ущельях, в щелях, на горных высотах, куда лазает только путешественник, как устроил здесь хозяйство, выработал особые привычки, сжился здесь и устроился?» И далее он отмечает владение жителями местных русских деревень всех возрастов — от малолетних детей до старушек — навыками верховой езды по горным тропам. «Помню, когда в Алтае я подъезжал к этим деревням, — сообщается в заметках, — меня поражали кавалькады всадников, несшихся в долинах, подобно кавалеристам, и карабкавшихся

по кручам на горных конях». Помимо искусства экстремальной верховой езды русские крестьяне смогли перенять у местных жителей выработанные веками специальные агротехнические приемы горного земледелия. «В станице Алтайской мы увидели, — вспоминает автор заметок, — проведенные каналы, или арыки, для орошения полей. Пашни здесь должны быть орошаемы. Стало быть, и крестьянам предстояло приучаться к ирригации». Поэтому «многие крестьяне воспользовались древними инородческими каналами». Точно так же они усвоили от местных жителей способы заготовки сена по склонам гор [Ядринцев, 1886: 26–27].

Н. М. Ядринцев обращает внимание на многоотраслевой, а, главное, товарно-рыночный характер сельского хозяйства, организованного староверами. Помимо пашенного земледелия, скотоводства, охоты на пушных зверей и рыбной ловли, «во всех деревнях развито пчеловодство, есть хозяева, имеющие до 1000 колодок». Причем «они вывозят мед даже на продажу в среднюю Сибирь». Вообще «бухтарминцы славятся своим пчеловодством и сплавляют мед по Иртышу до Омска около 8 000 пудов и воска до 500 пудов». Упомянуты в статье и соседние с Русским Алтаем приграничные территории Китайской (Цинской) империи, куда отправлялся мед на продажу или в обмен на готовую одежду и ткани [Ядринцев, 1886: 28]. Характерно, что уже в то время из Бухтармы и Уймона экспортировались также панты марала, «продающиеся в Китай на лекарство, стоимостью до 80 руб. пара». Как отмечал Ядринцев, старообрядцы успешно приручают и разводят благородных оленей-маралов. По его данным, «эта новая ветвь скотоводства создана в Алтае русским крестьянством». Прибыльной и перспективной отрасли животноводческого хозяйства Н. М. Ядринцев специально посвятил более позднюю по времени статью, очень интересную и содержательную в информационном отношении [Ядринцев, 2009].

В одной из предыдущих публикаций я уже писал о том, что культура и сам образ повседневной жизни алтайских староверов представляли собой итоговый результат органичного синтеза их собственного опыта с традициями автохтонного местного населения [Должиков, 2009]. По свидетельству знатока региональной этнографии Е. М. Чапыева, «старообрядцы сразу понравились алтайцам, потому что были работящими, не воровали, не обманывали, плохими словами не ругались». При этом русские первопоселенцы стремились выучить язык местных жителей. «Мы заметили, — пишет Н. М. Ядринцев, — что многие крестьяне вследствие частых сношений усвоили киргизский язык, иные говорили по-калмыцки» (т. е. усвоили местные диалекты тюркского языка. — В. Д.). Такая модель поведения старообрядцев показалась ему весьма необычной. «Мы привыкли считать, что крестьянин чуждается инородца и считает его собакой, — воспроизводит Ядринцев распространенный среди «расейских» новоселов предрассудок, — и вдруг не только тесные сношения, но и для удобства даже языку выучились, и кто же? — раскольники!» [Ядринцев, 1886: 24]. Впрочем, данный факт подтверждается современным автором. «Кержаки быстро переняли алтайские поговорки и пословицы, — замечает Е. М. Чапыев, — освоили некоторые алтайские обычаи и традиции, участвовали в праздниках». Якобы свойственный адептам староверческой конфессии «религиозный фанатизм» нисколько не помешал им сблизиться и даже породниться с «иноверцами». Межэтнические смешанные браки были здесь довольно распространенным явлением. «Русские старожилы и алтайцы, переродившись, — констатируется в цитируемой выше статье, — обрели общие черты характера. Этим отличаются, наверное, (русские алтайцы. — В. Д.) от жителей некоторых других регионов страны»

[Чапыев, 1992]. «Здесь опять-таки близость с инородцами, — делает вывод Н. М. Ядринцев, — была прямым расчетом, выгодами, дипломатией». На интуитивном уровне и сами русские крестьяне-старообрядцы понимали, вероятно, что приемы «мягкой силы» в данном случае будут предпочтительнее, поскольку более эффективны. И, действительно, «во вражде долго жить с инородческим элементом было невозможно; невозможно это было для земледельца. Колонист-крестьянин являлся и основывал свое хозяйство в этих местах, создавал оседлость и гражданство. Ему был нужен мир, безусловно». Вместе с тем «являясь, он показывал свою силу, свое право [сильного], энергию, настойчивость; но потом вступал в дружественный договор» [Ядринцев, 1886: 24].

Понятно, что совсем избежать конфликтов экономического характера, возникавших между русскими крестьянами и аборигенами, было трудно. «Мирное крестьянское население, в силу необходимости, — поясняет Н. М. Ядринцев, — иногда становилось на военную ногу, оно отстаивало тогда свои места с оружием в руках». Это и неудивительно, так как бухтарминские и уймонские «ясачные» крестьяне «были замечательные меткие стрелки. Охота, жизнь в горах выработали в них отвагу». Во время своей экспедиции Ядринцев стал очевидцем довольно жестоких столкновений, связанных с распространенной среди горных «инородцев» так называемой барантой, а, иначе говоря, угонами скота друг у друга враждующими между собой соседними родоплеменными кланами теленгитов и киргизов (казахов). Поэтому и «русские должны были жить настороже во время войн и баранты инородцев». Иногда пострадавшими оказывались и собственно крестьянские хозяйства, из которых местные грабители тоже угоняли скот. Причем какую-то полицейскую защиту от враждебных набегов со стороны государственной власти крестьяне получить не могли. «Семипалатинское начальство, заведовавшее киргизами, — отмечает Ядринцев, — всегда брало их сторону, вероятно, потому, что волостные киргизские начальники делали подарки». Понятно, что «при таких условиях крестьянам самим приходилось отстаивать себя» [Ядринцев, 1886: 29].

Зарубежные исследователи нередко именуют Россию «великой колониальной державой». Предполагается, по-видимому, что так называемые национальные меньшинства угнетались в ней мифическими «русскими колонизаторами». На самом же деле основной принцип внутренней политики, проводившейся региональными властями всероссийской «империи наоборот», состоял в том, что именно для нерусских подданных обеспечивались определенные преимущества сравнительно с русскими (славянскими) народами страны. Отчасти по этой причине характер взаимоотношений внутри российского полиэтнического сообщества отличался веротерпимостью и даже известной взаимной комплиментарностью. «Избранный и поставленный всемирной историей на перекрестном пути между Западом и Востоком, — отмечал историк-демократ А. П. Щапов, — народ русский должен примирить, соединить в братский союз Восток и Запад» [Щапов, 1937: 4]. Дискриминационная политика, проводившаяся верховной властью по отношению к инакомыслящим староверам — русским «неверноподанным» империи, — лишь усиливала солидарность с ними представителей «инородческих» этносов.

Хотя, конечно, взаимное этнокультурное сближение не обошлось без потерь. Так, довольно драматичной была историческая судьба самых древних автохтонов Алтая — тюркоязычных кумандинцев, большинство которых впоследствии обрусело. По наблюдениям Ядринцева, их ассимиляция пришлыми крестьянами-земледельцами уже тогда разворачивалась быстрыми темпами. В особенности быстро данный процесс захватил

«нижних» кумандинцев, проживавших в предгорных речных долинах с плодородной землей и благоприятными климатическими условиями, где охотно селились русские крестьяне. Исследователь акцентирует еще одно немаловажное обстоятельство: межэтническому взаимодействию кумандинской и старообрядческой общин совсем не мешали культурные и расовые различия. Дело в том, что в пост-ордынском русском общественном сознании отсутствовал синдром ложного расового превосходства, характерный для западноевропейской ментальности. «При исследовании инородцев в 1880 г., — замечал Н. М. Ядринцев, — во время экспедиции на Алтай мы видели весьма многие инородческие типы и нашли, ... что население кумандинцев представляет весьма привлекательный тип, весьма приближающийся к кавказскому» (выделено мной. — В. Д.) [Ядринцев, 1882: 12, 22–23]. Коренной этот народ подвергся в свое время монголизации в гораздо меньшей степени, чем верхнеалтайские тюрки (меркиты, найманы, телеуты, теленгиты и др.), сохранив изначальный европеоидный внешний облик. Поэтому смешивание (метисизация) кумандинцев и старообрядцев-кержаков проходило с известным ускорением. С другой стороны, русские старожилы, породнившись с кумандинцами, приобретали специфически «алтайские» антропологические и этнокультурные черты. Следует особо подчеркнуть, что русификация кумандинцев не была результатом целенаправленной официальной политики правительств имперской России, а являлась следствием длительных добрососедских контактов двух разнородных этнических групп населения. «Если бы русский крестьянин и пионер брал только все напролом, грубым вторжением, — поясняет Н. М. Ядринцев, — он не устоял бы здесь, окруженный враждебными условиями, его бы вытеснили, завязалась бы масса столкновений...» [Ядринцев, 1886: 24].

Таким образом, личные экспедиционные наблюдения и аналитические оценки Ядринцева вполне подтверждают свидетельства других исследователей и очевидцев, которые также акцентировали незаурядную силу и выносливость людей горного края, получивших явочным порядком относительную свободу для предпринимательской хозяйственной деятельности. В результате за время путешествий по Алтаю у него сформировалась уверенность в будущем успехе вольно-народной колонизации региона и Сибири в целом. Русское крестьянство, не боявшееся трудностей освоения гигантских азиатских пространств и связанных с этим физических лишений, как твердо верил Н. М. Ядринцев, едва ли остановится на полпути там, где ждет его свободный труд на свободной земле.

В феврале 1896 г. на страницах влиятельной столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» была в переводе на русский язык опубликована статья выдающегося французского ученого-географа Элизе Реклю, близкого друга мыслителей-интернационалистов М. А. Бакунина и Л. И. Мечникова. Что немаловажно, их общую позицию по рассматриваемой проблеме разделял, между прочим, и Н. М. Ядринцев. «Русские живут теперь, — утверждал Реклю, — накануне уплаты реванша за то господство варваров, которое они испытывали над собою назад тому шесть веков, или скорее накануне слияния с собою национальностей, которые их некогда завоевали». При этом в России развивается процесс постепенной интеграции «снизу» локальных этнических групп «в один народ общего типа и с единством сознания». Но «между тем наследственные качества объединяющихся племен не исчезают бесследно, — замечал Э. Реклю, — и Сибиряки, так же, как и Русские, имеют перед нами, западными, то огромное преимущество, что они действительно понимают народы Востока и разделяют их идеи

и идеалы. <...> Обладая, так сказать, двумя душами, нашу и восточную, они являются естественными посредниками между двумя мирами, и мы можем с полной уверенностью поручить им заботу о приведении к осуществлению слияния в один цельный организм этих половин рода человеческого, доселе чуждых одна другой» [Реклю, 1898]. В этом очень характерном тезисе равнодушного стороннего наблюдателя для нас важна не столько фиксация общеизвестной сегодня исторической причастности Евразии-России к этнокультурному наследию Ордынской державы, сколько дальний прогноз о будущем глобальном синтезном соединении больших и малых этносов в общемировую семью народов.

В заключение попробую сформулировать пока еще рабочую гипотезу относительно возможной авторской принадлежности Н. М. Ядринцеву материалов, которые вошли в очень любопытный, а теперь уже хорошо известный региональным исследователям сборник «Алтай, будущая Калифорния России», опубликованный в Лейпциге (Германия) русским эмигрантским издательством [Алтай..., 1882]. На участие сибирских областников в подготовке данной публикации к печати указывают, полагаю, как ее бесцензурная нелегальность («тамиздат»), так и многие другие характерные признаки. Во-первых, публицистический контекст этой небольшой брошюры вполне ассоциируется с профильной специализацией идейных сторонников народничества и региональной разновидности этой идеологии — областничества. Даже название сформулировано в духе полемического приема, использовавшегося так называемыми крайними сибирефилами во внутренних дискуссиях участников областнического движения. Многие из них верили, что Сибирь — это будто бы «родная сестра Америки» [Шашков, 1867: 736]. Самым известным представителем данной группировки был Ядринцев. Во-вторых, именно к началу 1880-х гг., когда за границей была опубликована брошюра, относится самый продуктивный период его научной и общественной деятельности. Как раз в январе 1882 г. к 300-летию присоединения Сибири к России в Петербурге выходит капитальный труд Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1-е изд. — 1882 г., 2-е изд. — 1892 г.), принесший автору всемирную известность. А в апреле 1882 г. появился первый номер газеты «Восточное обозрение», ставшей одним из самых известных региональных изданий. В-третьих, сама тема свободной (вольнонародной) колонизации просторов Северной Азии должна была неизбежно вывести мысль автора эпохальной книги на параллель с ближайшим географическим аналогом — Северной Америкой. В-четвертых, данная тема оставалась для него приоритетной все последующие десять лет жизни. «1893 год ознаменовался важным событием в жизни Николая Михайловича, — констатирует современный биограф Ядринцева, — в мае состоялась его поездка на всемирную выставку в Чикаго. После поездки он пишет ряд статей, выступает с докладами, а задуманная книга «Сибирь и Америка» становится его главной мечтой» [Васенькин, 2010]. Все эти факты свидетельствуют в пользу моей версии об Ядринцеве как авторе (или, по крайней мере, соавторе) вышеназванного эмигрантского сборника.

Теперь ясно, что Н. М. Ядринцев и его единомышленники не могли предугадать будущие неодолимые препятствия, возникшие на пути реализации красивой областнической мечты о «русской Калифорнии» на базовой территории Большого Алтая. После временной, как оказалось, отмены крепостнических порядков, царивших в «кабинетском» округе в XVIII–XIX вв., уже в первой половине XX столетия регион пережил возобновление имперской системы тотального крепостничества на этот раз послереволюционным коммунистическим режимом. Впрочем, даже в новейшей отечествен-

ной литературе этот явный системный псевдоморфоз зачастую именуется «коллективизацией сельского хозяйства». Народная молва быстро поняла суть дела, расшифровывая газетную аббревиатуру ВКП (б) как «второе крепостное право (большевиков)». Примечательно, что московский «центр» инициировал эту акцию сразу после подведения итогов ознакомительной поездки Сталина по Алтаю зимой 1928 г. С того момента край превратился в своеобразный полигон чудовищного эксперимента, проводившегося как в отношении русских крестьян, так и всех его жителей. В особенности пострадали от него старообрядцы всех согласий, большинство которых из-за своей зажиточности, религиозности и предприимчивости подвергались «раскулачиванию» первыми. Неудивительно, что многие из них бежали далеко за пределы родного края. Сегодня русские старoverы, в том числе и наши бывшие земляки, «проживают почти на всех континентах земного шара, в 20-ти странах мира» [Болонев, 2001: 35].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки / редактор-издатель В. Отпетый. Лейпциг : Типогр. Бера и Германна, 1882. 96 с.

Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул : б. и., 2001. 50 с.

Васенькин Н. В. Фонд № 3. Опись Архива Николая Михайловича Ядринцева (материалы 1860–1906). Томск, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.tsu.ru/win/dokument/ork/jadrincev2010.pdf> (дата обращения: 28.10. 2017).

Горюшкин Л. М. Главный труд Н. М. Ядринцева // Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. С. 11–32.

Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 20–30.

Даниловский А. Описание Бухтарминского края // Томские губернские ведомости. 1858. № 23–24.

Должиков В. А. Алтайская Русь // Русская идея: / под ред. А. Н. Мельникова. Барнаул : Изд-во. Алт. ун-та, 1992. С. 57–62.

Должиков В. А. Движение сибирских областников: официальный миф и национально-региональная идентичность // Современная Россия и мир: альтернативы развития : материалы международной конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 205–209.

Должиков В. А. Русский Алтай: народный опыт евразийского синтеза // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : материалы 4-й Международной научно-практической конференции. Барнаул, 2009. С. 116–127.

Должиков В. А. Областничество как национально-региональный вариант «русской идеи» // Мысль. 2012. Т. I. С. 53–58.

Лемке М. К. Николай Михайлович Ядринцев: биографический очерк. К десятилетию со дня кончины (1894–1904) // Восточное обозрение. 1904. 219 с.

Потанин Г. Н. Письма : в 4 т. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. Т. I. 200 с.

Принтц А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки Императорского Российского географического общества по общей географии. СПб., 1867. Т. I. С. 543–582.

Реклю Э. Россия, Монголия и Китай (статья из «Contemporary Review») // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. № 5. 6 февр.

Чапьев Е. М. После «мифа о дружбе народов» — миф об их вечной неприязни? // Сибирская газета. 1992. № 11.

Шашков С. С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. Т. 174, № 10. С. 682–736.

Щапов А. П. Новая эра. На рубеже тысячелетий // Щапов А. П. Собрание сочинений. Доп. том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1937. 378 с.

Ядринцев Н. М. Алтай и его инородческое царство (очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. 1885. № 6. С. 607–644.

Ядринцев Н. М. Сибирская Швейцария (из путевых заметок об Алтае) // Русское богатство. 1880. № 8. С. 47–66.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. : изд. Н. М. Сибирякова, 1891. 306 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец, дипломат и воин // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание. СПб., 1886. Кн. 1. С. 21–47.

Ядринцев Н. М. Сочинения / сост. Ю. Л. Мандрика; под ред. С. Г. Пархимовича. Т. 1: Сибирь как колония: современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 816 с.

Ядринцев Н. М. Сочинения / сост. Ю. Л. Мандрика ; под ред. С. Г. Пархимовича. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этногр. и стат. исслед. с прил. стат. табл. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 816 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 536 с.

Ядринцев Н. М. Сведения о мараловодстве в Алтае // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX веков. Барнаул : АКУНБ, 2009. Т. 3. С. 95–100.

Ядринцевские чтения: сборник докладов. Барнаул : АКУНБ, 2003. — 44 с.

REFERENCES

Altay, budushchaya Kaliforniya Rossii i tsarstvovavshiye na Altaye poryadki. Prodlzheniye k knige "Severnnyye siyaniya" [Altai, the future California in Russia, and the reigning orders on the Altai. Continuation to the book "Northern Lights"].red. — izdatel' V. Otpetyy. Leyptsig: Tipogr. Bera i Germanna, 1882. 96 s. (in Russian).

Bolonev F. F. *Staroobryadtsy Altaya i Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki* [Old Believers of Altai and Transbaikalia: Experience of comparative characteristics]. Barnaul : b. i., 2001. 50 s. (in Russian).

Vasen'kin N. V. *Fond № 3. Opis' Arkhiva Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva (materialy 1860–1906)* [Inventory of the Archives of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev (materials of 1860–1906)]. Tomsk, 2010. Available at: <http://www.lib.tsu.ru/win/dokument/ork/jadrinzev2010.pdf> (accessed October 28, 2017) (in Russian).

Goryushkin L. M. *Glavnyy trud N. M. Yadrintseva* [The main work of N. M. Yadrintsev]. *Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic, and historical respect]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2003. S. 11–32 (in Russian).

Gulyayev S. I. *Altayskiye kamenshiki* [The Altai Kamenshiks]. *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti]. 1845. № 20–30 (in Russian).

Danilovskiy A. *Opisaniye bukhtarminskogo kraya* [Description of the Bukhtarma Territory]. *Tomskiyе gubernskiyе vedomosti* [Tomsk Province Vedomosti]. 1858. № 23–24 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. *Altayskaya Rus'* [Altai Rus]. *Russkaya ideya* [Russian Idea]: / Pod. red A. N. Mel'nikova. Barnaul, 1992. S. 57–62 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. *Dvizheniye sibirskikh oblastnikov: ofitsioznyy mif i natsional'no-regional'naya identichnost'* [The movement of Siberian oblastniks: A semi-official myth and a national-regional identity]. *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Russia and the World: Alternatives to Development: Proceedings of the International Conference]. Barnaul, 2005. S. 205–209 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. *Russkiy Altay: narodnyy opyt yevraziyskogo sinteza* [Russian Altai: People's Experience of Eurasian Synthesis]. *Yevraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskiye prilozheniya: materialy 4-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Eurasianism: Theoretical potential and practical applications: Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference]. Barnaul, 2009. S. 116–127 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. *Oblastnichestvo kak natsional'no-regional'nyy variant "russkoy idei"* [Oblastnichestvo as a national-regional variant of the "Russian idea"]. *Mysl'. Zhurnal Peterb. Filosof. Ob-va.* [Think: The Journal of St. Petersburg Philosophical Society]. SPb., 2012. T. I. S. 58 (in Russian).

Lemke M. K. *Nikolay Mikhaylovich Yadrintsev: Biograficheskiy ocherk. K desyatiletiyu so dnya konchiny (1894–1904)* [Nikolai Mikhailovich Yadrintsev: Biographical sketch. By the tenth anniversary of his death (1894–1904)]. St. Petersburg: Izd. Red. "Vostochnogo obozreniya", 219s. (in Russian).

Potanin G. N. *Pis'ma: V chetyrekh tomakh* [Letters: In four volumes]. Irkutsk: Vost.-sib. kn. izd-vo, 1977. T. I. 200s. (in Russian).

Printts A. *Kamenshchiki, yasachnyye krest'yane Bukhtarminskoy volosti Tomskoy gubernii i poyezdka v ikh seleniya i v Bukhtarminskiy kray v 1863 g.* [Kamenshiks, yasak peasants of the Bukhtarma volost of the Tomsk province and a trip to their villages and the Bukhtarma region in 1863]. *Zapiski Imperatorskogo Rossiyskogo Geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on General Geography]. SPb., 1867. T. I. S. 543–582 (in Russian).

Reklyu E. *Rossiya, Mongoliya i Kitay (stat'ya iz "Contemporary Review")* [Russia, Mongolia and China (an article from the "Contemporary Review")]. *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti]. 1896. № 5. 6 fevralya (in Russian).

Chapyyev Ye. M. *Posle "mifa o druzhbe narodov" — mif o ob ikh vechnoy nepriyazni?* [After the "myth of the friendship of nations" — the myth of their eternal dislike?]. *Sibirskaya gazeta* [Siberian Newspaper]. 1992. № 11 (in Russian).

Shashkov S. S. *Ocherki russkikh pravov v starinnoy Sibiri.* [Essays on Russian customs in ancient Siberia]. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic scraps]. 1867. T. 174. № 10. S. 682–736 (in Russian).

Shchapov A. P. *Novaya era. Na rubezhe tysyacheletiy* [Essays on Russian customs in ancient Siberia] Schapov A. P. *Sobraniye sochineniy. Dop. tom k izdaniyu 1905–1908 gg.* [Collected works: an additional volume to the publication of 1905–1908]. Irkutsk: Vost.-sib. obl. izd-vo, 1937. — 378 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. Altay i yego inorodcheskoye tsarstvo (ocherki puteshestviya po Altayu) [Altai and its alien kingdom (essays of traveling across Altai)]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Herald]. 1885. № 6. S. 607–644 (in Russian).

Yadrintsev N. M. Sibirskaya Shveytsariya (iz putevykh zametok ob Altaye). [Siberian Switzerland (from travel notes about the Altai)] *Russkoye bogatstvo* [Russian Wealth]. 1880. № 8. S. 47–66 (in Russian).

Yadrintsev N. M. *Sibirskiy inorodtsy, ikh byt i sovremennoye polozheniye* [Siberian non-Russians, their way of life and their current situation]. SPb. : Izdaniye N. M. Sibiryakova, 1891. 306 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respect]. SPb. : Tipogr. M. M. Stasyulevicha, 1882. 471 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. Raskol'nich'i obshchiny na granitse Kitaya. Zemledelets, diplomat i voin [Raskolniks' communities on the Chinese border. Farmer, diplomat, and warrior.]. *Sibirskiy sbornik. Nauchno-literaturnoye periodicheskoye izdaniye* [The Siberian collection. Scientific and literary periodical]. SPb.: 1886. Kn. 1. S. 21–47 (in Russian).

Yadrintsev N. M. *Sochineniya* [Essays] /sost. YU. L. Mandrika; pod red. S. G. Parkhimovicha. T. 1: Sibir' kak koloniya: sovremennoye polozheniye Sibiri. Yeye nuzhdy i potrebnosti. Yeye proshloye i budushcheye [Siberia as a colony: the current situation of Siberia. Its needs. Its past and future]. Tyumen', 2000. 816 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. *Sochineniya* [Essays] /sost. YU. L. Mandrika; pod red. S. G. Parkhimovicha. T. 2: Sibirskiy inorodtsy, ikh byt i sovremennoye polozheniye: etnogr. i stat. issled. s pril. stat. tabl [Siberian non-Russians, their everyday life and current situation: ethnographic and statistical studies with the application of statistical tables]. Tyumen', 2000. 816 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic, and historical respect]. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf, 2003. 536 s. (in Russian).

Yadrintsev N. M. Svedeniya o maralovodstve v Altaye [Information about maral breeding in the Altai]. *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII — nachala XX vekov* [Altai in the writings of scientists and travelers of the XVIII — early XX centuries]. T. 3. Barnaul : AKUNB, 2009. S. 95–100 (in Russian).

Yadrintsevskiy chteniye: Sbornik dokladov [Yadrintsev Readings: Proceedings]. Barnaul : AKUNB, 2003. 44 s. (in Russian).

Раздел IV

ПРОЗЕЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УДК 94 (57)

Е. М. Гостюшева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ КАБИНЕТА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в.

Рассматривается конфессиональный состав Кабинета Его Императорского Величества Алтайского округа в первое десятилетие XX в. Вбирая в состав Российской империи новые территории и их население, царское правительство старалось формировать для элиты единое конфессиональное пространство. В кризисно-переходный период хозяйственного развития округа конфессиональный состав Кабинета отличался наличием всех христианских деноминаций. Исходя из государственно-конфессиональной политики предыдущих этапов истории Российской империи доминирующее положение занимали служащие православного вероисповедания (около 75%). Значительно меньшее количество принадлежало последователям римо-католического направления (около 6–9%), третье место занимали служащие, исповедовавшие протестантизм, а именно лютеранство (4,5%). Анализ персональных данных за 1909, 1910 гг. показал наличие в штате представителей иудаизма (два человека), несмотря на то, что Сибирь не входила в «черту еврейской оседлости». Обращение к некоторым типичным биографиям служащих Кабинета инославного исповедания приводит к выводу о том, что представители неправославных конфессий являются потомками давно обрусевших выходцев из Европы, связавших свою жизнь с Россией и искренне служивших ей.

Ключевые слова: Кабинет, Алтайский округ, конфессиональный состав, православное христианство, католицизм, лютеранство

E. M. Gostyusheva

Altai State University, Barnaul (Russia)

RELIGIOUS COMPOSITION OF THE CABINET OF HIS IMPERIAL MAJESTY THE ALTAI REGION IN THE FIRST DECADE OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract the article considers the confessional composition of the Cabinet of the Altai district in the first decade of the XX century. Taking into account new territories and their population, the tsarist government tried to form a common confessional space for the elite. In the crisis-transition period of economic development of the district, the confessional composition of the Cabinet of his Imperial Majesty was distinguished by the presence of all Christian denominations. Based on the state and confessional policy of the previous stages of the history of the Russian Empire, the dominant position was occupied by employees of the Orthodox Christian (about 75%.) A much smaller number belonged to the followers of the Roman Catholic direction (about 6–9%) and the third place was occupied by the employees who professed Protestantism, namely Lutheranism (4,5%). Analysis of personal data of employees for 1909, 1910 showed the presence in the state of Judaism (2 persons), despite the fact that Siberia was not part of the “line of Jewish settlement.” The addressing some typical biographies of employees of the Office of E. I. V. of Catholic and Protestant religion, leads to a conclusion that representatives not of orthodox faiths are descendants of the become Russified natives of Europe actively who have connected the life with Russia and sincerely serving by her long ago.

Key words: Cabinet, Altai district, confessional structure, Orthodox Christianity, Catholicism, Lutheranism

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-05

Кабинет Его Императорского Величества возник в 1704 г., в царствование Петра I. Выполняя функции личной канцелярии императора, он являлся аналогом кабинетов европейских коронованных особ. 24 мая 1727 г. он был упразднен и восстановлен лишь Елизаветой Петровной 12 декабря 1741 г. «в такой силе, как был при Петре I» и просуществовал вплоть до 1917 г.

Это ведомство являлось объектом пристального внимания отечественных исследователей: дореволюционных, советских и современных. Вокруг его деятельности немало «белых пятен», дискуссий и спорных вопросов. Так как историография вопроса обширна, исключая общеимпераский аспект деятельности Кабинета Е. И. В., остановимся только на его структурном подразделении, действовавшем на территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

Одним из самых спорных вопросов, не имеющих однозначного толкования до настоящего момента, является вопрос о владельческой принадлежности территорий Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, управляемых Кабинетом. Еще в середине XIX в. революционеры-демократы на страницах вольного журнала «Колокол» при отсутствии в законодательстве четкого юридического определения

собственности на территории округа пытались дать ответ на этот насущный для них вопрос. И в духе оппозиционной публицистики А. И. Герцен сделал вывод, что эта территория является «майоратом, украденным у народа» (цит. по: [Гостюшева, 2013: 14–15]). С большей силой разразился спор между сибирскими исследователями спустя сто лет — в 70-е гг. XX в. В результате на настоящий момент в исторической науке четко сложилось три точки зрения: государственный статус собственности кабинетских земель (Л. М. Горюшкин, М. М. Горомыко, Н. А. Миненко, А. Е. Кухаренко), вотчинная теория (А. П. Бородавкин, А. Т. Топчий) и теория смешанного характера собственности (Т. П. Жидков, Ю. С. Булыгин, Т. Н. Соболева, В. Н. Разгон), которые полностью исчерпывают историографию обозначенной выше проблемы [Ведерников, 2002: 54–58].

Управлению Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа как объекту исследования посвящено много работ ученых Алтайского государственного университета. Т. Н. Соболева внесла большой вклад в изучение деятельности Кабинета на территории округа [Соболева, Разгон, 1997; Соболева, 2003; Соболева, 2005]. Совместно с В. Н. Разгоном в работе «Очерки истории кабинетского хозяйства», опираясь на историческую литературу, законодательные источники, архивные материалы делопроизводственного характера, Т. Н. Соболева проследила истоки возникновения большинства местных учреждений, выявила периоды в административном развитии кабинетского округа во второй половине XVIII — первой трети XIX в. [Соболева, Разгон, 1997: 4]. В дальнейшем она значительно расширила хронологические рамки исследования и дифференцировала проблематику. Под ее научным руководством были защищены диссертации В. В. Ведерникова «Горные инженеры Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1896 гг.)» [2002], А. А. Пережогина «Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири: 1747–1871» [2003], объектом исследования которых стала кадровая политика Кабинета на территории округа, вопрос формирования и социального происхождения административного аппарата округа: горных инженеров, руководителей местного управления, горной полиции, членов военно-судных комиссий и др. В 2008 г. П. А. Афанасьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ревизии как форма государственного и ведомственного контроля в XIX — начале XX в. (по материалам кабинетского округа Западной Сибири)» [2008], в 2011 г. А. Е. Кухаренко — диссертацию на тему «Административно-хозяйственная политика Кабинета Его Императорского Величества в земельно-арендной отрасли Алтайского горного округа (1855–1896)» [2011] и др.

Степень изученности вопроса не является исчерпывающей, между тем в исторической литературе, несмотря на повышенный интерес к различным отраслям хозяйствования Кабинета на Алтае, злоупотреблениям местного начальства, конфессиональный состав чиновников Кабинета в Алтайском округе не стал объектом пристального внимания. Кроме того, в большинстве своем исследователи анализируют период возникновения, становления и высшего подъема горно-рудного производства на Алтае.

Конфессиональный состав Кабинета Его Императорского Величества в Алтайском округе помогли воссоздать материалы редкого фонда Алтайской краевой универсальной научной библиотеки имени В. Я. Шишкова, содержащие все персональные данные служащих Кабинета и его структурных подразделений, действующих по всей территории империи. При статистическом анализе не учитывались вакантные должности и должности без указания вероисповедания.

Алтайский горный округ с 1804 до 1917 г. являлся составной частью Томской губернии [Соболева, Разгон, 1997: 23]. На первоначальном этапе существования горно-металлургического хозяйства местная бюрократия получала от Кабинета значительную свободу действий, которая была продиктована не столько удаленностью территории, сколько некомпетентностью аппарата управления в горнозаводском деле [Соболева, Разгон, 1997: 21]. Убыточность заводов и рудников Алтайского округа привела к отказу с 1896 г. от вложения кабинетских средств в горно-металлургическое производство и переориентации хозяйства на извлечение прибыли от торговли лесом и сдачи земли в аренду. Превентивные меры Кабинета привели к систематическим ревизиям деятельности местной администрации. За рассматриваемый нами период с 1898 по 1917 г. в округе прошло 7 ревизий (1898, 1904, 1907, 1910, 1912, 1913 и 1916 гг.).

На рубеже XIX–XX вв. хозяйство округа становится довольно сложным по своему укладу. Несмотря на свертывание горнозаводского производства, продолжали действовать Сузунский медеплавильный и Гурьевский чугунолитейный заводы, Кольванская шлифовальная фабрика, некоторые рудники, угольные шахты и золотые промыслы (часть их находилась в аренде). Много хлопот администрации доставляли переселенцы, поток которых не ослабевал. Столыпинская аграрная реформа привела к масштабным миграционным процессам на территории округа. По данным Первой переписи 1897 г. население Алтайского округа составляло 1325,5 тыс. чел. [Перепись населения, 1904: 17] на начало 1915 г. уже 2781,8 тыс. чел., т. е. фактически население округа удвоилось за неполных 20 лет [Соболева, 2003: 1].

По предписанию Кабинета и решению съезда земельно-лесных чинов в 1910 г. всю территорию Алтайского округа разделили на 47 лесничеств и три арендных района [Карпенко, 2017: 6]. В апреле 1911 г. провели административную реформу, которая привела к значительному увеличению штатной численности Кабинета на территории округа со 180 до 234 единиц (на 54 единицы, или 30% больше по сравнению с предыдущим периодом) за счет расширения лесной и межевой частей [Список чинов, 1911].

Проводимые преобразования дали к 1913 г. ощутимые финансовые результаты в сумме 913 тыс. руб. Кроме того, 1912 и 1913 гг. отличались небывалым ростом чистого дохода всего окружного хозяйства, который превысил 1 млн руб. [Отчет о деятельности..., 1916: 82, 87]. Поэтому в сентябре 1913 г. начальник округа В. П. Михайлов был командирован в Нерчинский округ с целью внедрить в Забайкалье алтайскую систему хозяйствования, охарактеризованную управляющего Кабинетом Е. Н. Волковым как образцовую [Афанасьев, 2014: 93, 94].

Анализируя конфессиональный состав служащих Кабинета с момента его возникновения, мы можем сказать, что в аппарате управления округом трудились служащие всех христианских деноминаций: православные, католики и протестанты, представленные в основном лютеранами. Малочисленность российских дворян — специалистов горного дела и нежелание русского дворянства служить в Сибири стали причиной того, что в первые десятилетия существования Кольвано-Воскресенских заводов профессиональные кадры формировались в основном из иностранных специалистов и местного мастерского населения [Ведерников, 1998: 28]. В первое десятилетие существования кабинетского хозяйства иностранные специалисты составляли 10,1% от общего числа горных инженеров и техников, к концу XVIII в. — 22,2% [Гербер, 2015: 44]. В 1800 г. среди горных офицеров Кольвано-Воскресенских заводов два человека (око-

ло 2%) были шведского происхождения, 8 человек (около 8,7%) из Саксонии, принявших вечное подданство Российской империи [Ведерников, 1998: 28].

С 1747 по 1799 г. функции руководителя Канцелярии горного начальства и Колывано-Воскресенских заводов выполняли семь человек, пять из которых были выходцами из Саксонии (А. В. Беэр, И. Г. Улих, И. С. Христиани, А. А. Ирман и Б. И. Меллер). В сложный кризисно-переходный период рубежа XIX–XX вв. Министерство императорского двора и уделов при выборе на должность начальника Главного управления Алтайского округа отдает предпочтение кандидатам энергичным, с деловой хваткой, способным решать хозяйственные вопросы в новых условиях, а не со специальным горным образованием.

Конфессиональный состав Кабинета в начале XX в., скорее всего, отражает многоконфессиональность Российской империи этого периода и государственную политику в решении этого вопроса. Подавляющее большинство служащих Кабинета Алтайского округа исповедовали православие. В 1900 г. из 167 штатных единиц 124 человека (74,2%) исповедовали православное христианство [Списек чинов..., 1900], в 1901 г. из 164–121 (73,7%) [Список чинов..., 1901], в 1903 г. из 157–120 (76,4%) [Список чинов..., 1903], 1904 г. из 151–111 (74%) [Список чинов, 1904], в 1908 г. из 180–135 (75%) [Список чинов, 1908], в 1910 г. из 180–113 (62,7%) [Список чинов, 1910]. Государственно-конфессиональная политика четко свидетельствовала о привилегированном статусе Русской православной церкви (РПЦ). В своде законов Российской империи «о священных правах и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» говорилось, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» [Свод законов, ст. 40].

В значительно меньшем количестве в Кабинете работали служащие других христианских деноминаций: католики и лютеране. В 1900 г. римо-католического исповедания придерживалось 16 человек (9,6%), лютеранского — 7 (4,1%) [Список чинов, 1900]; в 1901 г. в списке было 14 католиков (8,5%), 6 лютеран (3,7%) [Список чинов, 1901]; 1903 г. — 14 католиков (8,9%), 7 лютеран (4,5%) [Список чинов, 1903]; в 1904 г. — 14 католиков (9,2%), 7 лютеран (4,6%) [Список чинов, 1904]; в 1908 г. — 14 католиков (7,8%), 8 лютеран (4,4%) [Список чинов, 1908]; в 1909 г. — 12 католиков (6,7%), 8 лютеран (4,4%) [Список чинов, 1909]; в 1910 г. — 12 католиков (6,7%), 8 лютеран (4,4%) [Список чинов, 1910].

Наличие представителей инославных конфессий в штате Кабинета, причем на высших должностях, в этот период не говорит об отсутствии русских специалистов и привлечении иностранных на государственную службу в Кабинет. Российские учебные заведения (первоначально горнозаводские школы, а затем горные училища), готовившие отечественных специалистов горного дела, были открыты уже в 20-х гг. XVIII в. В 1724 г. в Екатеринбурге была учреждена первая в России горная школа повышенного типа, в 1773 г. открыто высшее горное училище в Петербурге. Кроме того, в конце XVIII в. Барнаул и Змеиногорск периодически для решения насущных хозяйственных проблем становятся центрами образования в регионе [Ведерников, 1998: 30]. Обращение к некоторым типичным биографиям служащих Кабинета инославного исповедания говорит о том, что это потомки давно обрусевших выходцев из Европы: Польши, Швеции, немецких земель, связавших свою жизнь с Россией, искренне служивших ей.

В 1909–1910 гг. в Кабинете появляются служащие иудейского вероисповедания. Должность младшего фельдшера Усть-Каменогорского имения занимала Шифра Бо-

руковна Любарская [Список чинов, 1909: 197], должность ученика аптекаря — Залман Давидович Эйдельштейн [Список чинов, 1909: 199]. Удивителен тот факт, что царское правительство с 1791 г. установило «черту еврейской оседлости», при этом Сибирь была исключена из числа губерний, в которых разрешалось проживать этим лицам. Легально находиться за Уралом могли только еврей-христиане, ссыльные, каторжане или получившие особое разрешение. Вероятно, их потомки оставались здесь жить и помнили о своих предках [Гончаров, 2005: 22].

Православная идентификация в Российской империи со времен Московского царства была ведущей. Вбирая в себя новые земли и население, царское правительство старалось формировать для элиты единое конфессиональное пространство. Между тем активное расширение границ имперского государства, привлечение на службу представителей различных религиозных конфессий (особенно активно в XVIII в.) формировало поликонфессиональный массив народонаселения страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьев А. П. Кабинет его императорского величества и Алтайский округ в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX вв. : сборник трудов. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 91–98.

Афанасьев П. А. Ревизии как форма государственного и ведомственного контроля в XIX — начале XX в. (по материалам кабинетского округа Западной Сибири) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2008. 230 с.

Ведерников В. В. Горные инженеры Колывано-Воскресенских заводов (1747–1828) // Известия Алтайского государственного университета. 1998. № 3. С. 27–33.

Ведерников В. В. Горные инженеры Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1896 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 265 с.

Гербер О. А. Иностранцы специалисты как источник формирования инженерно-технических кадров Колывано-Воскресенских заводов (1744–1800 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11, ч. 3. Тамбов : Грамота, 2015. С. 43–47.

Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX — начало XX в.). Барнаул, 2005. 108 с.

Гостюшева Е. М., Должиков В. А., Дягилева Ю. А. Социальная история Алтайского кабинета периода в народнической публицистике : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 132 с.

Карпенко Е. А. Кадровая модернизация Лесной части Алтайского округа в период перехода к интенсивному лесному хозяйству (1911–1915 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 63–68.

Кухаренко А. Е. Административно-хозяйственная политика Кабинета Его Императорского Величества в земельно-арендной отрасли Алтайского горного округа : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 348 с.

Обзор деятельности Кабинета Его Императорского Величества за 1906–1915 годы. Пг., 1916. 111 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. 246 с.

Пережогин А. А. Военно-горный строй на кабинетских предприятиях Западной Сибири: 1747–1871 : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 265 с.

Свод законов Российской империи. Т. I. Ч. 1. Разд. 1. СПб. : изд. Министерства внутр. дел, 1857.

Соболева Т. Н. Причины выбора кабинетской бюрократии модели комплексного руководства земельно-лесным хозяйством Алтайского округа (1896–1911 гг.) // III Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина : сборник научных трудов / под ред. Ю. М. Гончарова, В. Н. Владимирова. Барнаул, 2005. С. 142–148.

Соболева Т. Н. Алтайский округ // Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. — URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/altayskiy-okrug> (дата обращения: 26.02.2018).

Соболева Т. Н. Управление Алтайского (горного) Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд. Барнаул, 2003 С. 233–268.

Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.): Управление и обслуживание. Барнаул, 1997. 258 с.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1900.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1901.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1903.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1904.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1908.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1909.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1910.

Список чинов ведомства Его Императорского Величества. СПб., 1911.

REFERENCES

Afanašev A. P. *Kabinet ego imperator skogo veličestva i Altaiskii okrug v gody Pervoi mirovoi voiny. Sibir' i voiny XIX–XX vv.: sbornik trudov konferentsii.* [The Cabinet of his Imperial Majesty and the Altai district during the First world war]. Siberia and the wars of XIX–XX centuries: proceedings of the conference]. Novosibirsk: Parallel, 2014. S. 91–98 (in Russian).

Afanašev P. A. *Revizii kak forma gosudarstvennogo i vedomstvennogo kontroliia v XIX — nachale XX v. (po materialam kabinetskogo okruga Zapadnoi Sibiri): Dis. ... kand. ist. nauk* [Audits as a form of state and departmental control in XIX — the beginning of XX century (on materials of the Cabinet district of Western Siberia. Ph.D.)] Barnaul, 2008. 230 s. (in Russian).

Vedernikov V. V. *Gornye inžhenery Kolyvano-Voskresenskikh zavodov (1747–1828)* [Mining engineers Kolivan-Voskresensk works (1747–1828)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* [News of Altai state University]. 1998. № 3. S. 27–33 (in Russian).

Vedernikov V. V. *Gornye inžhenery Kolyvano-Voskresenskogo (Altaiskogo) gornogo okruga (1747–1896 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk* [Mining engineers Kolyvan-Voskresensky (Altai) mining district (1747–1896). Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2002. 265 s. (in Russian).

Gerber O. A. *Inostrannye spetsialisty kak istochnik formirovaniia inžhenernotekhnicheskikh kadrov Kolyvano-Voskresenskikh zavodov (1744–1800 gg.)* [Foreign specialists as a source of formation of engineering staff of the kolyvano-Voskresensky plants (1744–1800.)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* [Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice.]. № 11. Ch. 3. Tambov : Gramota. 2015. S. 43–47 (in Russian).

Goncharov Iu. M. *Ocherki istorii evreiskikh obshchin Zapadnoi Sibiri (XIX — nachalo XX v.)*. [Essays on the history of Jewish communities in Western Siberia (XIX — early XX century)]. Barnaul, 2005. 108 s. (in Russian).

Gostiushcheva E. M. *Sotsial'naiia istoriia Altaia kabinetskogo peioda v narodnicheskoi publitsistike: monografiia* / E. M. Gostiushcheva, V. A. Dolzhikov, Iu. A. Diagileva. [A social history of the Altai Cabinet peiod in populist journalism]. Barnaul : izd-vo Alt.un-ta, 2013. 132 s. (in Russian).

Karpenko E. A. *Kadrovaia modernizatsiia Lesnoi chasti Altaiskogo okruga v period perekhoda k intensivnomu lesnomu khoziaistvu (1911–1915 gg.)* [Personnel modernization Of the forest part of the Altai district during the transition to intensive forestry (1911–1915)] *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. [News of Altai state University]. 2017 № 5 (97). S. 63–68 (in Russian).

Kukharenko A. E. *Administrativno-khoziaistvennaia politika Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva v zemel'no-arendnoi otrasli Altaiskogo gornogo okruga' Dis. ... kand. ist. nauk* [Administrative and economic policy of the Cabinet of his Imperial Majesty in the land and rental industry of the Altai mountain district. Ph. D. Thesis in History] Barnaul, 2011. 348 s. (in Russian).

Obzor deiatel'nosti Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva za 1906–1915 gody. [An overview of the activities of the Cabinet of His Imperial Majesty over 1906–1915] Pg., 1916. 111 s. (in Russian).

Perezhogin A. A. *Voenno-gornyi stroi na kabinetskikh predpriatiiakh Zapadnoi Sibiri: 1747–1871 : Dis. ... kand. ist. nauk* [Military-mining system in the Cabinet enterprises of Western Siberia: 1747–1871. Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2003. 265 s. (in Russian).

Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General population census of the Russian Empire in 1897] / pod red. [i s predisl.] N. A. Troinit'skogo. [Sankt-Peterburg]: izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1899–1905. 27 sm. 79: Tom'skaia guberniia. 1904. 246 s. (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii. T. I. Ch. 1. Razd. 1. [The laws of the Russian Empire. T. I., Part 1. Sec. 1.]. CPb. : Izd. Min-va vnutr. del, 1857 (in Russian).

Soboleva T. N. *Prichiny vybora kabinetskoi biurokratii modeli kompleksnogo rukovodstva zemel'no-lesnym khoziaistvom Altaiskogo okruga (1896–1911 gg.)*. [The reasons for the choice of Cabinet bureaucracy model of integrated management of land and forestry Altai district (1896–1911 gg.)]. III *Nauchnye chteniia pamiati Iu. S. Bulygina: sbornik nauchnykh trudov* / pod red. Iu. M. Goncharova, V. N. Vladimirova. [III Scientific readings in memory of Y. S. Bulygin: collection of scientific works / under the editorship of Yu. M. Goncharov, V. N. Vladimirova.]. Barnaul, 2005. S. 142–148 (in Russian).

Soboleva T. N. *Altaiskii okrug* [Altai district]. Biblioteka sibirskogo kraevedeniia [Library of Siberian local history] Available at: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/altayskiy-okrug> (accessed February 26, 2018) (in Russian).

Soboleva T. N. *Upravlenie Altaiskogo (gornogo) Zmeinogorskogo kraia v 1861–1917 gg.* [The management of the Altai (mountain) Zmeinogorsky region in 1861–1917]. *Serebrianyi venets Rossii Ocherki istorii Zmeinogorska*. [The silver crown of Russia essays on the history of Zmeinogorsk]. 2-e izd. Barnaul, 2003. S. 233–268 (in Russian).

Soboleva T. N., Razgon V. N. *Ocherki istorii kabinetskogo khoziaistva na Altae: (Vtoraia polovina XVIII — pervaiia polovina XIX v.): Upravlenie i obsluzhivanie*. [Essays on the history

of the Cabinet economy in Altai: (the Second half of the XVIII — the first half of the XIX century.): Management and maintenance]. Barnaul, 1997. 258 s. (in Russian).

Spisok chinov vedomstva E. I. V. 1911. [List of ranks of the Department E. I. V. 1911] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1900. [List of ranks of the Department E. I. V. 1900] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1901. [List of ranks of the Department E. I. V. 1901.] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1903. [List of ranks of the Department E. I. V. 1903] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1904. [List of ranks of the Department E. I. V. 1904]. (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1908. [List of ranks of the Department E. I. V. 1908] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1909. [List of ranks of the Department E. I. V. 1909] (in Russian).

Spisok chinov vedomstva Ego Imperatorskogo Velichesva 1910. [List of ranks of the Department E. I. V. 1910] (in Russian).

УДК 2 (27)

М. В. Кашаева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВО В ХХІ в.: ПАРАДИГМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Анализируются модернизационные процессы, происходящие в харизматических общинах христиан веры евангельской пятидесятников. Автор рассматривает новации, появляющиеся в сфере вероучительной доктрины, а также, опираясь на опыт российских исследователей, характеризует модернизационные процессы религиозной деятельности харизматических общин. Пятидесятничество в России во второй половине ХХ в. представляло собой динамично развивающиеся объединения, различающиеся специфическими особенностями церковной жизни. Общей особенностью религиозной жизни всех пятидесятников является активная социальная деятельность и миссионерская работа. Настоящие эволюционные процессы, происходящие в пятидесятничестве, связаны с изменением формы и обоснования миссионерства. Анализ доктринальных положений основан на изучении работ современных лидеров харизматического движения: С. Кастеланоса и Д. Йонги Чо. Характеристика культовой практики опирается на вновь появляющиеся формы служений, а также интерпретацию уже известной практики «живого общения с Богом». Содержание современных модерни-

зационных процессов, по мнению автора, позволяет говорить о новом этапе религиозной жизни российского пятидесятничества.

Ключевые слова: пятидесятники, модернизация религии, модернизация религиозной доктрины, харизматическое движение в России, миссионерская работа, С. Кастеланос, Д. Йонги Чо.

M. V. Kashchaeva

Altai State University, Barnaul (Russia)

PENTECOSTALISM THE XXI CENTURY: MODERNIZATION PARADIGMS

The article analyzes the modernization processes, taking place in the charismatic communities of Christians of the evangelical Pentecostals. The author examines innovations, that appear in the field of dogmatic doctrine, and characterizes the modernization processes of the religious activities of charismatic communities, based on the experience of Russian researchers. Pentecostalism in Russia in the second half of the 20th century consists of dynamically developing associations, that differ in some specific features of church life. A common feature of the religious life of all Pentecostals is active social activity and missionary work. The present evolutionary processes taking place in Pentecostalism arise from the change in the form and justification of missionary work. The analysis of doctrinal situation is based on the studies of the works of contemporary leaders of the charismatic movement: S. Castelanos and D. Jongi Cho. The character of the cult practice is based on the newly emerging forms of service, as well as on the the interpretation of the already known practice of "live communication with God." The content of modern modernization processes, according to the author, allows us to talk about a new stage in the religious life of Russian Pentecostalism.

Key words: Pentecostals, modernization of religion, modernization of religious doctrine, charismatic movement in Russia, missionary work, S. Castelanos, D. Jongi Cho.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-06

В пространстве религиозной жизни каждого региона Российской Федерации ярко обозначены общины пятидесятников-харизматов ввиду их активной социальной позиции, а также возрастающей численности. Как отмечают исследователи, за последние 20 лет количество зарегистрированных общин христиан веры евангельской пятидесятников возросло с 30 до 1473 направлений [Лопаткин, 2010: 274]. Среди уже известных общин (Церковь Христа, Слово жизни, Краеугольный камень) появляются названия новых общин: Роса, РЕМА, Река течет. Нами предпринята попытка проанализировать процессы модернизации доктринальных платформ и культовых особенностей пятидесятнических харизматических общин, действующих на территории РФ в первые два десятилетия XXI в.

Классическое описание истории пятидесятничества включает в себя три волны. Первая волна в догматическом плане связана с проповедями пасторов Ч. Пархема и У. Сеймура, состоявшимися в начале XX в. Они формируют основу пятидесятнического вероучения, состоящую из «Крещения Святым Духом», проявляющим себя в практике «возложения рук» и «говорения на иных языках» — глоссолалии. Вторая волна пятидесятнического движения, состоявшаяся в середине XX в., проявила себя в распространении нового исповедания среди других протестантских деноминаций. Третья волна, имевшая начало в 70–80-х гг. XX в., выражена тщательной догматической проработкой харизматических практик и расширением поля культовых практик. Так, проявлением «Крещения Святым Духом» стала не только практика глоссолалии, но проявление других Даров Святого Духа: исцеления, чудотворения, истолкования.

Основными теоретиками третьей волны принято считать Д. Уимбера и П. Вагнера, в свою очередь опиравшихся на многочисленные проповеди предшественников: Э. У. Кеньона, К. Хейгина, У. Бранхема, А. А. Аллена, Д. А. Макмиллана [Зудов, 2016: 45]. Согласно учению теоретиков третьей волны, практика «Крещения Духом Святым» или «Крещение во Святом Духе» состоит в ощущении Святого Духа. Человек посвящен в поток Божественной радости и любви. Принятие «Даров Святого Духа» и их проявление является подтверждением «Крещения во Святом Духе».

Важной чертой харизматического богословия является факт того, что «Крещение во Святом Духе» проявляется через практику мистического духовного переживания. Данное учение нельзя связывать с теоретико-логическими обоснованиями сошествия Духа Святого в произведениях учителей и Отцов церкви вселенского периода, а также основателей Реформации. Согласно теоретическим воззрениям Д. Уимбера, чудеса и исцеления являются признаками Царства Божия. Они имеют вневременной характер и должны стать составной частью жизни каждого верующего христианина [Зудов, 2016: 44]. Другой проповедник третьего поколения П. Вагнер описывает практику «Крещения во Святом Духе» в контексте получения пророчеств. Пророчества, в свою очередь, имеют особое качество. Они не связаны с предсказаниями будущего, а являются наставлениям общепольного характера, вдохновляемыми свыше. Пророчества служат созиданию Церкви и должны возвещать Божественное всемогущество.

В данной концептуальной парадигме особую роль имеет сила слова. Слова, по мысли П. Вагнера и его предшественников, представляют собой духовные резервуары, а не обычную вербальную практику. Слово пророчества имеет особую творческую силу, способную изменить существующую реальность. Предшественники П. Вагнера отмечали, что слова, наполненные верой, воззвали вселенную к бытию, а, значит, они могут управлять бытием. Развитием данного богословия является доктрина «Нового мышления». Согласно данной доктрине всецело уверовавшие и крещенные духом, получившие дары христиане могут сегодня иметь здоровье, успех и материальный достаток, обращаясь к силе собственной мысли, поскольку мысли имеют вполне материальное проявление, как созидательное, так и деструктивное [Зудов, 2016: 49]. Преображению человека в парадигме харизматического пятидесятнического богословия содействует вера, также являющаяся Божественной преобразующей силой.

Таким образом, к началу XXI в. в богословии харизматического пятидесятничества преобладали идеи всеобщего преображения и воцерковления посредством «Креще-

ния во Святом Духе», получения различных даров от Святого Духа. Практика глоссолалии стала не единственной практикой, подтверждающей избранность. Другие практики пророчества, истолкования, исцеления, чудотворения обретаемые силой слова и веры становятся проявлением Божественного спасения и преображения. В настоящее время существуют харизматические пятидесятнические общины, где глоссолалия не является общей практикой [Амбарцумов, 2016: 71].

Модернизаторскими особенностями харизматических общин являются особенности культового служения. Отсутствие иерархического принципа служения, характерное для всех пятидесятников, сочетается с особенностью культовой практики. Так, в харизматической церкви «Роса» во время молитвы может звучать самая различная музыка — от игры на барабанах до классических оперных партий. По мнению её пастора Павла, неважно, в какой форме будет происходить служение, важно, чтобы оно проходило в «Духе и истине». В данной общине видом миссионерского служения являются театральные постановки, происходящие в театре «Nota Bene», где молодежным пастором является режиссер театра Сергей Колешня [Филатова, 2011: 543].

Нередко модернизаторскими тенденции проявляются в организации служений. Традиционными видами служений харизматического пятидесятничества являются служения в отношении нарко- и алкозависимых, служения в отношении лиц без определенного места жительства, трудных подростков и другие социальные служения. Однако в последнее время круг социальных задач пополнился новым, не вполне обычным видом служения. Этико-религиозная доктрина пятидесятников харизматов вполне традиционна в отношении ценностей семьи и брака. Одна из харизматических общин «Слово Жизни» организовала «Служение ЛГБТ». Целью данного служения, по мысли пастора А. Горнового, является помощь в признании порока и обращении к Богу с просьбой о помощи в преодолении болезненно порочных наклонностей [Амбарцумов, 2016: 73].

Как показано нами в начале статьи, пятидесятнические харизматические церкви являются самыми быстрорастущими деноминациями. Данный факт не всеми лидерами харизматических общин расценивается как положительный. По мнению пастора Д. Йонги Чо, возглавляющего общины Сеула (Южная Корея), основной проблемой современного общества является проблема деперсонализации, лишение её индивидуальности. Для харизматического движения эта проблема выражается в том, что только небольшой процент пришедших на собрание принимает в нем участие. Начальный энтузиазм новообращенных постепенно снижается, они становятся всего лишь «воскресными христианами». Таким образом, под угрозой ставится основной аспект вероучения — крещение и пребывание в Святом Духе. Модернизаторским элементом Д. Йонги Чо является принцип организации харизматических общин. Большое воскресное собрание в его общинах заменено практикой общения малых домашних ячеечных групп [Йонги Чо, 2016]. Лучшей формой евангелизации, по мнению Д. Йонги Чо, является общение небольшого числа верующих-единомышленников. Они создают друг для друга не только пространство молящихся, но и оказывают необходимую социальную помощь. Новый опыт миссионерской работы, предлагаемый Д. Йонги Чо, связан с собиранием малой группы миссионером, окончившим Библейскую школу и получившим практику служения в Центральной Полноевангельской церкви. Подобная организация обусловлена также снижением материальных затрат. Миссионеру, создающему новую ячейку, церковь помогает около года, затем общины переходят на самофинансирование.

Немало новаций содержит проповедь Д. Йонги Чо в богословии. Богословие пасторов новой волны по сути и отношению к христианской ортодоксии является радикальным. В проповеди Д. Йонги Чо «Дух Святой — мой старший партнер» говорится о том, что Дух Святой обладает личностными характеристиками. Он обладает знанием, эмоциями, чувствами, волей и рассуждением. Эти качества, столь созвучные человеческой природе, необходимы Свитому Духу для того, чтобы сообщить план Бога для нас [Йонги Чо, 2016].

В 1986 г. пастор другой харизматической общины «Международная харизматическая миссия» С. Кастелланос познакомился с практикой Д. Йонги Чо. Переняв модель в качестве примера, он организовал малые группы по географическому принципу. В практике С. Кастелланоса рост общин происходил гораздо медленнее, чем предполагалось. Поэтому он несколько видоизменил форму организации общин, оставив в основании идейный принцип корейской модели. В его ячейочной системе наименьшей единицей является группа, состоящая из 12 человек, как когда-то Иисус Христос общался с 12 апостолами [Кастелланос, 2015: 49].

Причины модернизаторских процессов, побудивших пятидесятнические харизматические общины к пересмотру вероучения и принципов организации, понятны: во-первых, это стремление общин к религиозному оживлению; во-вторых, стремление усилить мистические ожидания во время молитвы, отойти от сухой известной схемы и привлечь как можно большее количество верующих молодого возраста. В российском конфессиональном пространстве существует харизматическое пятидесятническое движение «Река течет». Оно было создано представителями ветви «Краеугольный камень» с целью обретения практики «ощущения нового помазания». Во время общинной молитвы её члены должны научиться ощущать прохождение живительной божественной энергии через тело [Александрова, 2015: 244]. Станут ли подобные модернизаторские тенденции началом новой четвертой волны в харизматическом пятидесятничестве? Время покажет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александрова Н. Н. Процесс возникновения новых форм религиозных практик у пятидесятников-харизматов // Социология религии в обществе позднего модернa. Белгород : Изд. Дом «Белгород», 2015. С. 243–246.

Амбарцумов И. В. Пятидесятники и харизматы — радикальные наследники Реформации // Инновационные механизмы решения проблем научного развития : сб. статей Международной научно-практической конференции. Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. — 239 с.

Зудов Ю. В. Пятидесятничество в XX веке: возникновение и эволюция // Азбука веры: православная энциклопедия. М., 2016. 160 с.

Йонги Чо Д. Дух Святой — мой старший партнер [Электронный ресурс]. — URL: <http://kingdomjc.com/Books/Cho/00.htm/> (дата обращения: 19.02.2018).

Йонги Чо Д. Успех домашних ячейочных групп [Электронный ресурс]. — URL: <http://kingdomjc.com/Books/Cho1/07.htm/> (дата обращения: 19.02.2018).

Кастелланос С. Мечтай и ты завоюешь мир. М. : Библейский центр «Посольство Иисуса», 2015. 160 с.

Лопаткин Р. А. Религиозная ситуация в России и место в ней протестантизма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 273–277.

Филатова В. Русские харизматики из церкви «Роса»: Церковь творческого поиска // Религия и российское многообразие. М. ; СПб. : Летний сад, 2011. 688 с.

REFERENCES

Aleksandrova N. N. Protsess vznikoventiia novykh form religioznykh praktik u piatidesiatnikov kharizmatov. [The process of emergence of new forms of religious practices in Pentecost charismatic]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna* [Sociology of religion in the society of late modernity]. Belgorod : Izdatel'skii dom "Belgorod", 2015. S. 243–246 (in Russian).

Ambartsumov I. V. Piatidesiatniki i kharizmaty — radikal'nye nasledniki Reformatsii. Innovatsionnye mekhanizmy resheniia problem nauchnogo razvitiia Sb. statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Pentecostals and charismatics, the radical heirs of the reformation. Innovative mechanisms for the resolution of problems of scientific development. Digest of articles of the international scientific-practical conference.]. Ufa : MTsII OMEGA SAINS, 2016. 239 s. (in Russian).

Zudov Iu. V. *Piatidesiatnichestvo v XX veke vznikoventie i evoliutsiia* [Pentecostalism in the twentieth century origins and evolution]. M. : Pravoslavnaia entsiklopediia Azbuka very, 2016. 160 s. (in Russian).

Iongi Cho D. *Uspekh domashnikh iachechnykh grupp* [The Success of home cell groups]. Available at: <http://kingdomjc.com/Books/Cho1/07.htm/> (accessed February 19, 2018) (in Russian).

Iongi Cho D. *Dukh Sviatoi — moi starshii partner* [The Holy Spirit — my senior partner]. Available at: <http://kingdomjc.com/Books/Cho/00.htm/> (accessed February 19, 2018) (in Russian).

Kastellanos S. *Mechtai i ty zavoiiuesh' mir* [Dream and you conquer the world]. M. : Bibleiskii tsentr "Posol'stvo Iisusa", 2015, 160 s. (in Russian).

Lopatkin R. A. Religioznaia situatsiia v Rossii i mesto v nei protestantizma [The Religious situation in Russia and place in it Protestantism]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. [State, religion, Church in Russia and abroad]. 2010. № 4. S. 273–277 (in Russian).

Filatova V. Russkie kharizmatiki iz tserkvi Rosa': Tserkov' tvorcheskogo poiska. [Russian charismatic of the Church of Rosa': Church of creative search]. *Religiia i rossiiskoe mnogoobrazie*. [Religion and Russian diversity]. M. ; SPb. : Letnii sad, 2011. 688 s. (in Russian).

УДК 297.17(091)

Д. Мунхбат

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В. М. Шукшина, Бийск (Россия)*

ПАЛОМНИЧЕСТВО МОНГОЛОВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ⁴

Статья посвящена рассмотрению некоторых особенностей развития паломчества в Монголии. Рассказывается о крупнейших центрах паломничества в Монголии, о паломничестве монгольских граждан внутри страны и в другие зарубежные страны, о его статистических данных и дальнейшей перспективе развития. В результате исследования показано, что в процессе развития туристической сферы с 1990-х г. количество паломников не только возрастает, но и составляет одно из основных направлений в монгольском региональном туризме. Кроме того, паломничество стало одним из основных видов современного религиозного туризма, целью которого является не религиозная пропаганда, а туризм для молитвы, основанный на убеждении верующих. Ежегодное увеличение количества паломников к священным местам (монастыри, священные горы и др.) показывает, что в мировоззрении монголов важное место занимают бурханизм и буддизм. Дальнейшее изучение феномена паломничества в Монголии представляется перспективным как с научной точки зрения, так и для развития религиозного туризма.

Ключевые слова: моление, молитва, паломничество, Утай Гумбэн, Лхас, Дармасла, Богдынский хурэ, Эрдэнэ-зуу, Хамрынский монастырь, Иволгинский дацан, Итгэлт хамба, Отгонтэнгэр хайрхан, Алтан обо, Амарбаясгалант, усыпальница Убугун Гэсэр бакши.

D. Munkhbat

*Altai state university of Humanities and education named after V. M. Shukshin, Biysk
(Russia)*

PILGRIMAGE FOR MONGOLS: TRADITIONS AND THE PRESENT*

The article is devoted to the consideration of some features of the pilgrimage development in Mongolia. The main part of the article describes the largest pilgrimage centers in Mongolia, the pilgrimage of Mongolian citizens within the country and to other foreign countries, its

⁴ Настоящее исследование выполнено в рамках совместного российско-монгольского исследовательского проекта «Историко-этнографическое изучение развития религиозного ландшафта в трансграничном пространстве Южной Сибири и Монголии» (проект № 16-21-03001).

digital data and the future. As a result of the research it was shown that in the process of development of the tourism sector since the 1990s in Mongolia the number of pilgrims not only occupies a large percentage, but also constitutes a major direction in the Mongolian regional tourism. In addition, the Mongol pilgrimage has become one of the main types of modern religious tourism, the purpose of which is not religious propaganda, but tourism for prayer, based on superstition and belief of believers, which is known from our study. The annual increase in the number of pilgrims to the Holy places (monasteries, sacred mountains, etc.) shows that in the worldview of the Mongols the most important place is occupied by burkhanism and Buddhism. Further study of the phenomenon of pilgrimage in Mongolia seems promising from a scientific point of view, and for the development of religious tourism.

Key words: Prayer, praying, pilgrimage, Utai Gumben, Lhas, Darmsala, Bogdinski khure, Erdene-dzuu, Chamrinsky monastery, Ivolginsky datsan, Itgelt Khamba, Otgontenger Khairkhan, Altan ovoо, Amarbayasgalant, the tomb of Ubugun Geser Bagshi.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-07

Понятие «паломничество» появилось в Средние века, когда начали распространяться такого рода путешествия. Впервые духовных лиц, или лам, стремящихся посетить каждый уголок земного шара с целью распространения религий, сравнивали с голубем, принесшим пальмовые ветви, который упоминался в Ветхом Завете христианской религии. Слово «паломник» произошло от латинского слова «palma» (дерево Победы) [Гантумур, 2001: 178]. В настоящее время туризм такого рода стали называть по-разному: «духовный туризм», «туризм для молитвы», «религиозный туризм» и т. д. «Шашны аялал жуулчлал» по международной номинации — *религиозный туризм, religious tourism*. Такой официальный термин начали применять с 1991 г. Основываясь на этом, туристов, посещающих святые религиозные места или религиозные центры на срок год или более, стали называть религиозными туристами, а туристические услуги, оказываемые в этих местах, — религиозным туризмом. В настоящее время развиваются два основных вида религиозного туризма, в частности: туризм религиозной молитвы (или паломничество) и туризм с сугубо религиозной целью. В зависимости от ритуалов возникли два вида паломничества. Первый вид — религиозный туризм, использующий научение, пропаганду, распространение религиозных знаний. Второй вид — это религиозный туризм, применяющий ритуалы, т. е. вид туризма, основанный на убеждениях верующих, среди ритуалов молитва, медитация, созерцание и подобное с участием культа и культовых предметов.

В развитии туризма любая страна может предоставить туристам туристский продукт, основанный на использовании всех ресурсов природы, общества, истории, культуры, обычаев и т. д. В Монголии, к сожалению, не проводят оценку (мониторинг) туристических ресурсов, а также не занимаются их специализацией, из-за чего не развиваются многие виды туризма, турмаршруты не отличаются друг от друга. В настоящее время назрела необходимость в развитии религиозного туризма, основанного на ритуалах и обычаях.

Количество туристов, интересующихся буддийской религией и едущих в Индию и Тибет, в среднем дошло до 60 миллионов поездок в год [Статистические сообщения..., 2013: 64]. Население Монголии исповедует в основном буддийскую религию (86.5%) [Статистический сборник переписи..., 2014: 35].

Ренессанс бурханизма, когда эта религия широко распространилась в Монголии, охватывает период XVII — начала XX в. Количество монастырей и храмов, осуществляющих свою деятельность в конце XIX — начале XX в., равнялось приблизительно 1140 [Монголын сум хийдийн туухэн товчоо, 2009]. Там находилось примерно 180 тысяч лам и послушников [Баабар, 2014: 217]. В начале XX в. население Монголии составляло около 760 тысяч человек, из них 225 тысяч мужчин трудоспособного возраста [Майский, 1998: 110].

В то же время распространилось высказывание «В каждой юрте были гэлэны (монашеский чин), в каждом овраге были храмы». В монгольском лексиконе слова тибетского происхождения очень распространены. Было популярным давать тибетские имена новорожденным, а также географическим объектам: горам, степям, рекам и озерам. Учёный Ж. Сэржээ писал: «...судя по переписи населения Богда Ханской Монголии 65%, или около 494000 человек из всего зарегистрированного населения... носили тибетские имена» [Сэржээ, 1999: 48; Монголчуудын нэр зүйн лавлах, 1999]. Таким образом, к началу XX в. мировоззрение монголов стало целиком буддистским или основывалось на учении бурханизма. Среди исповедующих бурханизм существовали различные ритуалы, исполняемые ежедневно или с определенной последовательностью в течение года, квартала и месяца. Самым важным ритуалом была молитва культу как самой высшей святыне.

Как указано в учениях бурханизма, у верующего имеются три культа, в частности:

А. **Повеленческий культ** (книги, относящиеся к бурханизму, сутры, каноны);

Б. **Образный культ** (портреты будды и богов, образы, созданные с помощью дерева, камня, глины, краски, золото и сокровища, а также гробницы и усыпальницы).

В. **Благословенный культ** (субурганы, обо, символ могущества, колокол, монастыри и храмы).

Все они являются самыми высшими культами бурханистов. Общеизвестно, что поездка в святые места и совершение молитвы было желанной целью монголов. Судя по устойчивым выражениям «... Вышестоящему спасению — Утаю помолился, Дело жизни всей с успехом закончилось...», «... Богдынскому Хурэ помолился, Благодаря ногам да жилам...», «... Я еду да еду, А Пекин на месте...» и др., молитва высшему и дорожному культу, наверное, была целью и делом всей жизни человека. Как говорилось в исторических произведениях и источниках, паломничество монголов имело два направления: внешнее и внутреннее. К внешнему паломничеству относится выезд из Урги или Хурэ, далее поездка в сторону Утай (Лхас), Гумбэн и Дармасла. Эти же места ныне находятся в примерно семи тысячах километрах от Улан-Батора, они относятся к Тибетскому автономному округу Китайской Народной Республики (КНР). В официальных пограничных и таможенных документах Маньчжурии и Богдо Ханской Монголии XVIII–XX вв. отсутствуют данные о количестве монгольских паломников. Однако известно, что количество лам, прибывших из Халхи в тибетские монастыри и храмы с целью получения религиозного образования и повышения степеней и чинов, составляло в 1900–1910 гг. около 8500 человек [Билгийн мэлмий, 2009]. Интересно, что в родословных записях каждой семьи Монголии имеется хотя бы один человек, совершивший молитву в Тибете. В биографиях ученых лам популярны истории о получении ими религиозного образования в Тибете.

В отношении местных верующих Монголии поездка в Богдынский Хурэ и Эрдэнэзуу, совершение там молитвы имели очень важное значение. В Богдынском Хурэ жил гла-

ва бурханизма Монголии, «живой бог» Богд Жавзандамба. Богдынский Хурэ, или Урга, был самым большим монастырем. Поездка и молитва монгольских паломников занимала несколько месяцев и даже целый год. Она была связана с большим риском из-за слабого социально-экономического развития, отсутствия инфраструктуры и тяжелых природно-климатических условий.

В 1921 г. в Монголии победила народная революция. В результате была создана Монгольская Народная Республика (МНР). Однако государственная политика МНР сначала была направлена против религий и монастырей. В результате борьбы с суевериями народных масс и религиозной деятельностью монастырей и храмов к 1937 г. закрылись все монастыри, арестованы известные ламы и послушники. Их приговорили к высшей мере наказания или многолетним срокам заключения в тюрьмах. Большинство послушников превратились в «хар», т. е. стали обычными гражданами. «В 1937–1939 гг., когда проводились политические репрессии, по решениям Чрезвычайной и Полномочной комиссии было репрессировано 25400 человек, из числа которых 16000 человек были ламами, послушниками и аристократами...» [Баабар, 2014: 181].

В 1940 г. вышло постановление Правительства МНР по возобновлению деятельности монастыря Гандантэгчинлэн — центра монгольских верующих, находящегося в столице Улан-Баторе. Его деятельность осуществлялась под строгим контролем, из-за чего была весьма ограниченной вплоть до 1990-х гг. Конституция Монголии, утвержденная в 1992 г., гарантировала свободу верования и право быть неверующим. Во 2-м пункте 14-й статьи новой конституции указано, что «религия предпочитает государство, государство предпочитает религию», что гарантировало основы нового распространения традиционного бурханизма среди монголов. В результате этого пробудилось национальное сознание, интерес к истории, культуре и обычаям монголов, повысилось значение национальных ценностей, в духовно-интеллектуальную жизнь монголов через 70 лет вернулся бурханизм.

В настоящее время в стране зарегистрировано 256 буддийских монастырей и храмов, из них 204 осуществляют активную деятельность. Одной из особенностей возрождения буддийской религии после 1990-х гг. является резкое увеличение среди верующих паломничества, направленного так внутрь страны, так и за рубеж. Среди 15 туркомпаний, проводящих в Улан-Баторе активную деятельность по оказанию услуг внешнего паломничества, самыми крупными стали пять компаний: «Будда тур», «Монгол аялал», «Женко тур», «Жуулчин», и «Номадик». «По данным только в 2008–2014 гг., по линии вышеназванных 5 компаний 160293 монгольских паломников — туристов были охвачены турпоездкой в Бурятию для молитвы Итгэлту Хамбу. Эти же компании за названный период оказывали услуги 38490 паломникам — туристам, направляющимся в Индию и Тибет...» [Монголын Аялал..., 2015]. Кроме того, сюда не вошло число монголов, ездивших в Бурятию с визой на 30 дней пребывания в РФ, а также в Тибет и Индию. Наряду с этим, в последние три года количество внутренних туристов резко повысилось.

По данным Центральной организации туризма ежегодно в среднем 200–220 тысяч туристов-паломников едут на святые и культовые места, предпочитаемые верующими: Хамрын хийд (Восточно-Гобийский аймак), Дувхэн хийд (Убурхангайский аймак), Эрдэнэ-зуу хийд (Убурхангайский аймак), Отгонтэнгэр хайрхан (Забханский аймак), Алтан-овоо (Сух-Баторский аймак), Амарбаясгалант хийд (Сэлэнгинский аймак), Ээж хад (Сэлэнгинский аймак), Аглаг бүтээлийн хийд (Центральный аймак), Усыпальни-

ца Убугун Гэсэр багши (Архангайский аймак). Все эти святые и культовые места, куда едут верующие совершать молитву и выражать почтение, в содержательном и вероисповедательном отношении являются действительно сакральными и святыми местами, принадлежащими бурханизму.

Таким образом, по итогам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, в турпроизводстве, динамично развивающемся в Монголии после 1990-х гг., количество паломников не только занимает немалый процент, но и создавало крупное направление в монгольском и региональном туризме. Во-вторых, паломничество монголов стало одним из основных видов современного религиозного туризма, целью которого является не религиозная пропаганда, а туризм для молитвы, основанный на вере и убеждении верующих, что известно из нашего исследования. В-третьих, поклонения культовым местам, таким как монастыры, горы и другие природные объекты, относятся к буддийским религиозным ритуалам. Увеличение количества паломников из года в год показывает, что в мировоззрении и духовно-интеллектуальной жизни современных монголов бурханизм или буддийская религия занимает важное место.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гантумур Д. Аялал жуулчлалын үндэс. Улаанбаатар, 2001. 217 т. (на монг. яз.).
- Ази, Номхон далайн орнуудын аялал жуулчлалын холбооны статистик мэдээ. 2013., «PATA». 120 т. (на монг. яз.)
- Монголын сум хийдийн туухэн товчоо. Ерөнхий редактор С. Цэдэндамба. Улаанбаатар, 2009. 888 т. (на монг. яз.).
- Баабар Б. Нуудэл суудал, 20-р зууны Монгол. Улаанбаатар, 2014. 995 т. (на монг. яз.).
- Майский И. М. Шинэ ба хуучин Монгол. Перевод Б. Баярсайхан. Улаанбаатар, 1998. 195 т. (на монг. яз.).
- Сэржээ Ж. Монголчуудын нэр зуйн лавлах. Улаанбаатар, 1999. 84 т. (на монг. яз.).
- Батболд О. Эргэл мөргөл, уламжлал шинэчлэл // Билгийн мэлмий: газета от 2009.09.48, № 04/63 (на монг. яз.).
- Монголын Аялал жуулчлалын үндэсний форум ын бичиг баримтын эмхэтгэл. Эмхтгэсэн М. Ганболд. Улаанбаатар, 2015. 148 т. (на монг. яз.).
- Статистические сообщения Ассоциации туризма стран Азии и Тихого океана. «PATA», 2013.
- Статистический сборник переписи населения и учёта 2013 года. 2014.
- Билгийн мэлмий. 2009. № 04/63 (на монг. яз.).

REFERENCES

- Gantumur D. *Ayalal juulchlalyn undes* [Basis of travel]. Ulaanbaatar, 2001. 217 t. (in Mongolian).
- Azi Nomkhon dalain ornuudyn ayalal juulchlalyn kholboony statistic medee* [Statistics of Asia Pacific Tourism Association]. 2013, "PATA". 120 t. (in Mongolian).
- Mongolyn sum khiidiin tuukhen tovchoo* [The Office of the Mongol Monastery]. Erunkhii redactor S. Tsendendamba. Ulaanbaatar, 2009. 888 t. (in Mongolian).
- Baabar B. *Nuudel suudal, 20 zuuny Mongol* [Open Shelf, Mongolia's 20th Century]. UB., 2014. 995 t. (in Mongolian).
- Maiskii I. M. *Shint ba khuuchin Mongol* [New and old Mongolia]. Perevod B. Bayarsaikhan. Ulaanbaatar, 1998. 195 t. (in Mongolian).

Serjee J. *Mongolchuudiin ner zuin lavlakh* [Mongolian reference directory]. Ulaanbaatar, 1999. 84 t. (in Mongolian).

Batbold O. Ergel murgul, ulamjlal shinechlel [False worship and tradition]. “*Bilgiin melmii*” [Billa’s eyes] 2009.09.48, № 04/63 (in Mongolian).

“*Mongolyn ayalal juulchlalyn undecnii forum*” — *yn bichig barimтын эмхөтгөл* [The “National Forum of Mongolian Tourism” documents]. Emkhөtgesen M. Ganbold. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar printing, 2015. 148 t. (in Mongolian).

Statisticheskije soobshcheniya Associacii turizma stran Azii i Tihogo okeana [Statistical reports of the Association of tourism of Asia and the Pacific]. “PATA”, 2013.

Statisticheskij sbornik perepisi naseleniya i uchyota 2013 goda [Statistical compendium of the census of population and the census of 2013]. 2014.

Bilgiin mehlmij. 2009. № 04/63 (in Mongolian).

Раздел V

ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА : ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94 (47)

Г. Б. Эшматова

*Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова,
Горно-Алтайск (Россия)*

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА НА АЛТАЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Репрессивная политика советского государства в разные периоды была направлена против определенных категорий и групп населения. Актуальным является исследование государственной репрессивной политики в регионах страны, включающее выявление механизмов ее реализации на местах.

В первые месяцы своего существования советское государство определило отношение к религии. Основные составляющие антирелигиозной политики государства выражались в идейно-теоретических взглядах основоположников марксизма-ленинизма, программных установках партии, постановлениях ее руководящих органов по вопросам религии, церкви, атеизма; законодательно-правовых, регулировавших отношения государства и церкви, положениях религиозных организаций в стране, правах верующих и атеистов. Исследуется деятельность партийных, государственных и общественных органов и учреждений, связанная с решением религиозного вопроса в стране — от формирования систем атеистического воспитания и антирелигиозной пропаганды до репрессий.

На основе научной литературы и архивных материалов рассмотрены основные направления репрессивной политики по отношению к духовенству на примере Горного Алтая. Раскрыты способы осуществления политических репрессий.

Ключевые слова: советское государство, репрессивная политика, церковь, служители культа, православие, старообрядчество, бурханизм, шаманизм, мусульманство.

G. B. Eshmatova

S. S. Surazakov Research Institute of altayistik, Gorno-Altaiisk (Russia)

REPRESSIONS AGAINST THE CLERGY IN THE ALTAI REGION IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

The repressive policy of the Soviet state in different periods were directed against certain categories and groups. Relevant is the study of the state's repressive policy in the country's regions, including identification of mechanisms for its implementation.

In the first months of its existence, the Soviet state determined the religion. The main components of the anti-religious policy of the state was expressed in the ideological and theoretical views of the founders of Marxism-Leninism, the programme objectives of the party, resolutions of its governing bodies on issues of religion, Church, atheism; the legislative, regulated the relations of Church and state, the position of religious organizations in the country, the rights of believers and atheists; institutional activities of party, state and public bodies and institutions related to the solution of religious issues in the country — from the formation of the system of atheist education and anti-religious propaganda to repression.

On the basis of scientific literature and archival materials is considered the main directions of the repressive policy towards the clergy on the example of Gorny Altai. Disclosed are methods of political repression.

Key words: the Soviet state's repressive policy, the Church, the clergy, Orthodoxy, old believers, burkhanism, shamanism, Islam.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-08

После Великой Октябрьской социалистической революции коммунистическая партия стала претворять в жизнь свои программные требования, касающиеся религии и церкви.

В осуществлении этой политики значительная роль отводилась советскому праву. В переходный от капитализма к социализму период советское право закрепило ряд мероприятий государства диктатуры пролетариата, которые подорвали основу религии — ее связь с капиталом (национализация церковного имущества и ценностей и т. п.).

Начало антирелигиозной политики положено первыми декретами советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви (1918 г.) и др. Завершением стало принятие союзного закона «О свободе совести и религиозных организациях» (1990 г.) с упразднением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР.

Большинство исследователей выделяет в антирелигиозной политике два основных этапа: 1) 1917 — конец 1930-х гг.; 2) 1940-е гг. — 1990 г. Для первого характерно отношение к религии и церкви как к политическим антагонистам социализма и священнослужителям как «классово чуждым элементам». На втором этапе противостояние советской политической системы институтам религии и церкви переводилось в плоскость идеологической борьбы с «антинаучным мировоззрением», достижения цели атеистического перевоспитания его носителей. Антирелигиозная политика в период своего становления (1917 г. — середина 1920-х гг.) характеризовалась открытой конфронтацией

советского государства с основными конфессиями, прежде всего с Русской православной церковью (РПЦ). Антирелигиозная политика периода 1920–1930-х гг. носила репрессивный характер, выражавшейся в подрыве экономической основы церкви и политического преследования духовенства, враждебно настроенного к советской власти. Антирелигиозная политика в 1940-х — середине 1950-х гг. выражалась в осуществлении линии либерализации (допущение некоторой активизации деятельности лояльных государству конфессий, главным образом РПЦ, в военные и послевоенные годы) при сохранении общего отрицательного отношения к религии.

Антирелигиозная политика в Сибири соответствовала общегосударственной политике. Представители религиозных организаций подвергались арестам и другим мерам наказания (вплоть до расстрелов).

В это время наблюдался раскол в рядах РПЦ на «староцерковников» и «обновленцев». В Сибири также образовывались параллельные управленческие структуры церкви, боровшиеся между собой за приходы и верующих. В 1924 г. в Сибирском крае у «обновленцев» было 1158, у «тихоновцев» — 807 приходов. К 1927 г. соотношение изменилось в пользу «староцерковников». В докладе прокурору Сибири «О деятельности Ойратской (Ойротской после 1932 г. — *ред.*) областной прокуратуры» было отмечено: «...в области в 1924 г. имелись представители двух церковных течений: тихоновцы и живо-церковцы, последних в области числится 9 приходов, которые по существу ничем не отличаются от тихоновцев. Население не считает себя живыми или мертвыми, а лишь православными и активного участия в борьбе между духовенством не принимают. Имеется ряд фактов, подтверждающих падение религиозности крестьянства, часть церквей передается под народные дома и школы, численность религиозных общин сокращается. Стремясь удержать в своих общинах крестьянство, часть духовенства ведет широкую кампанию против безбожников комсомольцев, коммунистов, причем в этой работе принимает участие как живое, так и мертвое духовенство ...» [Око государево, 2001: 42, 43].

В практику антирелигиозной политики вошла агитационно-пропагандистская работа. Вопросы организации антирелигиозной пропаганды неоднократно обсуждались на партийных форумах, получали отражение в постановлениях парткомитетов разных уровней, в том числе Сиббюро ЦК РКП(б) Сибкрайкома и губернских (окружных) комитетов ВКП(б). Особую активность в антирелигиозной пропаганде проявлял Союз воинствующих безбожников.

Так, из переписки обкома ВКП(б) узнаем: «...антирелигиозное движение в области развито в очень слабой степени и выражается главным образом в виде кружков безбожников, состоящих исключительно из молодежи, преимущественно из комсомольцев. Всего таких кружков по области имелось в марте 1925 г. — 6. Особой активности кружки не проявляли, работа ведется не регулярно, занимаются главным образом разборами Библии для верующих и неверующих [Е. М.] Ярославского.

В некоторых аймаках при избах-читальнях имеются уголки безбожников. Систематической массовой антирелигиозной пропаганды по области не ведется за отсутствием подготовленных пропагандистов — антирелигиозников...

Работников, специально занятых антирелигиозной пропагандой, нет. Для этой работы используются время от времени для докладов и лекций (эпизодического характера) помимо партийцев также и беспартийные учителя. Вопрос о подготовке антирелигиозников практически ещё не ставился ни АНО Обкома, ни Обкомом РЛКСМ» [ГАПСД РА

Ф. П — 1, Оп. 1. Д. 292. Л. 3, 6, 7]. О самоустранении от антирелигиозной пропаганды в Ойротии были посвящены публикации в газете «Красная Ойротия» [Мизин, 1937: 4]. По данным Г. Крейдун, в 1929 г. в Горном Алтае состоялся I-й областной съезд общества безбожников. В состав общества входило 300 чел. из 45 ячеек [Крейдун, 2010: 74].

В первые годы советской власти пропагандировалась и внедрялась замена церковных обрядов и праздников советскими. Партийные и комсомольские ячейки проводили агитацию, призывая население отказаться от празднования церковных дат. Взамен религиозных традиций внедрялась советская обрядность: крестины заменялись октябринами, венчание — комсомольскими свадьбами, крестные ходы уступили место демонстрациям и т. д. На страницах областной газеты выходили публикации, в которых давались разъяснения о вреде религии, о религиозных праздниках [Олещук, 1937а: 3; 1937б: 3].

В стране проводились широкомасштабные изъятия у религиозных объединений земельных участков, всех построек, включая храмы. Бывшие молитвенные, монастырские здания, помещения духовных учебных заведений и руководящих органов церквей переоборудовали под клубы, библиотеки, красные уголки, чаще отдавали под склады, зернохранилища и др. или разрушали. Церковные колокола повсеместно снимали и отдавали на переплавку. На Алтае кампания по сбору церковной бронзы проходила летом-осенью 1935 г. и курировалась Западно-Сибирской краевой комиссией по вопросам культов при Президиуме Запсибкрайисполкома. В рамках данной кампании была разрушена колокольня бывшего Спасского храма Улалы. Ойротский облисполком обращался к Ойрот-Туринскому горсовету с требованием сдать колокола и с Успенского кладбищенского храма [Крейдун, Орехов, 2009: 16].

С установлением советской власти на Алтае в 1919–1920-е гг. Алтайская духовная миссия была окончательно упразднена [Крейдун, Орехов, 2009: 10]. В это время прекратили свое существование монастыри Алтайской миссии. Упразднен был и Бийский архиерейский дом.

В феврале 1929 г. на заседании Президиума Ойратского облисполкома был поставлен вопрос о закрытии Улалинской Спасской церкви. После закрытия здание церкви переоборудовали под кинотеатр, в 1942 г. там разместилась столовая общепита Алтайторга, а с 1943 г. — столовая треста «Ойротзолоторедмет». Позднее храм разрушили, а на его месте построили кооперативный техникум.

Вышедший Декрет СНК возложил ответственность за приходскую жизнь на общину. Для того, чтобы продолжать совершать богослужения церковным общинам надо было заключать договоры, в которых оговаривалось, что прихожане общины «обязуются беречь переданное им народное достояние, принимая на себя ответственность за его целостность и сохранность, оплачивать все текущие расходы по содержанию храма и находящихся в нем предметов: по ремонту, отоплению, страхованию, оплате долгов, налогов и местных обложений ...».

31 августа 1920 г. коллегией ЧК был обвинен в содействии белогвардейским бандам священник Абайской церкви Усть-Коксинского района П. С. Серебренников, его приговорили к высшей мере наказания (в 1998 г. реабилитировали). В том же году в Улале во время ложного вызова на причастие больного был убит священник П. Сорокин [Храмы Улалы, 2014: 4].

С августа 1920 г. договоры на пользование церковными зданиями и имуществом были заключены со всеми общинами. В январе 1921 г. Горно-Алтайский уездный рево-

люционный комитет отправил на места циркуляр с требованием присылать сведения о церквях с указанием количества верующих, достигших 16-летнего возраста, а также о руководителях общины.

В 1929 г. начинается перерегистрация церквей. За 1929–1930-е гг. была ликвидирована основная часть храмов Горного Алтая [Память народа, 1993: 175–180]. Так, в 1936 г. был закрыт Успенский храм. Ойрот-Туринский горсовет принял решение о сносе церковного здания «в силу ветхости». После разбора здания храма местные жители использовали кирпич для различных бытовых нужд [Храмы Улалы, 2014: 4].

К середине 1930-х гг. на территории Горного Алтая не осталось ни одного действующего прихода. Управлением немногочисленных православных Горного Алтая занималось православное духовенство Бийска [Крейдун, 2008: 1].

В этот же период начинаются суды над священнослужителями.

В 1923 г. был этапирован с Алтая бывший начальник миссии архиепископ Иннокентий (Соколов). В начале 1924 г. вместо него стал священник Никита (Прибытков). В 1931 г. он был арестован и выслан (расстрелян в 1938 г.) [Крейдун, 2008: 1, 7; 2013: 49–105]. Н. В. Таскин, священник из Черги, «как священнослужитель занимался распространением контрреволюционных слухов», «чуждый элемент советской власти», в 1929 г. отправлен в ссылку на три года.

В 1933 г. велось следствие по делу повстанческой церковно-монархической организации, якобы существующей на территории Барнаульско-Бийского районов и Ойротской области. Массовые аресты фигурантов того дела прошли по всей области и затронули некоторые слои населения. Среди тех, кто значится в обвинительном заключении контрреволюционной церковно-монархической организации, есть священники и бывшие монахини [Поклонов, 2016: 98–100]. Проживали обвиняемые в Ойрот-Туре, селах Александровка и Паспаул. Подразумевались наказания от трёх лет ссылки (для бывших монахинь, только одна из них получила пять лет лагерей) до 5–10 лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Одним из первых были арестованы священники П. Васильевич и С. Чевалков. По данному же делу проходили бывший священник К. К. Соколов. В июне 1933 г. его осудили на 10 лет лагерей как «руководителя повстанческой ячейки среди алтайцев Онгудайского аймака». Находясь в Сиблаге в Кемеровской области, К. К. Соколов был признан участником контрреволюционной организации и 12 января 1938 г. расстрелян. Старший брат К. Соколова Иван был осужден «тройкой» ОГПУ в апреле 1933 г. на пять лет лагерей [Крейдун, 2008: 7–8]. Социальное происхождение и стаж «сына служителя религиозного культа» послужили причиной ареста и дальнейшего заключения в ИТЛ на пять лет для П. И. Серебрянского, счетовода из с. Ильинка Шебалинского аймака.

8 апреля 1933 г. был арестован священник Ойрот-Туринского благочиния П. В. Потанин. 30 апреля того же года по приговору «тройкой» ГШ ОГПУ он был расстрелян. Другой священник благочиния Зяблицкий П. был также арестован и выслан на три года за пределы Ойротской области. Вместе с ним были осуждены монахини.

Заключением Алтайского краевого суда от 19 декабря 1957 г. П. В. Потанин реабилитирован [Крейдун, 2010: 87–88; Храмы Улалы, 2014: 4].

Вслед за закрытием Успенского собора (1936 г.) репрессиям подверглись члены церковного совета. Староста храма И. А. Турищев был приговорен к расстрелу (28 августа 1937 г.), псаломщица А. И. Чевалкова — к восьми годам заключения в ИТЛ с поражением в правах на пять лет. Такое же наказание было назначено председателю церков-

ного совета И. А. Лудикову, а также В. Суртаеву и Е. И. Сафронову [ГАСПД РА Ф.Р — 37. Оп. 1. Д. № 539 — ПФ. Л. 158–167; Крейдун, 2010: 90–92].

По этому же делу проходили священники церкви с. Майма-Чергачак (закрыта 4 ноября 1938 г., здание передано под сельский клуб) П. Г. Бондаренко и А. М. Самошкин, которые по постановлению тройки УНКВД Запсибкрая были расстреляны 28 августа 1937 г. [ГАСПД РА Ф. Р — 37, Оп. 1. Д. № 539 — ПФ. Л. 162; Арляпова, 2016: 3; Балакин, 2005: 51].

Впоследствии постановлением Алтайского краевого суда от 3 декабря 1957 г. все осужденные по этому делу были реабилитированы [ГАСПД РА Ф. Р — 37, Оп. 1. Д. № 539 — ПФ. Л. 260–262].

1 ноября 1937 г. был расстрелян Ф. П. Нишкун, служивший ранее священником в Улалинском миссионерском Николаевском женском монастыре. Тройкой при УНКВД по Запсибкраю ему были предъявлены обвинения по ст. 58–10 УК (контрреволюционная агитация). Реабилитирован 10 мая 1989 г. прокуратурой Алтайского края [Личный архив Л. П. Клепикова].

По надуманным обвинениям были арестованы и приговорены к высшей мере наказания бывшие монахини: О. Н. Теменева (с. Балыкча Улаганского аймака) и Д. С. Паршинова (с. Большая Речка Чойского аймака). В 1989 г. они обе реабилитированы [Как умирали храмы, 2014: 4].

Политические репрессии коснулись и старообрядческого населения, которое проживало преимущественно в Уймонском аймаке (ныне Усть-Коксинский район). В 1926 г. в Уймонском аймаке действовали пять молитвенных домов старообрядцев, три из которых были переданы под школы [Шитова, 2013: 40, 41].

Многие уймонцы держали большое хозяйство. Об этом свидетельствовала и Всероссийская сельскохозяйственная перепись [Мальцева, 2007: 20]. В 1929–1937 гг. зажиточные семьи были отнесены к «лишенцам». Наибольшее количество лишенных избирательных прав в 1927 и в 1931 гг. приходилось на Нижне-Уймонский и Верх-Уймонский сельсоветы, в которых преобладало старообрядческое население.

Как служители старообрядчества религиозного культа (начетчики) избирательных прав были лишены: А. А. Бочкарев (Верх-Уймон), К. А. Бочкарев (Горбуново), З. И. Железнов (Нижний Уймон), Д. И. Рехтин (Верх-Уймон), Е. Ф. Сивкова (Нижний Уймон), С. М. Соколов (Терехта) и др. [Шитова, 2013: 44, 45, 325–338].

В 1931 г. наиболее распространенной причиной лишения кулачества избирательных прав являлись обвинения в эксплуатации чужого труда и спекуляции. Так, наставник В. С. Атаманов, о котором писал Н. К. Рерих в своих дневниках [Рерих, 1992: 151–158], был лишен избирательных прав в 1928 г. как перекупщик. О судьбе семьи В. С. Атаманова узнаем из книги Р. П. Кучугановой [2000: 102–107]. Л. В. Бухтуева, используя архивную коллекцию «Из рода Атамановых», знакомит в своей работе с биографиями и судьбами членов этой большой семьи. Три сына Вахрамея Семеновича были расстреляны в годы репрессий [Бухтуева, 2016: 11–14].

Особо следует рассказать о доносах в уймонских селах в 1930-х гг. Так, в республиканском архиве хранятся материалы судебных следствий, из которых видно, как близкие родственники друг друга «выдавали» [ГАСПД РА Ф. Р — 117. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, 31].

В годы массовых репрессий имели место фальсифицированные данные. В 1937 г. в Нижнем Уймоне была «вскрыта» контрреволюционная организация, арестованы

шесть жителей села. Главным организатором данной группировки стал 74-летний П. Л. Ленский, ранее уже судимый за контрреволюционную деятельность и по отбытии срока наказания в Сиблаге вернувшийся в село. Членами данной организации также были: братья М. И. и В. И. Железновы, оба бывшие кержацкие священники, И. А. Утятников, Ф. И. Ошлыков, А. Е. Санаров и А. Ф. Бурматов. Согласно обвинительному заключению члены организации «в целях восстановления населения против существующего строя и развала колхозов систематически проводили контрреволюционную агитацию», «распространяли клевету на вождей партии и правительства и высказывали террористические взгляды» и т. д. 8 сентября 1937 г. все шестеро были приговорены тройкой УНКВД по Западно-Сибирскому краю к высшей мере наказания и расстреляны 21 сентября [Жданова, 2007: 67, 68].

Репрессии коснулись священнослужителей бурханизма и шаманизма. Так, используя данные республиканского архива и архива УФСБ России по РА, а также свои полевые материалы, Н. В. Екеев приводит сведения о 14 священнослужителях бурханизма из четырех районов области, мест главного сосредоточения ярлыкчиларов: Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, Шебалинского, указывая дату и место рождения (проживания), дату репрессии и последующей реабилитации [Екеев, 2007: 44–47; Бурханизм, 2004: 45–49]. Многие ярлыкчи отказывались от проповедничества официально, через средства массовой информации. Так поступил Ч. Марков и А. Мылтин (Кызыл Ойрот, 1928).

В конце 1931 г. считались верными проповедниками бурханизма Д. Чачаев, С. Баташев, Б. Самаров, Т. Играшев, Чанчу-Чуу, А. Аксеркин, К. Бадаков, Т. Кастин, Д. Чемдаков, Б. Мамаев, К. Паданов, С. Тельшенов и др.

В период коллективизации многие ярлыкчи подверглись политическим репрессиям: лишению права голоса, конфискации имущества, ссылке, тюремному заключению и расстрелу, а в дальнейшем некоторые из них привлекались в основном по статье 58 УК РСФСР («антисоветская пропаганда», контрреволюционная деятельность», «агенты японской разведки»). Т. Какпаков, П. Кергилов, К. Сахаров, С. Бабыков реабилитированы в 1999–2000 гг.

На основании протоколов заседания Особой тройки ПП ОГПУ по Запсибкраю за 1936 г. за совершенные противоправные действия вместе с семьями, были выслааны в Казахстан К. Сахаров, К. Кеченев, С. Кузюньтин, К. Елкихинов, Б. Мандаев, Т. Казакпаев.

Т. Каспин и А. Кестелев в 1937 г. были приговорены к расстрелу. Кроме того, в архиве имеются сведения об осужденных в 1930-е гг. Ойротским областным судом, бывших ярлыкчи: Иду Нокор (Тоду Кокор), Чончу Чуу. В отношении вышеуказанных лиц вопрос о реабилитации не решался из-за отсутствия обращения родственников.

Материалами о репрессированных камах (шаманах) поделилась Р. М. Еркинова. Так, в начале 1930-х гг. был арестован кам С. Туянин из Куйума. По материалам областного ОГПУ, он как «кулак, кам в течение 1929 г. вел систематическую агитацию против мероприятий советской власти в деревне. Использовал для агитации камлание (сборища для моления), уличные беседы». На основании вышеизложенного 14 марта 1930 г. он был расстрелян, имущество конфисковано. В 1933 г. его сын Санат сослан в ИТЛ сроком на пять лет.

Так же, как и представители других конфессий, через газеты «Ойротский край», «Кызыл Ойрот» камы отказывались от шаманизма и сдавали предметы культа, в том чис-

ле в сельсоветы. В 1928–1930 гг. в музей (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина) поступили бубны, мандяки, шапки и другая шаманская ритуальная атрибутика Т. Т. Штанаковой из урочища Кара-Турук, Б. Б. Туйменекоевой из урочища Чичке, Ш. К. Манышева из урочища Чичке, Ч. М. Манышева из урочища Уйтушкен, О. Мандаева, уроженца с. Боротал Чибитского сельсовета, А. Рыспаевой из урочища Ак-Айры, П. Кожиковой из урочища Кара-Турук, Ч. Штанакова из Чибита, П. Бокашева из Успенского аймака, К. Ярасеева из Кебезенского сельсовета, Б. Чачибаева и С. Иртаевой, С. Суразакова из Сайдысского сельсовета, кама Бокашева из Усть-Коксинского аймака и др.

Из них Т. Т. Штанакова, Ч. М. Манышев, Ш. К. Манышев были арестованы и осуждены в 1937 г., приговорены по ст. 58–7–11 к высшей мере наказания — расстрелу, Б. Б. Туйменекоева — к лишению свободы на пять лет [Еркинова, 2007: 48, 49]. В этом же году (14 октября 1937 г.) как служитель культа (кам) был расстрелян А. Телесов, проживающий в с. Тюнгур Усть-Коксинского района [Книга памяти, 1998: 178].

По сфабрикованному делу № 14983 (о контрреволюционном восстании в Кош-Агаче 8 марта 1930 г.) были осуждены к трем годам заключения в ИТЛ два кама, уроженцы урочища Кокоря Кош-Агачского аймака М. Илюшев и Т. Яйтанов [ГАСПД РА. Ф. Р — 37. Оп. 1. Д. 1310. Т. 2. Л. 4, 338, 506; Д. 1309. Т. 1. Л. 507]. Надо отметить, что по этому делу проходило 54 человека. Постановлением тройки ПП ОГПУ ЗСК от 7 июля 1931 г. приговорены к расстрелу 27 человек и столько же к различным срокам ИТЛ (от трех до 10 лет). Постановлением Президиума Алтайского крайисполкома от 31 декабря 1958 г. все они были реабилитированы [ГАСПД РА. Ф. Р — 37. Оп. 1. Д. 1310. Т. 2. Л. 335–338, 341–345].

В их числе пять мусульманских священников (имам С. Урманбетов, муллы Б. Смагулов, М. Турдубаев, К. Джертпасов, Б. Тортоулов) были приговорены к расстрелу, а мулла А. Эдрышев осужден на пять лет ИТЛ. Вместе с ним были осуждены трое сыновей муллы: Я. Керейбаев, Т. Мустафанов, М. Мустафанов [ГАСПД РА Ф Р — 37. Оп. 1. Д. 1309. Т. 1. Л. 503, 506, 681; Д. 1310. Т. 2. Л. 320, 335].

Следует отметить, что данные о репрессированных служителях мусульманского вероисповедания в области практически отсутствуют. Так, в личном архиве А. Д. Кобдобаева (до 2009 г. главный имам местной религиозной организации мусульман) находятся сведения на репрессированных мусульман из трех районов: Кош-Агачского, Усть-Канского, Усть-Коксинского, получившие разные виды наказания. К высшей мере наказания были приговорены З. Халелов, З. Жадыранов, осуждены на срок от 5 до 10 лет К. Сакабанов, Б. Сатканбаев, М. Байгунаков и др. [Личный архив А. Д. Кобдобаева; Книга памяти, 1996: 87, 171, 78, 79, 59].

Согласно «Книге памяти жертв политических репрессий РА» политическим репрессиям подверглось 68 служителей религиозного культа. Наибольшее число репрессированных пришлось на Кош-Агачский (15 чел.), Майминский (12 чел.), Турочакский (8 чел.), Усть-Коксинский (7 чел.) районы [Книга памяти, 2003: 243].

Репрессии проводились путем завышения налогов, запрещения хозяйственной деятельности, введения различных сборов, казенных и местных платежей, ограничения содержания скота и имущества. К политическим репрессиям относились лишение активных и пассивных избирательных прав священнослужителей, участия в общественной жизни села (собраниях, митингах), отказ в приеме на работу не только их, но и членов семей, близких родственников. Формами репрессий против духовенства были аре-

сты, ссылка, тюремное заключение, расстрелы. Все эти виды репрессий применялись и в Горном Алтае по отношению к духовенству и к представителям других конфессий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арляпова В. Рождественские чтения // Сельчанка. 2016. 18 ноября. С. 3.
- Балакин Г. О состоянии православной церкви в Горном Алтае // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2005. С. 47–51.
- Бурханистское духовенство: от репрессии к реабилитации // Бурханизм — Ак-Жан: документы и материалы. Горно-Алтайск, 2004. С. 45–49.
- Бухтуева Л. В. «Счастлив тот, кто ... оставил потомкам чекан души своей» (по документам архивной коллекции документов «Из рода Атамановых») // История Горного Алтая по документальным источникам. Горно-Алтайск, 2016. С. 11–14.
- Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. Р — 37. Оп. 1.
- Жданова Г. Д. «Большой террор» в Алтайском крае и Усть-Коксинском районе // Усть-Коксинские чтения. Барнаул, 2007. С. 63–68.
- Екеев Н. В. Репрессированные священнослужители бурханизма // Возвращенные имена и события. Горно-Алтайск, 2007. С. 44–47.
- Еркинова Р. М. Музейная память о годах репрессий // Возвращенные имена и события. Горно-Алтайск, 2007. С. 47–55.
- Как убивали храмы. По материалам книги протоиерея Г. Крейдун «Храмы Горно-Алтайска и его окрестностей», кандидатской диссертации к.и.н. Н. В. Расовой, архивных материалов ГАС РА // Звезда Алтая. 2014. 27 мая. С. 4.
- Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. I. Горно-Алтайск, 1996. 285 с.
- Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. II. Горно-Алтайск, 1998. 336 с.
- Книга памяти жертв политических репрессий Республики Алтай. Т. III. Горно-Алтайск, 2003. 246 с.
- Крейдун Г. Алтайская духовная миссия в 1919–1930 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 200 с.
- Крейдун Ю. А. Храмы Горно-Алтайска и его предместий в XX — начале XXI в. Барнаул, 2010. 202 с.
- Крейдун Ю. А. Миссионерское храмоздательство на Алтае: Воссоздание облика утраченных храмов XIX — начала XX в. Барнаул, 2013. 262 с.
- Крейдун Ю. А., Орехов А. С. История закрытия православных приходов Горно-Алтайская в середине XX в. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2009. С. 10–19.
- Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Новосибирск, 2000. 141 с.
- Кызыл Ойрот. 1928. № 32 (276).
- Личный архив Л. П. Клепикова, с. Дубровка Майминского района Республики Алтай.
- Личный архив А. Д. Кобдобаева, Горно-Алтайск Республики Алтай.
- Мальцева Т. Г. Сведения по истории заселения и освоения Усть-Коксинского района (по документам Центра хранения архивного фонда Алтайского края) // Усть-Коксинские чтения. Барнаул, 2007. С. 18–21.
- Мизин С. Классовый враг под маской религии // Красная Ойротия. 1937. 15 апреля. С. 4.

Око государево. Горно-Алтайск, 2001. 160 с.

Олещук Ф. Что такое поповская Пасха? // Красная Ойротия. 1937а. 27 апреля. С. 3.

Олещук Ф. Социалистическое строительство и религия // Красная Ойротия. 1937б. 3 июня. С. 3.

Память народа. 70 лет Горно-Алтайской автономной области. Документы и материалы по социально-экономическому и культурному развитию. Горно-Алтайск, 1993. 607 с.

Поклонов В. В. Разгром контрреволюционной повстанческой церковно-монархической организации органами ОГПУ в 1933 г. На материалах уголовного дела № 15 «О репрессиях против православных священнослужителей и верующих на Алтае» // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2016. С. 98–100.

Храмы Уралы. По материалам книги протоиерея Г. Крейдуна «Храмы Горно-Алтайска и его окрестностей», кандидатской диссертации к. и.н. Н. В. Расовой, документам Комитета по делам архивов РА // Звезда Алтая. 2014. 20 мая. С. 4.

Шитова Н. И. Рукописи старообрядца Т. Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII–XXI вв.). Горно-Алтайск, 2013. 360 с.

REFERENCES

Arliapova V. Rozhdestvenskie chteniia [Christmas readings]. *Sel'chanka* [Villager]. 2016. 18 noiabria. S. 3 (in Russian).

Balakin G. O sostoianii pravoslavnoi tserkvi v Gornom Altae [Status of the Orthodox Church in the Altai mountains]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaiisk, 2005. S. 47–51 (in Russian).

Burkhanistskoe dukhovenstvo: ot repressii k reabilitatsii [Burkhanitskii clergy: from repression to rehabilitation]. *Burkhanizm — Ak-Jan: dokumenty i materialy*. Gorno-Altaiisk, 2004. S. 45–49 (in Russian).

Bukhtueva L. V. "Schastliv tot, kto ... ostavil potomkam chekan dushi svoei (po dokumentam arkhivnoi kollektzii dokumentov "Iz roda Atamanovykh'") [Happy is he who ... left to posterity the coinage of his soul (according to the documents of the archive collection of documents "Of the kind Atamanovich"). *Istoriia Gornogo Altaia po dokumental'nym istochnikam* [History of the Altai Mountains by documentary sources]. Gorno-Altaiisk, 2016. S. 11–14 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of socio-legal documentation of the Republic of Altai]. Fund. P — 1. Inventory. 1. File. 292. fol. 3, 6, 7 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of socio-legal documentation of the Republic of Altai]. Fund 37. Inventory R. 37. File. 539 — PF. fol. 158–167, 260–262 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of socio-legal documentation of the Republic of Altai]. Fund 37. Inventory 1. File. 1309. T. 1. fol. 503, 506, 507, 681 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of socio-legal documentation of the Republic of Altai]. Fund 37. Inventory 1. File. 1310. T. 2. fol. 4, 320, 335–338, 341–345, 506 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai [State archive of socio-legal documentation of the Republic of Altai]. Fund 117. Inventory 1. File 1310. fol. 1, 31 (in Russian).

Zhdanova G. D. “Bol’shoi terror” v Altaiskom krae i Ust’ — Koksinskom raione [“The great terror” in the Altai Krai and Ust-Koksinsky district]. *Ust’ — Koksinskie chteniia* [Ust-Koxsin reading]. 2007. S. 63–68 (in Russian).

Ekeev N. V. Repressirovannye sviashchennosluzhiteli burkhanizma [The repressed clergymen of burkhanism]. *Vozvrashchennye imena i sobytiia* [Returned names and events]. Gorno-Altai, 2007. S. 44–47 (in Russian).

Erkinova R. M. Muzeinaia pamiat» o godakh repressii [Museum memory of years of repression]. *Vozvrashchennye imena i sobytiia* [Returned names and events]. Gorno-Altai, 2007. S. 47–55 (in Russian).

Kak ubivali khramy [How to kill the temples]. Po materialam knigi protoiereia G. Kreiduna “Khramy Gorno-Altai i ego okrestnostei”, kandidatskoi dissertatsii k. i.n. N. V. Rasovoi, arkhivnykh materialov GAS RA. *Zvezda Altaia* [Star of the Altai]. 2014. 27 maia. S. 4. (in Russian).

Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii Respubliki Altai [The book of memory of victims of political repressions of the Republic of Altai]. T. I. Gorno-Altai, 1996. 285 s. (in Russian).

Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii Respubliki Altai [The book of memory of victims of political repressions of the Republic of Altai]. T. II. Gorno-Altai, 1998. 336 s. (in Russian).

Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii Respubliki Altai [The book of memory of victims of political repressions of the Republic of Altai]. T. III. Gorno-Altai, 2003. 246 s. (in Russian).

Kreidun G. *Altaiskaia dukhovnaia missiia v 1919–1930 gg.: struktura i deiatel’nost’* [Altai spiritual mission in the years 1919–1930: structure and activities]. Moscow, 2008. 200 s. (in Russian).

Kreidun Iu. A. *Khramy Gorno-Altai i ego predmestii v XX — nachale XXI v.* [Temples of Gorno-Altai and its suburbs in the XX — beginning of XXI century]. Barnaul, 2010. 202 s. (in Russian).

Kreidun Iu. A. *Missionerskoe khramozdatel’stvo na Altae: Vossozhdanie oblika utrachennykh khramov XIX — nachala XX v.* [Hramostroitelstva missionary in the Altai: the reconstruction of the appearance of the lost temples of the XIX — beginning of XX century]. Barnaul, 2013. 262 s. (in Russian).

Kreidun Iu. A., Orekhov A. S. *Istoriia zakrytiia pravoslavnykh prikhodov Gorno-Altai v seredine XX v.* [The story of the closing of the Orthodox parishes in Gorno-Altai in the middle of the XX century]. *Makar’evskie chteniia* [Makaryev’s readings]. Gorno-Altai, 2009. S. 10–19 (in Russian).

Kuchuganova R. P. *Uimonskie starovery* [Uymon old believers]. Novosibirsk, 2000. 141 p. (in Russian).

Lichnyi arkhiv Klepikova L. P. [Personal archive of Klepikova L. P.], Dubrovka Maiminskogo raiona Respubliki Altai.

Lichnyi arkhiv Kobdobaeva A. D. [Personal archive Kobdobaeva A. D.], g. Gorno-Altai Respubliki Altai.

Mal’tseva T. G. *Svedeniia po istorii zaseleniia i osvoeniia Ust’ — Koksinskogo raiona (po dokumentam Tsentra khraneniia arkhivnogo fonda Altaiskogo kraia)* [Information on the history of settlement and development of Ust-Koksa district (documentation Center for storage of archival collection of Altai Krai)]. *Ust’ — Koksinskie chteniia* [Ust-Koxsin reading]. Barnaul, 2007. S. 18–21 (in Russian).

Mizin S. Klassovyi vrag pod maskoi religii [Class enemy under the mask of religion]. *Krasnaia Oirotiia* [Red Oirotiia]. 1937. 15 apreliia. S. 4 (in Russian).

Oko gosudarevo [The eye of the sovereign]. Gorno-Altaiisk, 2001. 160 s. (in Russian).

Oleshchuk F. Chto takoe popovskaia Paskha? [What is the Pope's Easter?]. *Krasnaia Oirotiia* [Red Oirotiia]. 1937a. 27 apreliia. S. 3 (in Russian).

Oleshchuk F. Sotsialisticheskoe stroitel'stvo i religiia [Socialist construction and religion]. *Krasnaia Oirotiia* [Red Oirotiia]. 1937b. 3 iunია. S. 3. (in Russian).

Pamiat' naroda [memory of people]. 70 let Gorno-Altaiiskoi avtonomnoi oblasti. Dokumenty i materialy po sotsial'no-ekonomicheskomu i kul'turnomu razvitiuu. Gorno-Altaiisk, 607 s. (in Russian).

Poklonov V. V. Razgrom kontrrevoliutsionnoi povstancheskoi tserkovno-monarkhicheskoi organizatsii organami OGPU v 1933 g. Na materialakh ugolovnogo dela № 15 "O repressiiakh protiv pravoslavnykh sviashchennosluzhitelei i veruiushchikh na Altae" [The defeat of the insurgent counter-revolutionary Church-monarchist organization OGPU in 1933 On the materials of the criminal case № 15 "About the persecution against Orthodox clergy and believers in the Altai"]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaiisk, 2016. S. 98–100 (in Russian).

Khramy Ulaly [Temples Of Ulala]. Po materialam knigi protoiereia G. Kreiduna "Khramy Gorno-Altaiiska i ego okrestnostei", kandidatskoi dissertatsii k. i.n. N. V. Rasovoi, dokumentam Komiteta po delam arkhivov RA. *Zvezda Altaia* [Star of the Altai]. 2014. 20 maia. S. 4 (in Russian).

Shitova N. I. *Rukopisi staroobriadtsa T. F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobriadtsev Uimona (XVIII–XXI vv.)* [The manuscript of the believer T. F. Bochkareva in the context of the history and culture of old believers of the Uymon (XVIII–XXI centuries)]. Gorno-Altaiisk, 2013. 360 s. (in Russian).

УДК 94 (47)

В. И. Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург (Россия)

ПОВОРОТ В СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В СЕРЕДИНЕ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.⁵

Целью статьи является изучение динамики советской национальной политики в середине — второй половине 1930-х гг. В этот период происходит постепенное сворачивание политики так называемой коренизации, проводившейся в 1920-е гг. Отчасти это было обусловлено временным и конъюнктурным характером этой полити-

⁵ Работа выполнена в рамках проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этно-конфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование», при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00119.

ки, поскольку она не отвечала общей стратегии национальной политики советской власти. На протяжении 1930-х гг. совершался переход к централизаторскому, интегрирующему курсу внутригосударственной политики. Он проявился, помимо отказа от коренизации, в конструировании новой общегосударственной идентичности и фактическому признанию роли русского этноса и русского языка как основных факторов внутреннего сплочения. При этом едва ли правомерно соглашаться с утверждениями о возрождении в СССР в середине — второй половине 1930-х гг. русского национализма.

Деление населявших советскую страну народов на привилегированные, имевшие собственные территориально-административные образования в форме союзных или автономных республик, и на фактических изгоев, лишенных не только территориальной автономии, но и каких-либо возможностей для ведения культурно-языковой деятельности, стало одной из предпосылок кризиса национальных отношений в последние годы существования Советского Союза.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, национализм, национальные преследования, депортации.

V. I. Musaev

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science, St. Petersburg (Russia)

THE TURN OF THE SOVIET NATIONAL POLICY IN THE MIDDLE — SECOND HALF OF THE 1930s

The article deals with study of the dynamics of Soviet national policy in the middle — second half of the 1930s. During this period a gradual curtailment of the policy of the so-called indigenization, held in the 1920s, was on. This was partly due to the temporary and opportunistic nature of this policy, since it did not meet the general strategy of the national policy of the Soviet government. During the 1930s transition towards centralization, integrating course of domestic policy was happening. It manifested itself, besides abandonment of indigenization policy, in the construction of a new national identity and the actual recognition of the role of the Russian ethnos and the Russian language as the main factors of internal cohesion. At the same time, it is hardly proper to agree with the statements about revival of the Russian nationalism in the USSR in the middle — second half of the 1930s.

Distribution of the peoples, which dwelt in the Soviet Union, into privileged ones, which had their own territorial and administrative units in the form of union or autonomous republics, and the actual pariahs, deprived not only of territorial autonomy, but also of any opportunities for conducting cultural and linguistic activities, has become one of the prerequisites for a crisis national relations in the last years of existence of the Soviet Union.

Key words: national policy, indigenization, nationalism, national persecutions, deportations.

Советская национальная политика в 1920-е гг. была основана на принципах так называемой коренизации. Эти принципы были разработаны на XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г. Программа коренизации, инициированная съездом, предусматривала использование национальных языков при осуществлении местного управления; обязательное изучение местного языка ответственными работниками; выдвижение национальных кадров на руководящие должности; организацию национальных советов, открытие национальных школ; создание алфавитов для языков, не имевших прежде собственной письменности. Проведение такой политики, как предполагалось, было вызвано потребностями борьбы против великорусского шовинизма, под знаменем которого выступали противники советского строя. Ставилась цель продемонстрировать преимущества советского социалистического строя, при котором уважаются и обеспечиваются права всех, больших и малых, национальностей.

Уже в начале 1930-х гг. стали проявляться первые признаки ревизии прежних принципов советской национальной политики. Формального отказа от политики коренизации на этой стадии еще не последовало, хотя уже тогда стало ясно, что эта политика не достигает всех тех целей, которые ставились при её проведении. Задача создания национальных кадров в сфере управления, формирования национальной технической и гуманитарной интеллигенции достигалась далеко не всегда и не везде. В ряде случаев имело место не сглаживание, а напротив, обострение межнациональной напряженности, возникали конфликты на этнической почве. Известный петербургский историк Б. А. Старков замечает: «Уже во второй половине 20-х гг. идеологические приоритеты и политика правящей верхушки большевистской партии столкнулись с разными интересами народов. Так или иначе, власть партии могла утвердиться только в определенных рамках. Можно утверждать, что в сложившейся ситуации партийное единство требовало «единства» государственного, и партийные органы во многом стремились искусственно форсировать данный процесс, опираясь прежде всего на методы административного нажима» [Старков, 1998: 86].

Для рубежа десятилетий и последующих нескольких лет характерной была противоречивость национальной политики. С одной стороны, все принципы коренизации оставались в силе. Национальные сельсоветы, образовательные и общественно-культурные учреждения не только функционировали по-прежнему, но и продолжали численно увеличиваться, развиваться и организационно укрепляться. И. В. Сталин, выступая на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г., подчеркивал важность продолжения политики коренизации. Основной опасностью, по его мнению, оставался великорусский шовинизм — уклон, который отражал стремление уходящих с политической арены классов вернуть себе свои былые привилегии. С другой стороны, в ходе эксцессов коллективизации и раскулачивания представители некоторых национальных групп в процентном отношении пострадали больше других. Репрессии в некоторых случаях могли выглядеть как национальные, хотя фактически репрессивные мероприятия, направленные против определенных национальных групп, начались лишь с середины 1930-х гг.

В начале 1930 г. вышел ряд постановлений высших партийных и правительственных органов, в которых содержались указания по проведению программы коллективизации. 5 января ЦК ВКП(б) принял Постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государственному колхозному строительству», декларировавшее переход «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса» [Трагедия советской деревни. Т. 2, 2000: 85]. 30 января

было опубликовано постановление ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором предлагалось провести конфискацию у кулацких хозяйств средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов [Данилов, 1990: 23]. 1 февраля вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», второй пункт которого гласил: «Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)» [Собрание законов рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. 1930. № 9: 105].

В ходе осуществления коллективизации и проведения политики «ликвидации кулачества как класса» впервые применялась практика массовых принудительных переселений больших групп населения. В 1930–1931 гг. по стране шли высылки «кулаков» в отдаленные районы Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. 18 марта 1930 г. было принято постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», в котором предписывалось «признать необходимым при проведении спецколониализации максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах», а «в сельском хозяйстве использовать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила не может быть использована на лесоразработках и промыслах» [ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 1. Л. 1]. Всего, с учетом внутрикраевых переселений, по данным отдела спецпереселений Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выслено 388 336 семей, или 1 803 382 человек [Земсков, 1994: 73]. Надо также иметь в виду, что принудительные переселения использовались в экономических целях: как альтернатива добровольного планового переселения для хозяйственного освоения ряда регионов страны — Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока — политики, которую пытались проводить начиная с 1924 г., однако по существу она провалилась.

Депортации периода коллективизации не имели национального характера. Зачисление в «кулаки», со всеми вытекающими из этого фатальными последствиями, проводилось согласно социальным, точнее, имущественным критериям. Депортациям подвергались представители всех национальностей, в абсолютных цифрах наибольшие потери понесли, безусловно, русские. Однако в процентном отношении сильнее пострадали представители некоторых меньшинств, прежде всего так называемых западных, в частности, финского, эстонского, латышского, немецкого. Среди сельского населения этих меньшинств прослойка зажиточных хозяев была более значительной, чем в среднем по стране, бедняков же было сравнительно немного. Высылки ингерманландских «кулаков» из Ленинградской области в Финляндию были даже восприняты как целенаправленные притеснения финнов-ингерманландцев и вызвали в 1930–1931 гг. первый в межвоенный период серьезный дипломатический кризис в отношениях между Финляндией и СССР [Мусаев, 1994: 241–246]. Также среди отправленных в «кулацкую ссылку» жителей Белоруссии и Украины доля поляков была непропорционально высока, и отдельные «антикулацкие» акции имели явно антипольский характер [Martin, 1998: 837–840].

Впечатление национальных гонений могли создать и новые черты в религиозной, или, вернее, в антирелигиозной политике партийно-государственного руководства. «Культурная революция», провозглашенная на рубеже десятилетий одновременно с коллективизацией, знаменовала собой новое наступление на религию и церковь. Если антирелигиозная политика первых лет советской власти была главным образом антиправославной, то на этот раз удар был направлен против всех конфессий. Ставилась цель добиться окончательного преодоления «религиозных пережитков» и полного торжества атеизма. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. законодательно закрепляло вытеснение религиозных организаций из всех сфер общественной жизни и вводило жесткие ограничения на их деятельность. В решениях Второго съезда Союза воинствующих безбожников, состоявшегося в июне 1929 г., говорилось о необходимости добиться окончательного перелома в борьбе «с последним оплотом реакции, препятствующим строительству социализма» [Лиценбергер, 1999: 242]. Правительственная пропаганда утверждала, в частности, что выступления «кулаков» из числа национальных меньшинств Ленобласти против колхозов инспирированы пасторами, за которыми стоят определенные силы в Финляндии, Эстонии и Латвии [Брандт, 1931: 99, 110]. В результате в начале 1930-х гг. по стране прокатилась волна закрытий протестантских, католических церквей и приходов, храмов нехристианских конфессий, арестов и высылки священнослужителей и активных верующих. Последователями же этих конфессий были преимущественно представители национальных меньшинств и диаспор. Можно привести, в частности, такие примеры: в Ленинградской области в 1930–1932 гг. были закрыты восемь финских лютеранских церквей, эстонская церковь св. Иоанна в Ленинграде. Была предпринята первая попытка закрыть финскую церковь св. Марии в Ленинграде, но тогда еще это не было осуществлено [Мусаев, 2004: 235–237]. Были возобновлены и гонения католической церкви (впервые имевшие место в середине 1920-х гг.): ещё осенью 1929 г. были арестованы три католических священника, закрыта церковь Успения Пресвятой Девы Марии в Ленинграде [История римско-католической церкви..., 2000: 570]. В Дагестане с конца 1928 по 1933 г., по официальным данным, было репрессировано 1212 представителей мусульманского духовенства [Доного, 2005: 280].

Важной вехой в процессе пересмотра национальной политики в СССР явились решения Политбюро ЦК ВКП(б), приняты в декабре 1932 г. Заседание Политбюро 14 декабря было посвящено кризису хлебозаготовок. В принятом по итогам заседания постановлении причины кризиса были сформулированы с точки зрения национального фактора. Применительно к Украине это была первая критическая оценка украинизации в той форме, в которой она до того момента осуществлялась: «ЦК и Совнарком отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазным националистическим элементам... создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций» [Martin, 2001: 354]. Второе постановление Политбюро от 15 декабря официально отменило украинизацию на всей территории РСФСР, где она раньше проводилась в районах со значительным количеством украинского населения. Видный американский исследователь истории национальной политики в СССР Т. Мартин считал, что эти по-

становления обозначили «решающий поворот в эволюции советской национальной политики» [Martin, 2001: 356].

Общий пересмотр национальной политики, начало которого Т. Мартин относит к 1933 г., отказ от многих элементов коренизации, реабилитация русской культуры и «русификация» РСФСР сопровождалась усилением недоверия со стороны властных структур по отношению к ряду национальных меньшинств, прежде всего к представителям «титовых» национальностей иностранных государств, чьи заграничные связи вызывали подозрение, особенно в условиях усиления международной напряженности и обострения отношений Советского Союза с рядом иностранных государств. Власти не могли не принимать во внимание и тот факт, что коллективизация вызывала особенно упорное сопротивление именно в нерусских районах [Martin, 2001: 271]. Коренизация всё меньше отвечала тенденции к усилению централизации государственной власти, наметившейся в 1930-е гг. К тому же у властей стало возникать опасение, что продолжение этой политики может привести к росту местного национализма и сепаратизма. И. В. Сталин в отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) 24 января 1934 г. развивал мысли о том, что местный национализм не менее опасен, чем великодержавный русский шовинизм. В частности, он говорил: «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме <...> Уклон к национализму отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать Советский строй и восстановить капитализм» [Сталин, 1951: 361]. При этом особо был упомянут украинский национализм: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью» [Сталин, 1951: 362].

Практическое выражение этого поворота проявилось в первых депортациях по национальному признаку, начавшихся в середине 1930-х гг. Эти депортации проводились преимущественно под флагом очищения пограничных районов от «ненадежных» или «нежелательных» элементов. Собственно, первые постановления о переселении социально опасного элемента на западной границе СССР, из пограничных районов УССР и БССР были приняты в конце 1929 г. республиканскими совнаркомом [Полян, 2001: 61–62]. Однако эти первые «зачистки» имели ограниченные масштабы и не носили столь ярко выраженного, как позднее, национального характера.

Начиная с весны 1935 г. началась кампания по массовым депортациям из ряда пограничных территорий. В конце февраля — начале марта такая операция была проведена на Украине: из Киевской и Винницкой областей, в то время пограничных, переселили 41 650 человек, или 8329 семей, при этом около 60% переселенных составляли поляки и немцы. Осенью того же года были дополнительно высланы около 1500 семей (почти сплошь поляки) [Martin, 1998: 848–849]. С января 1936 г. руководство НКВД Украины и Казахстана обсуждало вопрос о выселении еще 15 тысяч польских и немецких хозяйств (около 45 тысяч человек) из приграничной зоны Украины (800-метровой полосы вдоль границы с Польшей, где тогда началось строительство полигонов и укрепрайонов) в Казахстан. В итоге были переселены 14 048 семей (в два приема — в июне и сентябре 1936 г.) и заложены 37 новых поселков [Полян, 2001: 88–90].

Также весной 1935 г. началась операция по «очищению» пограничной зоны Ленинградской области «от кулаков и антисоветских элементов». Эта операция проводилась

на основе секретного указания наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды от 25 марта 1935 г., за которым последовали соответствующие местные акты: приказ управления НКВД по Ленинградской области от 28 марта и постановление бюро Ленинградского обкома партии от 31 марта. Мотивы проведения этой акции были весьма разнообразны, они были связаны как с политическими, так и с военными соображениями. Из текстов вышеназванных документов не следовало, что «очищение» погранзоны должно было проводиться именно по национальному признаку, речь в них шла об «антисоветских элементах». Однако фактически операция свелась к выселению из приграничных районов Ленобласти этнических финнов и эстонцев. В общей сложности, к концу 1936 г. переселению подверглись до 27 тысяч человек [Мусаев, 2004: 257–260].

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 г. на границах СССР вводились специальные защитные полосы, или пограничные зоны. Для их организации из пограничных районов Армении и Азербайджана в 1937 г. было выселено 1325 курдов, часть которых была поселена в Киргизии, другая — в Казахстане [Бугай, Гонов, 1998: 104]. Подобные «зачистки» пограничных полос в этих же республиках, а также в Грузии, Туркмении, Узбекистане и Таджикистане проводились и в 1938 г. [Полян, 2001: 93].

Наиболее же массовый характер имела депортация с Дальнего Востока этнических корейцев, осуществленная в 1937 г. Корейцы стали первым этносом в СССР, подвергнутым тотальной депортации. Согласно переписи населения СССР 1926 г., в Дальневосточном крае проживали 169 тысяч корейцев, 77 тысяч китайцев и около тысячи японцев. Относительно низкая обеспеченность корейцев сельхозугодиями, по сравнению с русскими, ставила их в объективно конфликтные отношения с последними, что, несомненно, сыграло свою роль в неосуществившихся планах первоначальной депортации корейцев на север, за 48.5 параллель. Однако основным фактором стали подозрения и обвинения в шпионаже (в частности, в номере «Правды» от 23 апреля 1937 г. были представлены разоблачения японского шпионажа на Дальнем Востоке). Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 «О выселении корейского населения пограничных районов ДВК» предусматривало завершение всей операции к 1 января 1938 г. Отправка шла преимущественно в Казахстан и Узбекистан. Одновременно все японские подданные, в том числе корейцы по национальности, высылались в Японию. План по переселению был выполнен досрочно: уже к 25 октября 1937 г. 124 эшелонами были высланы 36 442 корейских хозяйства, или 171 781 человек. «Под раздачу» попали также около 7000 китайцев и около тысячи харбинских репатриантов [Сим Енг Хон, 1999: 381].

Общее количество депортированных в 1933–1937 гг. можно оценить примерно в 260 тысяч человек. Подавляющее большинство из них составили высланные в результате депортаций типа «пограничных зачисток», около двух третей пришлось на операцию по выселению корейцев [Полян, 2001: 93–94].

Поворот в советской национальной политике, начавшийся в середине 1930-х гг., имел своим логическим завершением полную ликвидацию, до конца десятилетия, всех элементов культурной автономии, которые были введены в период проведения политики коренизации. При этом всё большее значение приобретали обстоятельства внешне-политического характера. По мере того, как продолжалось обострение международной ситуации, отношения Советского Союза с некоторыми европейскими государствами, прежде всего с соседними, становились все более напряженными, усиливалась подозрительность по отношению к представителям меньшинств и их общественно-культурной деятельности. Активные деятели из числа меньшинств, в первую очередь «за-

падных», соответствующие общественные и культурные институты первыми подпадали под подозрение в буржуазном национализме и в связях с иностранными разведками. Масла в огонь подливали подчас и сами эти деятели, которые, не сойдясь во взглядах или в ходе борьбы за лидерство в своих партиях, начинали состязаться во взаимных обвинениях, не останавливаясь перед доносами друг на друга.

15 июня 1938 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов». В соответствии с ним во всех субъектах Федерации, не входивших в состав территориальных автономных образований, были ликвидированы национальные районы и советы. К примеру, в Ленинградской области до весны 1939 г. были ликвидированы все 125 национальных сельсоветов: 59 из них были слиты с русскими сельсоветами, остальные оставили в прежних границах, но всё делопроизводство перевели на русский язык, хотя в 43-х из них русское население составляло меньше 40% жителей. Были упразднены или преобразованы в обычные сельсоветы 65 финских, 17 эстонских, 15 вепских, восемь ижорских, четыре карельских, три латышских и два немецких сельсовета. Токсовский (Куйвозовский) национальный район, утративший свой финский характер в результате депортаций 1935–1936 гг., был ликвидирован, его сельсоветы были переведены в Парголовский район [РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 324. Л. 61, 95]. Был ликвидирован и вепский Винницкий район на востоке области.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г. в национальных школах, работавших ранее в неавтономных территориальных образованиях, обучение было переведено на русский язык. Выполнялось постановление немедленно, нигде не стали дожидаться хотя бы окончания учебного года. Уровень владения русским языком учениками и вопрос о том, смогут ли они мгновенно перестроиться на обучение на неродном языке, по всей видимости, едва ли кого-либо беспокоили. Был прекращен недолгий эксперимент с письменностью для некоторых малых этносов. Если, к примеру, говорить о российском Северо-Западе и Севере, где преподавание родного языка в школах ижорских, вепских и саамских селений было запрещено, из них были изъяты учебники родных языков, которые успели напечатать несколькими годами ранее. Реорганизация школ означала не только перевод преподавания на русский язык, но и исключение из программы обучения родного языка и литературы, краеведения с элементами этнографии и истории своего народа. Это не могло не привести к ускорению ассимиляции национальных меньшинств, лишенных, таким образом, одного из основных механизмов поддержания своей национальной идентичности.

В 1937–1938 гг. во всех неавтономных образованиях были прекращены выпуск периодической и непериодической печати на языках национальных меньшинств, деятельность национальных домов просвещения, обществ и театров, радиовещание на языках меньшинств. К примеру, в Ленинграде окончательное решение о ликвидации национальных домов просвещения было принято бюро горкома 4 октября 1937 г. при обсуждении вопроса «О политической и культурно-просветительской работе среди трудящихся нацменьшинств» [Смирнова, 2002: 338]. Разгон национальных учебных и культурных учреждений нередко сопровождался репрессиями в отношении их сотрудников: директоров и работников школ, театров, домов просвещения, редакторов газет и журналов, по ставшим стандартными обвинениям в шпионаже и буржуазном национализме.

Массовые аресты 1937–1938 гг., известные как Большой террор, или «ежовщина», затронули представителей всех наций и народностей Советского Союза. Однако некоторые национальности при этом пострадали непропорционально сильно. Например, в Одесской области удельный вес немцев и поляков среди расстрелянных в ходе массовых операций составил соответственно 29,6 и 15,6%, тогда как среди всего населения области немцы составляли 5,6%, а поляки и вовсе 0,7% (для сравнения: доля украинцев и русских среди расстрелянных составила тогда же соответственно 24,2 и 14,4%, при удельном весе этих национальностей среди населения соответственно 58,7 и 16,1%) [Риттерспорн, 1998: 100]. В Карельской ССР из 9536 человек, арестованных и осужденных в период 1 января 1937 г. по 10 августа 1938 г., насчитывалось 2838 русских (29,8%), 2820 карелов (29,6%), 3189 финнов (33,4%). При этом финны, пострадавшие в абсолютных и особенно в относительных цифрах сильнее других, среди всего населения республики составляли всего 2,7% (русские — 63%, карелы — 21,7%) [Килин, 1999: 153].

Во второй половине 1930-х гг. арестам и репрессиям подверглись проживавшие в СССР руководящие деятели иностранных коммунистических партий и эмигранты — члены ВКП(б). В Кремле их теперь уже рассматривали не как авангард будущих пролетарских революций в своих странах, а как потенциальную «пятую колонну». При этом никакие революционные заслуги в прошлом в расчет не принимались. В 1937–1939 гг. за колючей проволокой или у расстрельной стены нередко оказывались многие из тех, кто несколькими годами ранее вёл соплеменников на борьбу с «кулачеством» и «поповщиной», гневно выступал против увлечения «национальным демократизмом» и забвения классовых ценностей. При просмотре многотомного «Ленинградского мартиролога» бросается в глаза непропорционально большое количество расстрелянных немцев, поляков, финнов, эстонцев, латышей.

В этом смысле показателен разгром Финляндской компартии. Уже в марте 1935 г. был снят с должности и арестован генеральный секретарь ФКП К. Маннер (к чему в немалой степени приложил руку его конкурент внутри партии О. В. Куусинен). В ходе последующих кампаний арестов до конца 1938 г. руководящие кадры партии подверглись полному разгрому. До середины 1935 г. финские коммунисты занимали высшие руководящие должности в партийном и государственном руководстве Карельской АССР: Советская Карелия рассматривалась как плацдарм для будущей советизации Финляндии. Ещё с 1933 г. в республике начались чистки, касавшиеся преимущественно финнов. В августе и октябре 1935 г. соответственно были сняты со своих должностей первый секретарь республиканского комитета партии Г. Ровио и председатель Совнаркома республики Э. Пюллинг, которые позднее были арестованы и осуждены, а всё финское руководство КАССР до конца десятилетия подверглось тотальным репрессиям. Финский язык, имевший в автономной Карелии статус государственного, наряду с русским, сначала подвергся «реформированию», когда исконно финские слова заменялись международными, а в конце 1937 г. был объявлен «контрреволюционным языком буржуазных националистов» и запрещен [Uitto, 2013: 222–225, 237–240].

Во второй половине 1930-х гг., после некоторого затишья, было возобновлено наступление против религии и церкви. Его итогом было то, что институты целого ряда конфессий, к которым традиционно относились определенные национальные группы, были ликвидированы полностью. В частности, в 1939 г. на территории СССР не осталось ни одной действующей лютеранской церкви. В Ленинградской области, где число лютеранских приходов и церквей было традиционно много, последние приходы пре-

кратили действовать весной 1939 г. Запрещалась и жестко преследовалась деятельность ряда свободных евангелических общин. Единицами исчислялись оставшиеся не закрытыми католические церкви. Также в незначительном количестве продолжали действовать к концу десятилетия мечети, синагоги, буддийские храмы. Например, мечетей к началу июня 1941 г. в СССР насчитывалось 1312, тогда как до 1917 г. на территории Российской империи их было до 14 тысяч [Логоинов, 2005: 325]. Вновь усиливалась антирелигиозная пропаганда. Атеистические издания стали выпускаться не только на русском, но и на других языках (украинском, грузинском, бурятском, узбекском, после 1940 г. — на языках прибалтийских народов) [Периодическая печать СССР, 1958: 85–87].

То, что репрессии периода Большого террора приобретали всё более явно выраженный национальный характер, и что в ходе «великой чистки» погибли или подверглись другим видам репрессий немало представителей этнических меньшинств, не было случайностью. В процентном отношении сильнее других пострадали представители диаспор, особенно тех стран, с которыми у Советского Союза были напряженные отношения. В обстановке шпиономании «шпионов» искали и находили прежде всего среди представителей таких меньшинств, даже если они имели советское гражданство. Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. остановило: «Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от подданства» (цит. по: Московские новости. 1992. 21 июня). Однако неверно было бы связывать пересмотр национальной политики исключительно с внешними факторами. Устранение автономий национально-культурного характера логически вытекало из всего хода развития советского общества. Финский историк Т. Вихавайнен отмечает: «Окончательно был осуществлен именно тот региональный принцип, который поддерживали и Ленин, и Сталин уже до революции. С точки зрения теории «научного социализма» национальные права типа «культурной автономии» в действительности были лишь временными уступками мелкобуржуазным национальным предрассудкам в досоциалистический период. В эпоху социализма их, конечно же, следовало ликвидировать» [Вихавайнен, 1998: 28].

Знаковым явлением для национальной политики середины — второй половины 1930-х гг. была реабилитация русской культуры и истории и «русскости» в целом. Из научного и публичного дискурса стала исчезать тема «великодержавного шовинизма» (под которым имплицитно подразумевался русский шовинизм), перестала звучать типичная для предыдущего десятилетия характеристика царской России как «тюрьмы народов». В исторической науке осуждению подверглись взгляды М. Н. Покровского и его «школы». Характерными для взглядов М. Н. Покровского и его последователей были изображение старой России как «тюрьмы народов», клеймение самого термина «русская история» как «контрреволюционного», отрицание татарского ига, отказ от признания отечественного характера войны 1812 г. В частности, в статье М. Н. Покровского «Возникновение Московского государства и „великорусская народность“», опубликованной в одном из номеров журнала «Историк-марксист» за 1930 г., содержались следующие пассажи: «уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было „тюрьмой народов“. Великороссия построена на костях „инородцев“... Толь-

ко окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет» [Покровский, 1930: 28].

Теперь же изучение и преподавание отечественной истории стало вестись в патриотическом духе. Здесь следует отметить постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании истории в школах СССР» и замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова от 8–9 августа того же года по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, опубликованные в газете «Правда» 27 января 1936 г. Упор делался на положительных последствиях присоединения тех или иных территорий к Российскому государству. Восстания на окраинах в XVIII — начале XX в. уже не оценивались однозначно положительно как «национально-освободительная борьба угнетенных народов против царизма». В журнале «Большевик» в мае 1938 г. была опубликована статья Б. Волина под заголовком «Великий Русский народ». Статья заканчивалась словами: «Великий русский народ стоит в первых рядах борцов против всех врагов социализма. Великий русский народ возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм» [Волин, 1938: 36]. В том же году И. В. Сталин, выступая с речью, посвященной 21-летней годовщине революции 1917 г., назвал русский народ «самым советским и самым революционным» среди «равных народов» (предложив, таким образом, своеобразную версию формулы «первый среди равных») [Martin, 2001: 433]. Поддерживался положительный образ исторической России и героев русской истории, в том числе и средствами искусства, включая кинематограф (в конце 1930-х гг. на экраны вышли такие знаковые фильмы, как «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов» и др.).

Новые тенденции в советской национальной политике также проявились в изменении подхода к реформированию национальных алфавитов: латинизация к 1933–1934 гг. была постепенно свернута, начался процесс перевода национальной письменности (в том числе и латинизированных до этого алфавитов) на кириллическую основу. В 1937–1938 гг. был принят ряд соответствующих постановлений ЦК ВКП(б) [Советская этнополитика, 2012: 171–173, 180–181, 183–185]. Еще одна характерная особенность периода 1930-х гг. — значительный рост численности русского населения в союзных республиках (это было связано в первую очередь с активным строительством новых предприятий, на которые массово поступали на работу русские рабочие и специалисты, ограничение же переселенческих потоков было прекращено). При сравнении данных всесоюзных переписей 1926 г. и 1939 г. видно, что число русского населения национальных республик за это время почти удвоилось (по округленным данным, в 1926 г. — 5 250 000, в 1939 г. — 10 121 000) [Кабузан, 1996: 279].

При этом едва ли правомерно соглашаться с утверждениями, звучащими иногда в западной литературе, о возрождении в СССР в середине — второй половине 1930-х гг. русского национализма. Следует согласиться с мнением известного российского историка, специалиста по вопросам национальной политики А. И. Вдовина и его коллег по коллективной монографии «Русский народ в национальной политике», которые считают неправомерным говорить о переходе И. В. Сталина и его окружения на «националистические русофильские позиции»: «Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине, им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических

целей, в частности для того, чтобы умерить чрезмерные притязания националистов иных национальностей» [Вдовин, Зорин, Никонов, 1998: 229–230].

Какое-либо превосходство, доминирующая роль русских никак не постулировались — ни формально, ни на практике. Действительно, некоторые этносы в ходе репрессий коллективизации и большого террора пострадали сильнее других. Однако федеративная система, в основу которой были положены национально-территориальные образования, была сохранена и продолжала развиваться. Сравнение административно-территориального устройства СССР в 1932 г. и 1938 г. показывает, что количество союзных республик за это время увеличилось с 7 до 11. Правда, вдвое сократилось число автономных областей (с 16 до 8), однако это было связано не с их упразднением, а, напротив, с повышением их статуса: несколько автономных областей были преобразованы в республики, а некоторые АССР (в Средней Азии), в свою очередь, стали союзными республиками. Автономных республик стало в итоге на одну больше (16 вместо 15). Число автономных округов осталось неизменным (10) [Martin, 2001: 413]. Официальная идеология неизменно пропагандировала интернационализм и дружбу народов.

Окончательное свёртывание политики коренизации произошло, таким образом, во второй половине 1930-х гг. Отчасти это было обусловлено временным и конъюнктурным характером этой политики, поскольку она не отвечала общей стратегии национальной политики советской власти. Дискуссионным остается вопрос о том, была ли политика коренизации изначально временной уступкой, от которой предполагалось позднее отказаться (как считает, в частности, Т. Вихавайнен), или пересмотр национальной политики был вызван изменившимися политическими условиями и разочарованием руководства в коренизации, которая не дала тех результатов, которые от неё ожидали. Переход к централизаторскому, интегрирующему курсу внутрисоюзной политики совершался на протяжении 1930-х гг. Он проявился, помимо отказа от коренизации, в конструировании новой общесоюзной идентичности и фактическому признанию роли русского этноса и русского языка как основных факторов внутреннего сплочения. В. Г. Шнайдер, автор монографии о советской национальной политике на Северном Кавказе, отмечает: «СССР 1930-х гг. не стал «нацией-государством» в общемировом смысле. Модель национальной политики оставалась соподчиненной цели строительства нового общества при монополярной власти коммунистической партии <...> При этом национально-государственное строительство советского периода привело к политизации этничности и к территориальному закреплению этнокультурных различий» [Шнайдер, 2009: 27].

Ликвидация остаточных элементов культурной автономии происходила на фоне усиления международной напряженности и обострения отношений СССР с соседними государствами, что придавало репрессиям против национальных диаспор особо ожесточенный характер. Это имело результатом ликвидацию к концу 1930-х гг. всех форм культурно-просветительной деятельности национального характера для диаспор и некоторых малых этносов и чрезмерно высокий удельный вес представителей этнических меньшинств среди репрессированных. Говорить о целенаправленных национальных репрессиях едва ли правомерно, и замечание Т. Мартина о том, что во второй половине 1930-х гг. социальный террор постепенно эволюционировал в террор национальный, возможно, несколько преувеличено. Трудно всё же отрицать тот факт, что некоторые национальности оказались на особом счету как «ненадежные» и «подозрительные». Именно в этот период в национальной политике советского руководства стали

явственно просматриваться двойные стандарты, выразившиеся в неодинаковых подходах по отношению к разным народам. Деление населявших советскую страну народов на привилегированные, имевшие собственные территориально-административные образования в форме союзных или автономных республик, и на фактических изгоев, лишенных не только территориальной автономии, но и каких-либо возможностей для ведения культурно-языковой деятельности, стало одной из предпосылок кризиса национальных отношений в последние годы существования Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p. (на англ. яз.).
- Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 868–890 (на англ. яз.)
- Uitto A. Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen. Helsinki: Paasilinna, 2013. 415 p. (на фин. яз.).
- Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л. : Огиз, 1931. 110 с.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-е — 60-е годы). М. : ИН-САН, 1998. 367 с.
- Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М. : Русский мир, 1998. 443 с.
- Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920-е — 1930-е годы и судьбы финской и карельской национальностей // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 15–41.
- Волин Б. Великий Русский народ // Большевик. 1938. № 9. С. 26–36.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479с. Оп. 1с.
- Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.
- Доного Х.-М. М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М. : Социально-политическая мысль, 2005. С. 270–281.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994. С. 51–84.
- История римско-католической церкви в России и Польше в документах архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга. СПб. ; Варшава : Стройиздат, 2000. 655 с.
- Кабузан В. Русские в мире. СПб. : ИРИ РАН, 1996. 347 с.
- Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.
- Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М. : Готика, 1999. 428 с.
- Логинов А. В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. 495 с.
- Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX вв. СПб. : Нестор-История, 2004. 450 с.
- Периодическая печать СССР, 1917–1949: библиографический указатель. Выпуск первый. М. : Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958.

Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 14–28.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : О. Г. И. — Мемориал, 2001. 326 с.

Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–38 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 99–122.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120.

Сим Хон Енг. Депортация народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М. : Наука, 1999. С. 377–384.

Смирнова Т. М. Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 582 с.

Советская этнополитика, 1930-е — 1940-е годы: сборник документов. М. : ИРИ РАН, 2012. 391 с.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М. : Политиздат, 1951. 423 с.

Старков Б. А. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 83–98.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. 338 с.

Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир : Армавирский гос. пед. ун-т, 2009. 235 с.

REFERENCES

Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. *The Journal of Modern History*. Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 868–890 (in English)

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p. (in English).

Uitto A. *Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen*. [Finland-eater Otto Wille Kuusinen] Helsinki: Paasilinna Publ., 2013. 415 p. (in Finnish).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 9479c. Inventory 1c.

Brandt L. *Liuteranstvo i ego politicheskaiia rol*». [Lutheranism and its political role] Leningrad: Ogiz Publ., 1931. 110 s. (in Russian).

Bugai N. F., Gonov A. M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20-e — 60-e gody)*. [The Caucasus: peoples in echelons] Moscow : INSAN Publ., 1998. 367 s. (in Russian).

Danilov V. P. Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva v SSSR. [Collectivization of the agriculture in the USSR]. *Istoriia SSSR*. [History of the USSR] 1990. № 5. S. 7–30 (in Russian).

Donogo Kh. — M. M. Povstancheskoe dvizhenie v Dagestane i Chechne v 20-kh godakh XX veka [Rebel movement in Dagestan and Chechnya in the 1920s]. *Tragediia velikoi derzhavy. Natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuz*a. [Tragedy of the Great Power. National question

and disintegration of the Soviet Union] Moscow: "Sotsial'no-politicheskaia mysl' " Publ., 2005. S. 270–281 (in Russian).

Istoriia rimsko-katolicheskoi tserkvi v Rossii i Pol'she v dokumentakh arkhivov, bibliotek i muzeev Sankt-Peterburga. [History of the Roman-Catholic church in Russian and Poland in the documents of archives, libraries and museums of St. Petersburg] St. Petersburg, Warsaw: Stroizdat Publ., 2000. 655 s. (in Russian).

Kabuzan V. *Russkie v mire.* [The Russians in the world] St. Petersburg: IRI RAN Publ., 1996. 347 s. (in Russian).

Kilin Iu. M. *Kareliia v politike Sovetskogo gosudarstva.* [Karelia in the policy of the Soviet state] 1920–1941. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1999. 275 s. (in Russian).

Litzenberger O. A. *Evangelicheskoi-liuteranskaia tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1938).* [Evangelic-Lutheran church and the Soviet state] Moscow : Gotika Publ., 1999. 428 s. (in Russian).

Loginov A. V. *Vlast' i vera. Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti.* [The power and the faith. The state and religious institutions in history and nowadays] Moscow : Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2005. 495 s. (in Russian).

Musaev V. I. *Politicheskaia istoriia Ingermanlandii v kontse XIX–XX vv.* [Political history of Ingria in the late 19th–20th centuries] St. Petersburg: "Nestor-Istoria" Publ., 2004. 450 s. (in Russian).

Periodicheskaiia pechat' SSSR. 1917–1949. Bibliograficheskii ukazatel'. Vyp. 1. [Periodical press in the USSR. 1917–1949. Bibliographic index] Moscow : Izd-vo Vsesoiuz. knizhnoi palaty Publ., 1958 (in Russian).

Pokrovskii M. N. *Vozniknovenie Moskovskogo gosudarstva i "velikorusskaia narodnost' "* [Formation of the Moscow state and the Great-Russian nation]. *Istoriik-marksist.* [The historian is a Marxist]. 1930. № 18–19. S. 14–28 (in Russian).

Polian P. M. *Ne po svoei vole... Istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR.* [Against their own will... History and geography of forceful migrations in the USSR] M.: O. G. I. — Memorial Publ., 2001. 326 s. (in Russian).

Rittersporn G. "Vrednye elementy", "opasnye men'shinstva" i bol'shevistskie trevogi: massovye operatsii 1937–38 gg. i etnicheskii vopros v SSSR ["Harmful elements", "dangerous minorities" and Bolshevik alarms: mass operations of 1937–38]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody.* [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s] Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 99–122 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. [Russian State Archive of Social-Political History] Fund 17. Inventory 120.

Schneider V. G. *Sovetskaia natsional'naia politika i narody Severnogo Kavkaza v 1940–1950-e gg.* [Soviet national policy and the peoples of the North Caucasus in the 1940s and 1950s] Armavir: Armavirskii gos. ped. un-t Publ., 2009. 235 s. (in Russian).

Sim Khon Eng. *Deportatsiia narodov: mezhdunarodnyi aspekt problemy* [Deportation of the peoples: international aspect of the problem]. *Rossiiia v XX veke. Problemy natsional'nykh otnoshenii.* [Russia in the 20th century. Problems of ethnic relations]. Moscow: Nauka Publ. S. 377–384 (in Russian).

Smirnova T. M. *Natsional'nost' — piterskie. Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoi oblasti v XX veke.* [Nationality — the Petersburgers. Ethnic minorities of

Petersburg and the Leningrad province in the 20th century] St. Petersburg: Sudarynia Publ., 2002. 582 s. (in Russian).

Sovetskaia etnopolitika, 1930-e — 1940-e gody. [Soviet ethnic policy, 1930s — 1940s] Moscow: IRI RAN Publ., 2012. 391 s. (in Russian).

Stalin, 1951 — *Stalin I. V. Sochineniia*. [Works] T. 13. Moscow : Politizdat Publ., 1951. 423 s. (in Russian).

Starkov B. A. Instrumentarii natsional'noi politiki VKP(b) i ego primenenie [Instruments of the national policy of the ASCP(b) and its implementation]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody*. [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s] Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 83–98 (in Russian).

Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. [Tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization]. T. 2. Moscow : ROSSPEN Publ., 2000. 338 s. (in Russian).

Vdovin A. I., Zorin V. Iu., Nikonov A. V. *Russkii narod v natsional'noi politike XX vek*. [The Russian people in the national policy. 20th century] Moscow: Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo "Russkii mir" Publ., 1998. 443 s. (in Russian).

Vihavainen T. Natsional'naia politika VKP(b) / KPSS v 1920-e — 1930-e gody i sud'by finskoi i karel'skoi natsional'nostei [National policy of the ASCP(b) / CPSU between the 1920a and the 1950s and the fortunes of the Finnish and the Karelian nationalities]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody*. [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s]. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 15–41 (in Russian).

Volin B. Velikii Russkii narod [The great Russian people]. *Bol'shevik* [Bolshevik] 1938. №9. S. 26–36 (in Russian).

Zemskov V. N. Spetsposelentsy (1930–1959 gg.) [Special settlers (1930–1959)]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii*. [Population of Russia between the 1920s and the 1950s: numbers, losses, migrations] Moscow : IRI RAN Publ., 1994. S. 51–84 (in Russian).

УДК 94 (47)

В. Н. Ильин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Алтайский филиал), Барнаул (Россия)

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ БРАКИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

Рассматривается семейно-брачное состояние старообрядцев Томской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики имперских властей. Заключение браков между старообрядцами по закону было недопустимо. Подобные браки рассматривались как «сводные браки». Силами официальных властей подобное «публичное оказательство раскола» подлежало расторжению, что приводило к многочисленным трагедиям с судебными разбирательствами. Брак старообрядцев с никониянами также по закону был не допустим, рассматривался как «сворачивание раскольниками православных в раскол». Законным считался только брак, совершенный в казенной церкви, в таком случае законодательная система не оставляла старообрядцам выбора в семейно-брачных ситуациях, кроме обращения к казенной церкви. Таким образом, юридически старообрядцы не имели права на воспроизводство конфессии, следовательно, и на ее существование.

19 апреля 1874 г. был издан закон, согласно которому старообрядцам было разрешено совершать браки гражданским порядком через регистрацию в особых метрических книгах при полицейских правлениях. Однако данный закон не смог решить проблемы старообрядческих браков. Основная часть старообрядцев в брачном вопросе по-прежнему осталась бесправной.

Ключевые слова: старообрядчество, церковь, православие, конфессия, политика.

V. N. Ilyin

The Russian Academy of National Economy and the State Service under the President of the Russian Federation (Altai branch), Barnaul (Russia)

Altai state University, Barnaul (Russia)

OLD BELIEVER MARRIAGES IN THE CONTEXT OF THE STATE AND CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE TERRITORY OF TOMSK PROVINCE IN THE NINETEENTH CENTURY

The family-marital status of the Old Believers of Tomsk province is considered in the context of the state-confessional policy of the imperial authorities.

The conclusion of marriages between the Old Believers by law was not permissible. Such marriages were considered as “marriages”. By official authorities, such a “public split” was subject to dissolution, which led to numerous tragedies with judicial proceedings. The marriage of the Old Believers with the Niconians was also illegal by law and was regarded as “seduction by the schismatics of the Orthodox in the schism.” Only the marriage committed in the state church was considered lawful, in this case the legislative system did not leave the Old Believers with a choice in marital and family situations, except for resorting to a state church. Thus, legally Old Believers did not have the right to reproduce the confession, and, consequently, to their existence.

April 19, 1874 was issued a law under which the Old Believers were allowed to marry by civil procedure through registration in special metric books under police boards. However, this law could not solve the problems of Old Believers’ marriages. The bulk of the Old Believers in the marriage issue still remained without rights.

Key words: Old Believers, Church, Orthodoxy, Confession, Politics.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-10

В соответствии с российским имперским законодательством заключать браки между старообрядцами было запрещено, так же, как и заключать брак старообрядцев с никонианами, которые однозначно трактовались как «совращение в раскол». Исходя из того, что законным считался только брак, совершенный в казенной церкви «во всем сообразно ее правилам и обрядам», то брак между представителями официального православия и старообрядчества приобретал юридическую силу только в случае «принятия последними Церкви Святой соединения с присягою» [СЗРИ, 1900: т. X. ст. 31, 33]. Перед совершением брака старообрядцы обязаны были предоставить церковнослужителю подписку, которой они брали на себя обязательство, что «не будут ни поносить своих супругов за Православие, ни склонять их к принятию своей веры, рожденные в таком браке дети крещены и воспитаны будут в правилах Православного исповедания. В общем, быть в правоте твердыми и с раскольниками согласия не иметь» [СЗРИ, 1900. Т. X. Ст. 33, 67]. В 1841 г. был издан указ, — «составить раз на-

всегда для старообрядцев семейные списки и не допускать впредь никаких добавлений по этим спискам, т. е. все дети должны были уже считаться после этого указа сынами господствующей церкви» [Мельгунов, 1907: 26].

Для того, чтобы подобные браки старообрядцев, с точки зрения законодательства, имели силу, старообрядцы должны были присягнуть на верность казенному православию, т. е. отказаться от своей веры. Естественно, что подобные условия для староверов были неприемлемы. Подобная юридическая ловушка не оставляла перед староверами выхода, кроме как совершать венчание в синодальной церкви, приняв никонианство «наружно», т. е. формально, не изменяя основам «древлего благочестия» (что в дальнейшем служило очередным поводом для судебных разбирательств над старообрядцами), либо сойтись так называемым сводным браком, т. е. без регистрации официальной церковью (второй вариант был характерен для беспоповцев). Под понятием «сводный брак» государство рассматривало вообще любой незаконный с точки зрения государства брак. Следовательно, дети, рожденные от подобных браков, юридически рассматривались как незаконнорожденные. В любом случае законодательная система не оставляла старообрядцам выбора в семейно-брачных ситуациях, кроме обращения к казенной церкви. Таким образом, юридически старообрядцы не имели права на воспроизводство конфессии, следовательно, и на ее существование.

По мнению представителей светских и церковных властей Томской губернии, «с особой силой и безбоязненностью раскол заявил о себе именно в заключении сводных браков» [Исторический вестник, 1901: 1098]. По их мнению, «сводные браки» представляли собой «публичное оказательство раскола» и якобы пагубно влияли на общественную нравственность [Исторический вестник, 1901: 1100]. Так, в отчете генерал-губернатора Западной Сибири от 1863 г. было указано: «Ложное направление религиозных убеждений раскольников ослабляет нравственность их в семейной жизни, что преимущественно заметно между раскольниками беспоповской секты, у которых супружеские отношения прикрываются сводным браком через благословение родителей» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 95. Л. 3]. Представители церковной власти были твердо убеждены в том, что «сводный брак является противным правилам святых Апостолов» [ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 113. Л. 16]. Исходя из данных заключений правительством принимались соответствующие меры по ликвидации «блудных» старообрядческих браков. «Операция эта сопровождалась крайне прискорбными и гнусными сценами, — писали периодические издания тех лет, — у раскольников, обвенчанных по-своему уже несколько лет и имеющих детей, отбирают жен, отсылают к родителям и устраивают волостной надзор» [Неделя, 1878:1236]. К примеру, из дела Барнаульского духовного правления относительно одного «сводного брака» видно, что «девка Анисья Панафидина, по своему желанию вышла в замужество за рудокопа Егора Шемукова, была венчана в старообрядческой часовне старообрядческим польским попом, брак был расторгнут. Рудокоп — сослан в Нерченский завод, жена его оставлена при отце своем, за блудный брак наложена на нее епитимия сроком 7 лет» [ЦХАФ АК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 133. Л. 16]. Из отношения Томской духовной консистории от 1862 г. видно также, что «девка Вера Гутова в 1861 г. была сводима с крестьянином Лаврентьем Васильевым Ромашевым, но разлучена действием земской власти» [ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 202. Л. 4–18]. В документах Бийского земского суда за 1864 г. записано: «Случаи сводных браков бывают часто, дела об них весьма многогласны, так в настоящее время в производстве Бийской Земской полиции семь дел, в которых заключается от 110 до 200 браков. При исполнении при-

говора по одному из таких дел случается разлучить несколько браков в одной деревне» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 45. Л. 14].

После расторжения «сводного брака» детей причисляли к семейству матери, отец же обязан был содержать ребенка, при этом епархиальные власти подвергали разведенных процедуре убеждения перехода из старообрядчества в никонианство [ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 735. Л. 137]. В постановлении Бийского земского суда от 30 декабря 1864 г. по этому поводу было записано: «Браки крестьян, соединенных по благословению их родителей, согласно 31 ст. X т. считать недействительными, а как они не согласились совершить брак по православным правилам, то детей их, от сих браков на основ. 134 ст. того же X т. признать незаконными и причислить по фамилии матери обязав отцов сих детей, согласно 1344 ст. Улож. обеспечить содержание последних» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 45. Л. 13]. К примеру, 5 февраля 1860 г. Бийский окружной суд по делу «О сводном браке Александра Медведева с девкой Екатериной Плесовских» постановил: «Брак расторгнуть, детей от сего брака причислить к семейству матери, обязав отца обеспечить их содержимое, обязать местное духовенство сделать подсудимым увещание об обращении их из раскола в православие» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 735. Л. 137]. Также в 1867 г. состоялся суд над 200 крестьянами Крутоберезовской волости, которые «сошлись сводными браками по благословению родителей без обрядов церкви». Приговор гласил: «Эти браки считать не действительными, детей от этих браков считать не законными и причислить к семействам матерей, обязав отцов обеспечивать содержание младенцев» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 621. Л. 170–171]. Та же участь постигла старообрядцев, живших «сводным браком» (всего 32 человека) с. Секисовского Крутоберезовской волости [ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 621. Л. 175–176].

Инициатива в выявлении и возбуждении дел по незаконным сожителствам исходила в первую очередь от местных служителей официальной православной церкви. В рубрике «О состоянии томского раскола» ежегодного отчетного периодического издания «Обзор Томской губернии», например, было написано: «Немало было жалоб и от причтов о сводных браках раскольников с православными» [Обзор Томской губернии за 1891 г., 1892: 39]. Посредник Мамонтов писал губернатору по этому поводу: «Со времени поступления свящ. В. Покровского в Елбанский приход, волостные правления Барнаульское и Нижне-Чарышское завалены его жалобами и доносами на раскольников и, ввиду массы бумаг такого рода, пришли в большое затруднение» [Беликов, 1901: 163]. По мнению газеты тех лет «Неделя», именно жалобы и доносы служителей новообрядческой церкви «вызывали полицейские меры и приказания губернского начальства расторгать сводные браки сибирских раскольников» [Неделя, 1878: 1236].

В решении вопроса о «сводных браках» никонианско-православная церковь была сторонницей в первую очередь силовых методов, как более действенных, так как способы убеждения, по ее мнению, «оставались безуспешны» [ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 202. Л. 4, 13]. При этом очень часто отдельные представители местного чиновничества и другие противники «раскола» вынуждены были признать, что принимаемые методы борьбы со «сводными браками» иногда бывают «чересчур грубы и жестоки». Характеризуя методы и приемы местных светских и церковных властей по устранению незаконных старообрядческих браков, С. И. и Н. С. Гуляевы отметили: «...сводные браки, как особенно заметное обнаружение раскола, вызвали строжайшие преследования раскольников в различных видах и формах. Духовенство формальными требованиями обязывало волостных и сельских начальников разводить сводные браки, т. е. развозить по раз-

ным деревням, живущих иногда по несколько лет сводным браком и имеющих от этих браков по несколько человек детей и строго следить, чтобы разведенные таким образом вновь не сходились на «блудное житие». Заседатели, в силу будто бы полученного откуда-то распоряжения, занимаются разведением сводных браков с более сложными и тонкими вариациями. Один, например, построил следующий силлогизм: сводный брак заключается брачующимися с согласия их родителей, но сводный брак есть незаконный брак; а если он не признается законным браком, то ни что иное как блуд; следовательно, родители благословили детей на сводный брак, способствовали блуду. Путем такого умозаключения он привлекает родителей к суду... за сводничество. Другой заседатель, не столько тонкий юрист, как первый, действует далеко проще. Он вызвал до 20 женщин, находящихся в сводном браке, и посадил их в волостную тюрьму, где держит до 2 и 3 недель, несмотря на то, что у них дома в разных деревнях остались грудные дети. Несмотря на то, что мы привыкли ко всякого рода расправам, — подобные факты и нам не втерпез» [ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 229. Л. 61].

О «драконовском» преследовании старообрядцев, заключавших брак по канонам своей веры, писало и центральное периодическое издание «Современные известия» в № 261 от 1879 г.: «...в Бийском округе, расположилось старообрядческое поселение по р. Бухтарме — Усть-Каменогорск. Заселили они эту местность еще с 1750 г., жили мирно и трудолюбиво, но молились по старине. И вот началось против них гонение: отыскивают у них попов, запрещают им богослужения, особенно потрясающими сценами сопровождаются расторжения браков. Некоторые старообрядцы живут семьями по несколько лет и имеют кучи детей; и вот семейство разведено, мать с детьми увозят от отца в другую деревню и отдают под наблюдение волостного начальства, нередко при этом она подвергается всевозможным оскорблениям. Семья лишается, таким образом, поддержки отца. И такие супруги разводятся после десяти и пятнадцати лет брака. Производя следствие, заседатели позволяют себе самое бесцеремонное и грубое обращение: отбирают и жгут молитвенные книги, угрожают кандалами и т. п. В союзе с заседателями действуют доносами и побуждают к преследованию старообрядцев и местные священники, заменяя этими доносами пастырское обращение и действие проповедью» [Мельников, 1999: 268–269]. Применение силовых способов расторжения старообрядческих браков светские власти объясняли и оправдывали тем, что «разойтись по первому предъявлению судебного приговора, сошедшиеся браком никогда не бывают согласны» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 45. Л. 14].

19 апреля 1874 г. был издан закон, согласно которому старообрядцам было разрешено совершать браки гражданским порядком через регистрацию в особых метрических книгах при полицейских правлениях. Через эту запись «браки раскольников приобретали в гражданском отношении силу и последствия законного брака» [Миловидов, 1969: 59]. Лишь теперь дети, родившиеся от старообрядческих браков, признавались законными, а также могли разрешиться вопросы, связанные с наследством.

Однако данный закон оговаривал право на брак лишь для «явных», записных старообрядцев «от рождения», т. е. воспользоваться этим законом могли лишь те старообрядцы, которые сами и родители которых ни разу не прибегали к таинствам синодальной церкви, будь то даже крещение.

«С тех пор, — писал Д. Н. Беликов, — в томском расколе укоренилось твердое убеждение, будто бы раскол окончательно признан правительством в качестве «веры правильной» и переход в него дозволен всякому желающему: требуется только заявить

о том причту или начальству» [Беликов, 1901: 166]. Действительно, фонд Томской духовной консистории Государственного архива Томской области (ГАТО) содержит множество прошений от старообрядцев о внесении их и своих детей в особые метрические книги. В «Обзоре Томской губернии» от 1892 г. написано: «В епархиальном управлении рассматривалось много просьб со стороны раскольников и уклонившихся в раскол о дозволении записывать акты рождений, браков и смерти в метрические книги при полицейских и волостных управлениях» [Обзор Томской губернии за 1891 г., 1892: 39]. Однако просьбы старообрядцев об отчислении от официального православия со ссылкой на закон 1874 г., за редким исключением, не были удовлетворены, так как почти все они являлись «тайными старообрядцами», по документам числившимися «православными».

Данный закон не смог решить проблемы старообрядческих браков. Основная часть старообрядцев в брачном вопросе по-прежнему осталась бесправна.

Вопрос униженного положения старообрядцев по сравнению даже с иноверцами в брачно-семейных отношениях поднимался самими старообрядцами и в начале XX в. Так, в поступившем в 1903 г. на имя министра внутренних дел В. К. Плеве «прошении старообрядцев, приемлющих священство», говорилось: «Наше брачное законодательство приравнивает старообрядцев к магометанам, язычникам и евреям. Желая оставаться верными обрядам предков, мы не можем вступать в браки с принадлежащими к господствующей церкви... Нельзя ставить истинно верующего и убежденного старообрядца в таком положении, чтобы он отказался от брака с любимой им девушкой только потому, что она принадлежит к господствующему исповеданию, покровительствующему государственной властью, а он к старообрядчеству, этой властью только терпимому» [Гончаров, 2002: 53–54]. Закон от 19 апреля 1874 г., таким образом, оказался «мертвым».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беликов Д. Н. Томский раскол // Известия Томского университета. Т. 18. Томск, 1901. 239 с.
- Гонения на раскол в Западной Сибири // Неделя. 1878. № 38. С. 1235–1238.
- Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начале XX вв. Барнаул, 2002. 383 с.
- Государственный архив Алтайского края. Ф. 163. Оп. 1.
- Государственный архив Алтайского края. Ф. 26. Оп. 1.
- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2.
- Государственный архив Томской области. Ф. 21. Оп. 2.
- Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 11.
- Из истории раскола в Томской Губернии в XIX в. // Исторический вестник. № 6. СПб., 1901. С. 1096–1099.
- Мельгунов С. Старообрядцы и свобода совести М., 1907. 86 с.
- Мельников. Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. 567 с.
- Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969. 112 с.
- Обзор Томской губернии за 1891 г. Томск, 1892. С. 39–41.
- Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X.

REFERENCES

- Belikov D. N. Tomskii raskol. *Izvestiia Tomskogo universiteta* [News of Tomsk University]. T. 18. Tomsk, 1901. 239 s. (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv tomskoy oblasti [State archive of the Tomsk Oblast] Fund. 170. Inventory 2 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund. 163. Inventory 1 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State archive of the Altai Krai]. Fund. 26. Inventory 1 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of the Tomsk Oblast] Fund. 21. Inventory 2 (in Russian).
- Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoy oblasti [State archive of the Tomsk Oblast] Fund. 3. Inventory. 11 (in Russian).
- Goneniia na raskol v Zapadnoi Sibiri [The persecution of the schism in Western Siberia]. *Nedelia* [Week]. 1878. № 38. S. 1235–1238 (in Russian).
- Goncharov Iu. M. *Gorodskaiia sem'ia Sibiri vtoroi poloviny XIX-nachale XX vv.* [City family of Siberia in the second half of the XIX — early XX centuries]. Barnaul, 2002. 383 s. (in Russian).
- Iz istorii raskola v Tomskoi Gubernii v XIX v. [From the history of the split in the Tomsk Province in the XIX century]. *Istoricheskii vestnik* [Historical reading]. SPb., 1901. № 6. S. 1096–1099 (in Russian).
- Meľgunov S. *Starobriadtsy i svoboda sovesti* [Old believers and freedom of conscience]. M., 1907. 86 s. (in Russian).
- Meľnikov. F. E. *Kratkaia istoriia drevlepravoslavnoi (starobriadcheskoi) tserkvi.* [A brief history of the old-orthodox (old believers) church]. Barnaul, 1999. 567 s. (in Russian).
- Milovidov V. F. *Starobriadchestvo v proshlom i nastoiashchem.* M., 1969. 112 s. (in Russian).
- Obzor Tomskoi gubernii za 1891 g. [Review of Tomsk province for 1891.]. Tomsk, 1892. S. 39–41 (in Russian).
- Svod zakonov Rossiyskoy imperii. [The Digest of Laws of the Russian Empire]. SPb., 1900. T. X. St. 31, 33, 67 (in Russian).

Раздел VI

РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 39 (394)

П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева, Н. Цэдэв

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Монгольский национальный университет, Улан-Батор (Монголия)

ВОСПРИЯТИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ НАСЕЛЕНИЕМ МОНГОЛИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

На основе результатов социологических опросов анализа собранных данных рассматриваются особенности восприятия этнических и религиозных процессов в Центральной и Западной Монголии, делается вывод, что в настоящее время достаточно большой процент респондентов позиционирует себя верующими людьми. При этом респонденты указывают не только на знакомство с традиционными для государства конфессиями, прежде всего буддизмом и исламом, но и на появление новых религиозных движений. Особенно популярными в последние годы становятся протестантские деноминации. Несмотря преобразования в области свободы совести и вероисповедания, на произошедшие с конца XX в. в государстве, достаточно большой процент респондентов испытывают потребность в более детальном знакомстве с различными религиозными традициями. О данном факте свидетельствуют как желание знакомиться с разными религиями в рамках школьной программы, так и через более широкое освещение данного вопроса в СМИ. Большинство респондентов обеспокоены тем, что усиливается влияние экстремистских взглядов во всем мире, хотя для самой Монголии данная проблема остро пока не стоит.

Ключевые слова: Монголия, этнические и религиозные процессы, прозелитарные религии, этносы, традиционные верования, социологическое исследование.

P. K. Dashkovskiy, E. A. Shershneva, N. Cedav

Altai state University, Barnaul (Russia)

Mongolian National University, Ulan Bator (Mongolia)

PERCEPTION OF ETHNIC AND RELIGIOUS PROCESSES BY MONGOLIA POPULATION (A SOCIOLOGICAL STUDY)⁶

The article, based on the results of sociological surveys, considers the peculiarities of perception of ethnic and religious processes in Central and Western Mongolia. Based on the analysis of the collected data, it is concluded that currently a sufficiently large percentage of Mongolia's respondents position themselves as believers. At the same time, respondents indicate not only familiarity with the state's traditional confessions, primarily Buddhism and Islam, but also the emergence of new religious movements. Protestant denominations have become particularly popular in recent years. Despite the changes that have taken place since the end of the 20th century in the state in the field of freedom of conscience and religion, nevertheless, a sufficiently large percentage of respondents feel the need for more detailed acquaintance with various religious traditions. This fact is evidenced both by the desire to get acquainted with different religions in the framework of the school program, and through wider coverage of this issue in the media. The majority of respondents were concerned that extremist views were increasing worldwide, although Mongolia itself was not yet faced with the problem.

Keywords: Mongolia, ethnic and religious processes, proselytic religions, ethnic groups, traditional beliefs, sociological research.

DOI: 10.14258/nreur (2018) 2–11

Political changes started in Mongolia in the 1990s have led to proclaiming ideas of freedom of conscience and religion. It has resulted in the growth of religiosity in the country. The first stages of democratic transformations were already marked by a number of the Government decrees aimed at regulation of state and church relations on the territory of Mongolia [Tsymzhit., Samdangiin, 2014: 68–69]. Starting in 2008, researchers of Altai State University have conducted systematical studies of ethnic and religious processes in Mongolia within the framework of Russian-Mongolian projects headed by P. K. Dashkovskiy. Particular results of the study are already published [Dashkovskiy, 2012; 2015; Dashkovskiy., Tsedev, Shershneva, 2010; Dashkovskiy, Kushnerik., Tsedev., Ganbold., 2009; Dashkovskii, Shershneva, Tsedev, 2013; 2017; Dashkovskii, Tsedev, 2017; Dashkovskii P. K., Kushnerik, 2009; Dashkovskii P. K., Kushnerik, Tsedev, 2009; Tsedev, 2017; Tsymzhit, 2017; etc.]. A number of sociological surveys were conducted in 2016 in Western and Central Mongolia within the continuing Russian-Mongolian project. The surveys were aimed at understanding

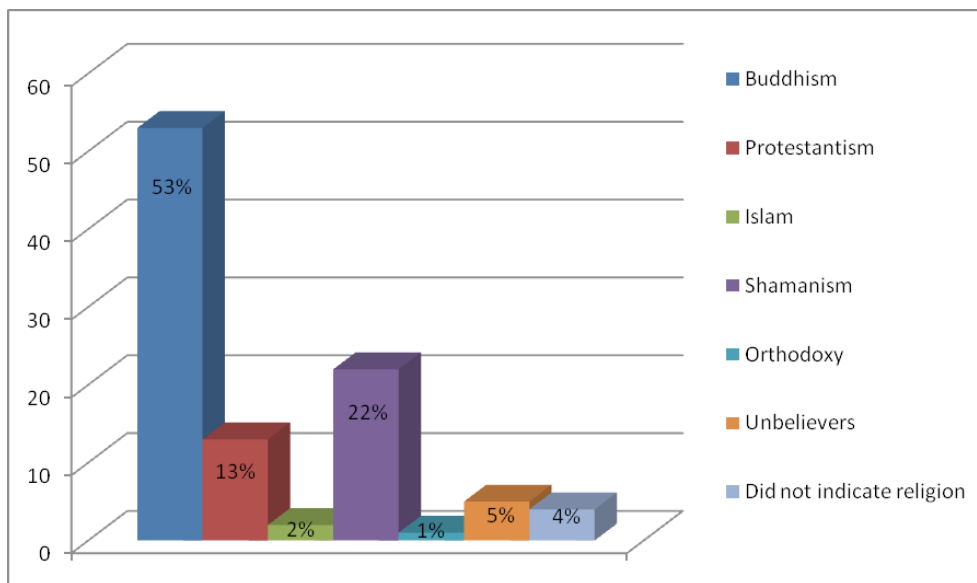
⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

of the Mongols attitude towards various ethnic and religious communities and towards the government policy of keeping national identity.

This work presents the results of the 2016 sociological survey in Mongolia. The authors chose an analytical type of sociological study which enabled to reveal the causes of processes connected with the religious situation in Mongolia. Applying interview as a method of research, we can identify the main trends which show the attitude of the population to the religious processes in Mongolia. Special attention is paid to evaluation of the government activity in building relationships with religious communities. We use statistical analysis in order to process and interpret the interviews results. It helps to determine particular patterns of development of religious processes and make conclusions about current ethnic and religious situation in the country. Statistical results are presented in a number of diagrams.

For the research, we interviewed 164 respondents (100%). To understand the degree of religiosity in the society, we asked the respondents a question, “Is it important for a person to be a believer from your point of view?” As a result, 48% (78 interviewees) answered positively, 21% (34 interviewees) said it was not necessary to be religious, and 32% (52 interviewees) found it difficult to answer the question. Wherein, 51% (84 interviewees) do not celebrate religious holidays. Distribution of the population in the surveyed Mongolia’s areas by religious identity is shown in diagram 1.

Diagram 1
Opinion of Central and Western Mongolia population about their religious identity

It is clear from the diagram that the dominant religions are Buddhism and Shamanism what is connected with historical processes. Quite a big amount of respondents indicated Protestantism as their religion. Perhaps, the evaluation of the deep impact of Protestantism on the state policy is influenced by the fact that this religion is becoming more and more popular among the people of Central Asia and South Siberia [Badmaev, Adygbai., Burnakov, Mansheev, 2006; Dashkovskiy, 2012; etc.]. In many ways, the success of Protestant missionary activity in the region is connected with economic reasons. Difficult, sometimes tough economic situation leads to disappointment in the traditional system of religious values (as

Buddhism and Shamanism) and attracts people to a more economically successful religion — Protestantism. Interest in Christianity is also connected with the inclination of some part of Mongolian population, especially young people, towards liberal and democratic Western culture. Conversion to Christianity helps people to identify themselves not only as a part of Mongolian population but also as a part of the whole world community [Abaeva, Rinchinova, 2015: 123].

To be able to evaluate the familiarity of Mongolian population with other religions, we asked the respondents to indicate the religious organizations they know.

Diagram 2
Religious organizations familiar to the respondents

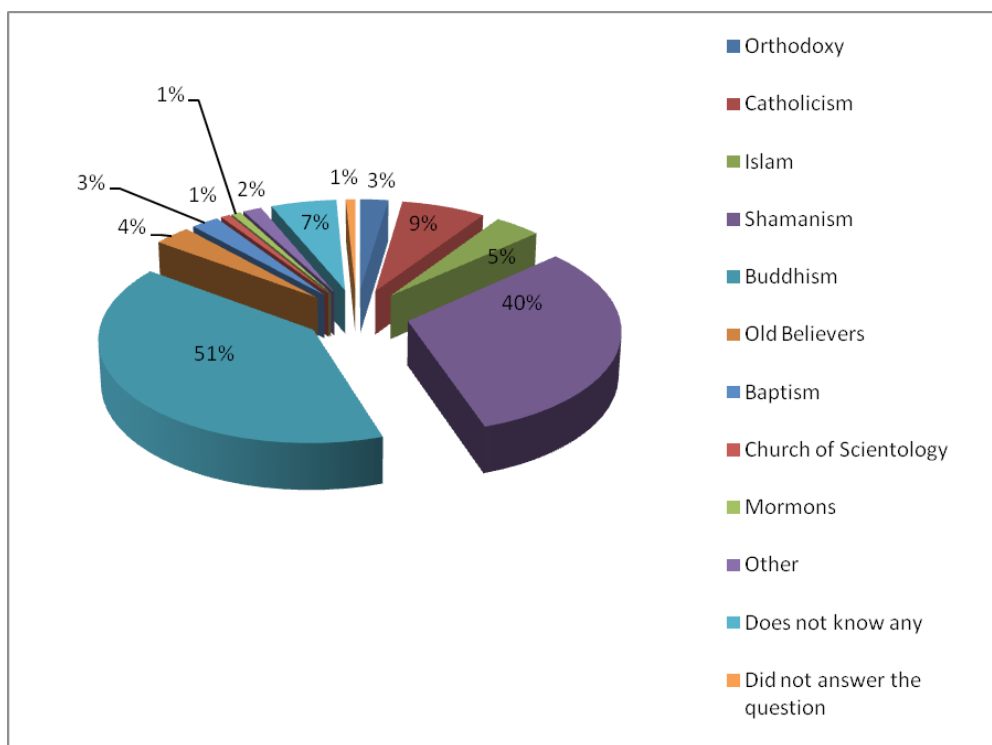
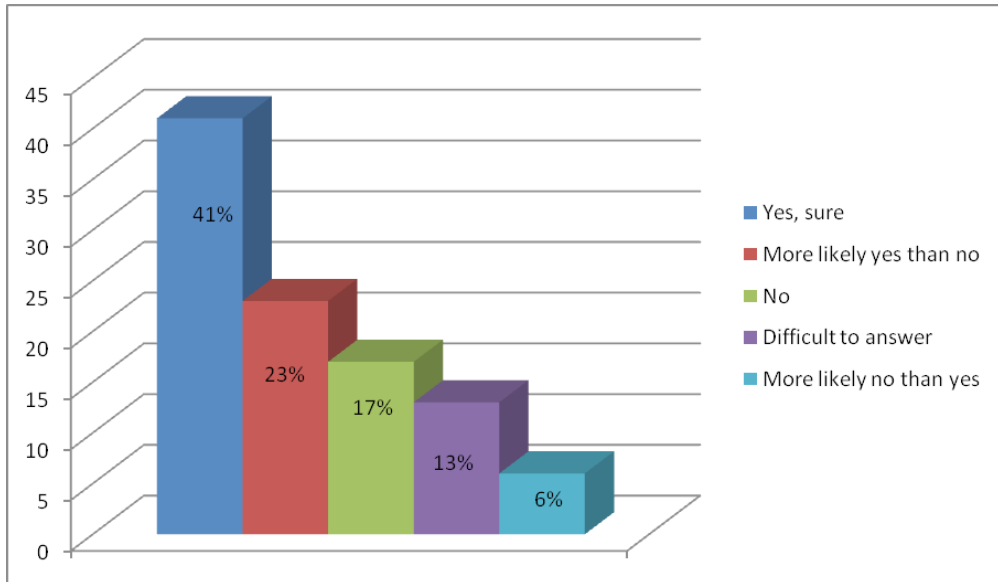

Diagram 2 shows that along with traditional religions people of Mongolia identify several new religious movements. It should be noted that such movements as Church of Evangelical Christians of Baptists (Baptism), Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (Mormons), as well as Church of Scientology are better known to the recipients from Western Mongolia aged 16–35. In Central Mongolia, only 1 person out of 91 interviewees said he was familiar with Church of Scientology. In Western Mongolia, 5 respondents are familiar with Baptism, 1 — with Mormons, 1 — with Church of Scientology (out of 73 interviewees).

The appearance of new religious communities in Mongolia raises a question of familiarity of Mongolian citizens with new religious traditions. The respondents were asked a question, “Is it necessary to make schoolchildren get acquainted with the religions of the world?” The answers are shown in diagram 3.

Diagram 3

Is it necessary to make schoolchildren get acquainted with the religions of the world?

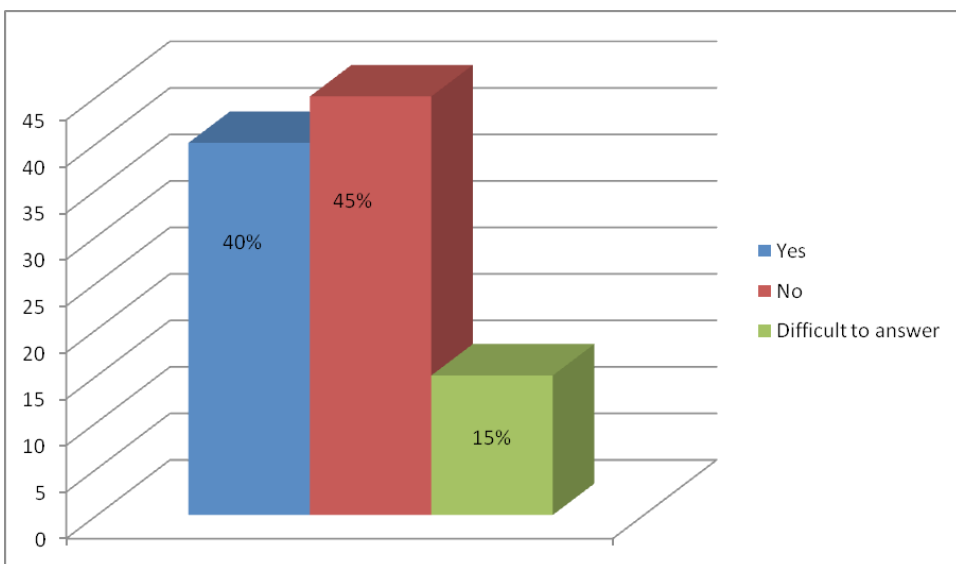

As diagram 3 shows, most parts of Mongolian population regardless of age think that schoolchildren need to be acquainted with the religious traditions of the world.

One of the most important ways of getting information about the religious situation in the country is with the help of mass media. In this regard, the respondents were asked a question, “Are the media sufficiently covering the problems of religion?”

Diagram 4

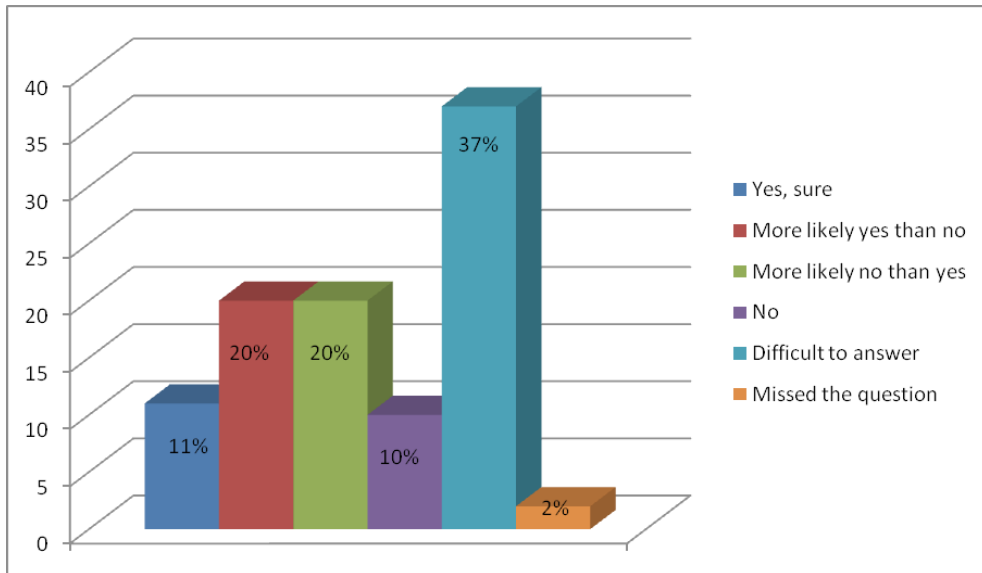
Are the media sufficiently covering the problems of religion?

Wherein, in Western Mongolia, 58% of respondents (42 interviewees) out of 73 interviewees (100%) indicated that mass media coverage of religious problems is insufficient. Such a point of view prevails among people at the age of 22–45.

It is important to pay attention to the respondents' opinion about the reliability of the media information connected with the ethnic and religious situation in the country. As diagram 5 shows, interviewees' opinions differ.

Diagram 5
Are the media covering the ethnic and religious situation adequately?

Attitude to mass media coverage of ethnic and religious issues is ambiguous, as respondents' answers show. The number of respondents who estimate the media activity positively is almost equal to the number of the respondents who demonstrate a negative position. It should be noted that quite a lot of interviewees — 37% (61 respondents out of 164) — found it difficult to estimate the media coverage of religious processes. Perhaps, it is connected with underdevelopment of mass media and the Internet communication in the region. Besides, researchers pay attention to the fact that most religious events are covered in Mongolia only with the help of specialized (religious) media [Tsybikdorzhiev, Batoeva, 2014: 41].

As a part of the study, we asked the interviewees to give an overall assessment of the religious situation in the Mongolian People's Republic. The answers are shown in diagram 6.

It is obvious that the religious situation in Mongolia is estimated differently. 62% of respondents consider it as rather stable whereas 37% think oppositely. Moreover, the results of the survey in Western Mongolia show the interviewees are even more inclined to estimate the religious situations as downscale rather than stable. The results of the survey in Western Mongolia are shown in diagram 7.

Diagram 6
All respondents' assessment of the religious situation
in the Mongolian People's Republic

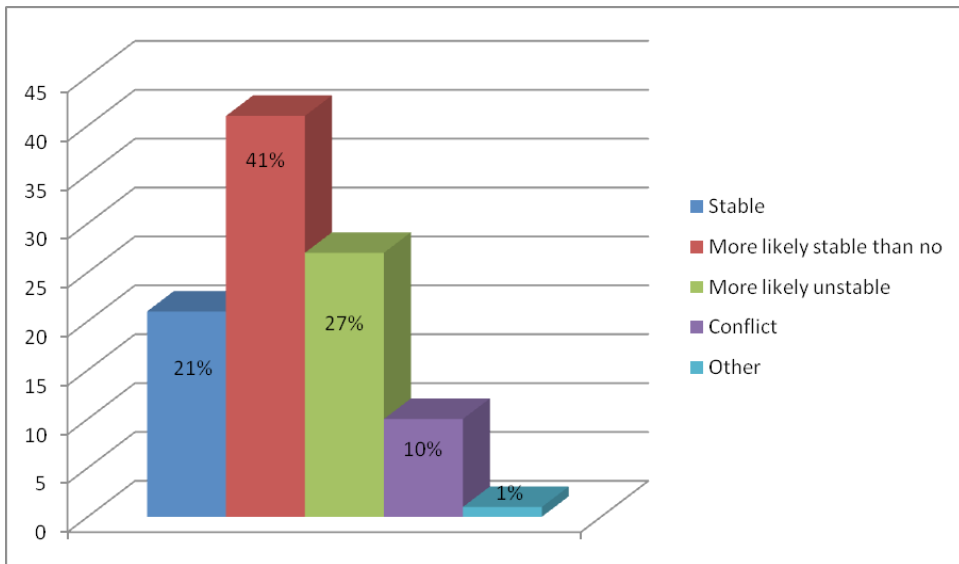
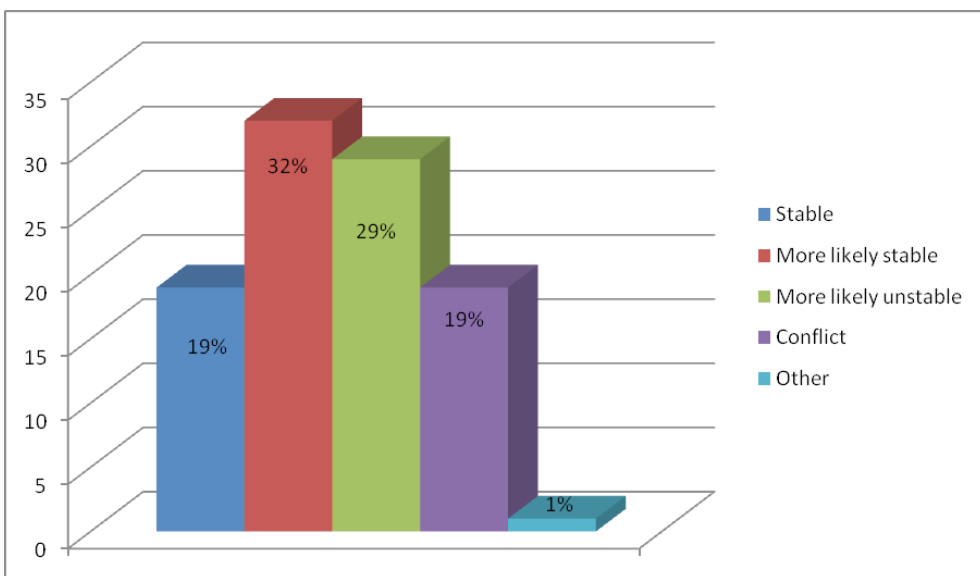

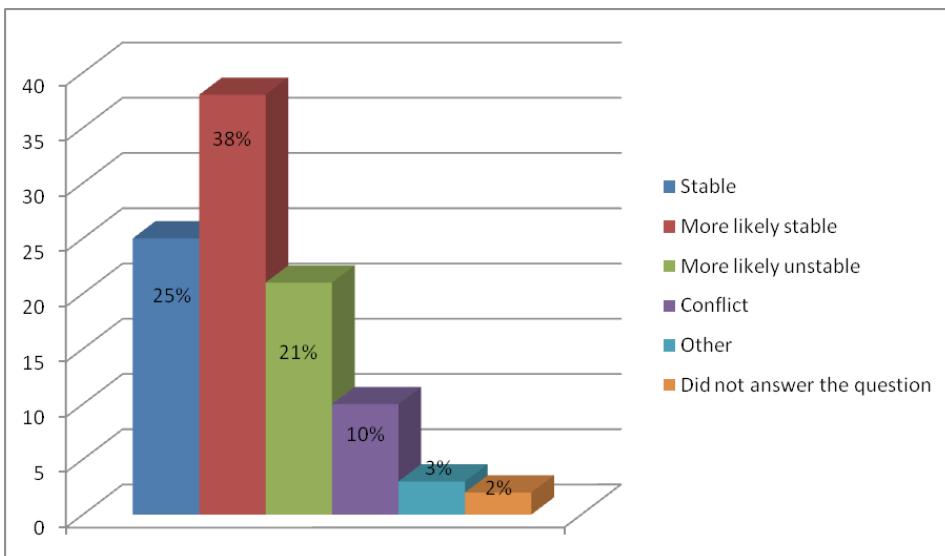
Diagram 7
The assessment of the religious situation in the Mongolian People's
Republic by Western Mongolia population

As it is clear from diagram 7, 51% of respondents from Western Mongolia estimate religious processes in Mongolia positively and 48% — rather negatively. In Central Mongolia, the situation is a bit different. Thus, 22% of respondents view religious development as stable, 49% think it is more likely stable than unstable. It may be caused by the fact that in Western Mongolia, in contrast to Central Mongolia, the population have two major religions —

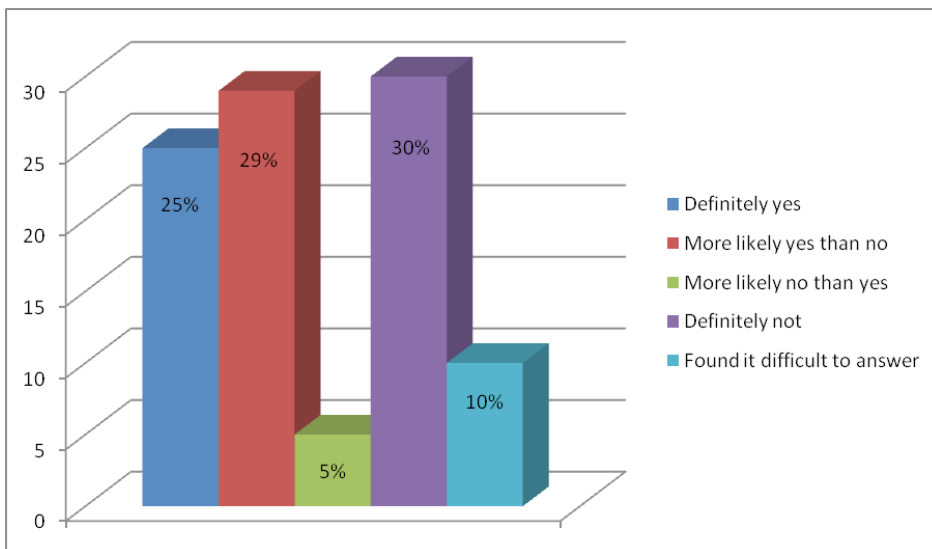
Buddhism and Bayan-Ulgiiym Aimak Islam; the latter is practiced by ethnic Kazakhs. This situation may lead to certain ethnic and religious conflicts. It is noteworthy that 63% of respondents agree with rather stable religious situation particularly in Central Mongolia what is shown in diagram 8.

Diagram 8
The assessment of the religious situation by Central Mongolia Population

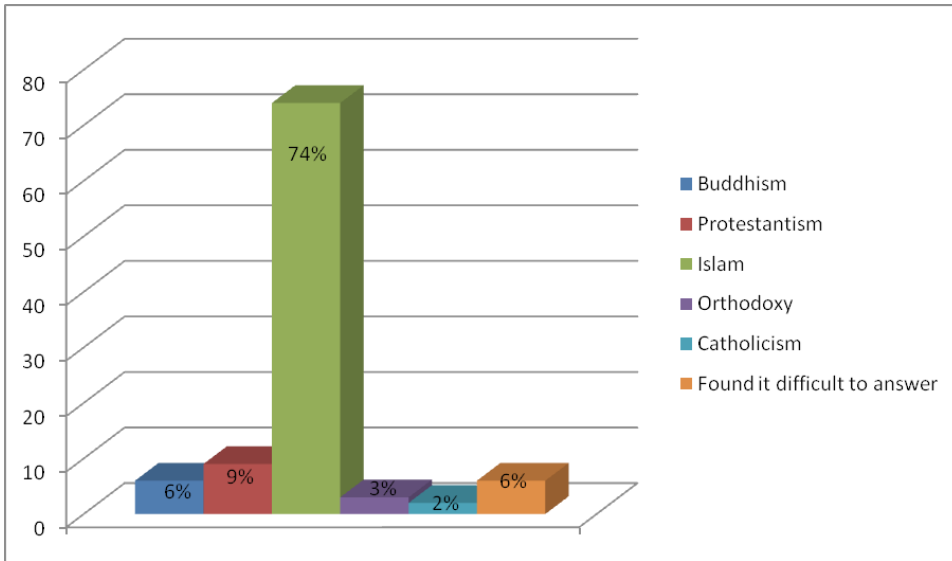
The respondents were also asked to estimate whether the religion may influence the development of extremist activities. The answers to this question are given in diagram 9.

Diagram 9
May the religion influence the growth of extremist activity?

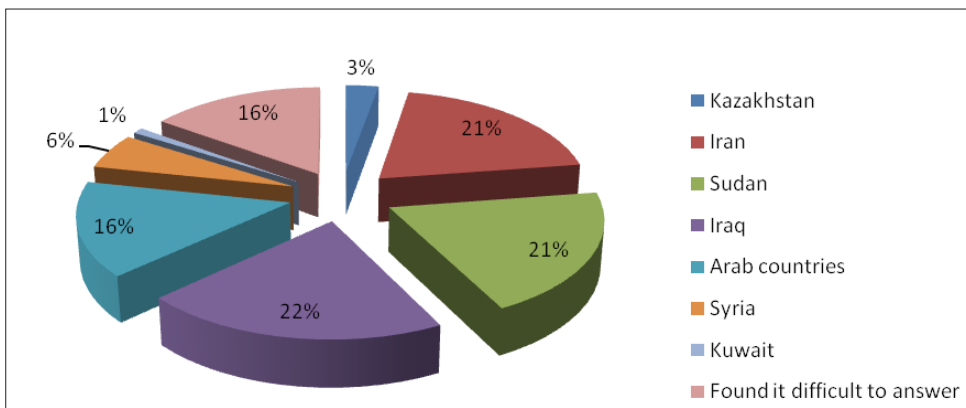
According to the results, we may conclude that most interviewees consider religion one of the main factors in the development of extremist activities. 21% (41 interviewees out of 164) definitely answer it is the religion that influences the formation of extremist views, and 29% (47 interviewees out of 164) consider religion as one of the most important factors which influence such extremist views. In the process of research, we tried to understand which exactly religious movements have essential impact on formation of extremist views.

Diagram 10
Which religion influences the formation of extremist views?

The answers to this question are in fact predictable. Most interviewees — 65 respondents (74%) out of 164 (100%) — believe that extremist threat goes particularly from Islam what corresponds to general whole world opinion about this religion. In support of this fact, Mongolia citizens named several countries associated with extremist activities. The interviewees' associations are shown in diagram 11.

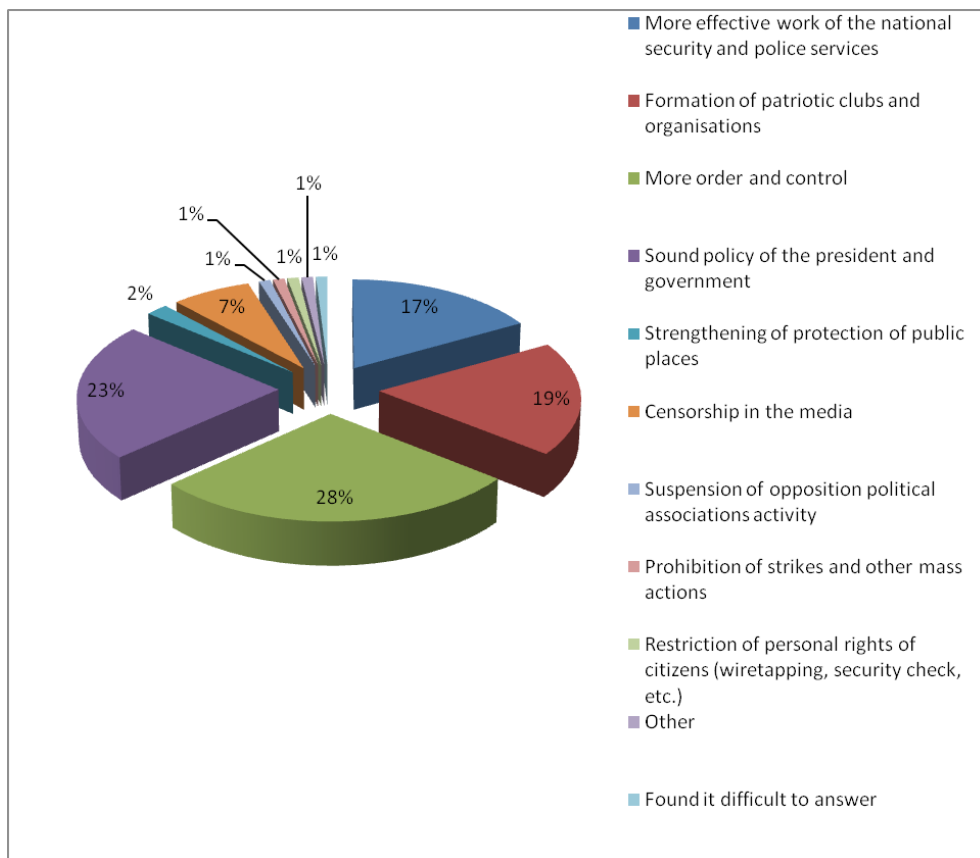
Diagram 11
Countries associated with extremist activities by Mongolian population

It should be noted that being concerned about the development of religious extremism in the world, Mongolia gained the status of permanent observer of the Shanghai Cooperation Organization. The problems of extremism, terrorism, and separatism are major factors which united countries of Central Asia into a unified organization. It is the necessity to find a solution to the security problem shared by the countries that led to formation of the SCO. At the same time, we must say that Mongolia regardless its concern about the world security problems stands aside of negative tendencies connected with extremist movements. That is why, on the one hand, extremism and terrorism is not the principal problem of the country at the moment [Rodionov, 2012: 106]. On the other hand, we should take into consideration that there is Kazakh population who practice Islam in Bayan-Ulgiiyim Aimak, Western Mongolia. According to official sources, there are no extremist trends in this region at the moment. However, noting that Mongolia is a neighbour of Russia and Kazakhstan where such trends have been observed recently, it is not inconceivable that such views may appear in Mongolia.

Targeted state policy may prevent from dissemination of extremist ideas over the country. To be able to estimate the interviewees' opinion on the point, we asked the respondents to indicate the most effective measures in this respect. The answers are shown in diagram 12.

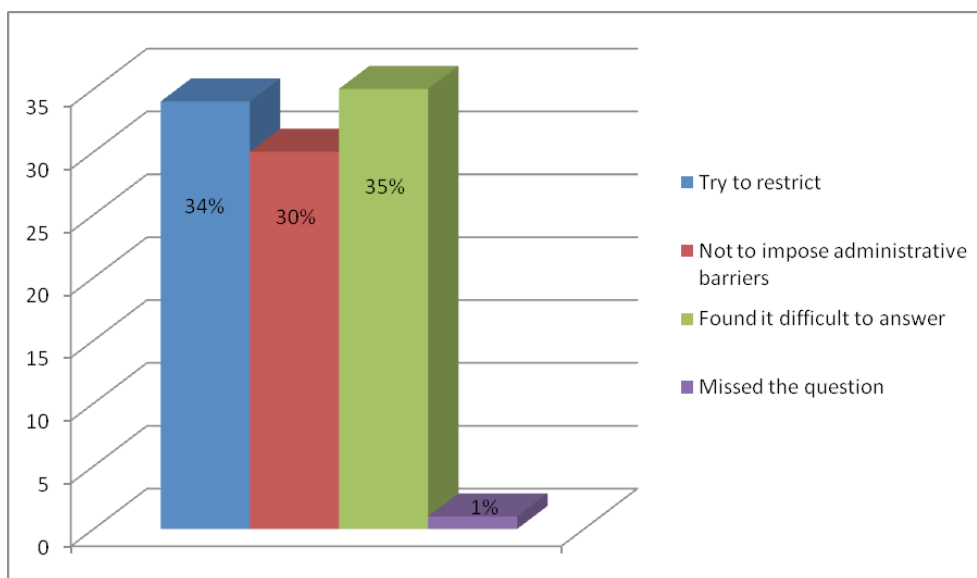
Diagram 12
Which measures may prevent from dissemination of extremist ideas according to the respondents?

We should pay special attention to the fact that along with traditional measures of struggle with extremism (security service activity, control and order, and similar) 19% of respondents stand for organizing patriotic clubs who can help to solve the problem of extremism in Mongolia.

Moreover, we can conclude that Mongolia population see the government as the main power to control religious relations between people. The interviewees were asked a question about the policy of the government towards religious communities and their activities.

Diagram 13
According to the respondents, which policy should the government have towards religious organizations and their activity?

It should be mentioned that respondents from Western Mongolia believe that religious organizations' activity must be more restricted. Such point of view is shared by 40% of interviewees. 14% of respondents think that the government should not restrict religious organizations' activity. Central Mongolia population have a bit different opinion. Thus, 43% of respondents stand against the active influence of the state on religious organizations, and 29% believe the government should restrict religious activity.

As a result of our survey research conducted in Mongolia in 2016 we may come to the following conclusions. At the present time, quite a big number of respondents see themselves as religious people. The interviewees are familiar not only with traditional for Mongolia religions but with some new religious movements as well. At the same time, despite the changes encouraging freedom of conscience and religion quite a lot of respondents believe that they need more detailed knowledge about religions and religious traditions. They believe they need both — introducing classes on various religions into school curricula and wider coverage of religious questions in the media. Most respondents are concerned about the growth of extremist religious activity in the world. They believe that sound policy of the government may shield Mongolia from extremist movements on the territory of the state. We may describe the ethnic and religious situation in Western Mongolia as relatively unstable, as it is proved

by the answers of the interviewees. Moreover, population of Western Mongolia believes that the government should influence the activity of religious organizations on the territory of the country. In this connection, we must note a little ambiguous position of the government towards the democratic ideas of the freedom of conscience. The government declares the freedom of conscience but, at the same time, interferes with religious organizations' activity, according to the respondents. However, most population do not see any violation of their rights in this fact because they believe it may contribute to the stability of ethnic and religious situation in the country.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абаева Л. Л., Ринчинова Б. П. — Д. Традиционные и нетрадиционные религиозные конфессии современной Монголии: буддизм и христианство // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 6. С. 120–124.

Бадмаев А. А., Адыгбай Ч. О., Бурнаков В. А., Маншеев Д. М. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2006. 168 с.

Дашковский П. К. Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А. Некоторые особенности формирования религиозного ландшафта на территории Монгольского Алтая // Природные условия, история и культура Западной Монголии. Ховд ; Томск, 2009. Т. I. С. 29–32.

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Северо-Западной Монголии (по материалам полевых исследований 2008 г.) // Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах. Барнаул, 2009. Т. II. С. 241–245.

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2010. Вып. IV. С. 180–186.

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А., Цэдэв Н. Х., Ганболд О. М Баруун Хойд Монгол дахь угсаатны шашны уйл явц (2008 оны хээрийн судалгааны материалл тулгуурлав // Эрдэв шинжилгээний бичиг. № 2 (14) (Нийгэм хумуунлэгийн ухаан). Улаанбататар, 2009. С. 30–34.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Продолжение этноконфессиональных исследований в Ховдскоим аймаке Монголии // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул, 2011. С. 230–235.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Наваанзоч Х. Цэдэв. Монгол улсын Баян-Өлгий аймаг дахь угсаатны шашны нӨхцӨл байдлын зарим онцлог // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2013. № 1 (6). С. 24–29.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2 (10–11). С. 115–128.

Дашковский П. К., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Монгольском аймаке // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 3: Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2017. С. 122–135.

Родионов В. А. Центральноазиатский вектор внешней политики Монголии: фактор ШОС // Ойкумена. 2012. № 4. С. 104–111.

Цыбикдоржиев Д. В., Батоева Д. Б. Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии // *Власть*. 2014. № 5. С. 40–44.

Цогзолмаа Н. Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // *Народы и религии Евразии*. 2018. № 1 (14). С. 117–124.

Цэдэв Х. Наваанзоч. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // *Народы и религии Евразии*. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 128–134.

Цымжит П. В., Самдангийн Ц. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // *Гуманитарный вектор*. 2014. № 3 (39). С. 67–72.

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 185. P. 109–116.

REFERENCES

Abaeva L. L., Rinchinova B. P.-D. Traditsionnye i netraditsionnye religioznye konfessii sovremennoi Mongolii: buddizm i khristianstvo [Traditional and non-traditional religious denominations of modern Mongolia: Buddhism and Christianity]. *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2015. № 6. S. 120–124. (in Russian).

Badmaev A. A., Adygbai Ch. O., Burnakov V. A., Mansheev D. M. *Protestantizm i narody Yuzhnoi Sibiri: istoriya i sovremennost'*. [Protestantism and the peoples of southern Siberia: history and modernity] Novosibirsk: RITs NGU, 2006. 168s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Sovremennye etnokonfessional'nye protsessy v Mongol'skom Altae [Modern ethno-confessional processes in the Mongolian Altai]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2012. № 1. S. 134–143 (in Russian).

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 185. S. 109–116 (in English).

Dashkovskii P. K., Kushnerik R. A. Nekotorye osobennosti formirovaniya religioznogo landschafta na territorii Mongol'skogo Altaia [Some features of formation of the religious landscape in the territory of the Mongolian Altai]. *Prirodnye usloviia, istoriia i kul'tura Zapadnoi Mongolii* [Natural conditions, history and culture of Western Mongolia]. Khovd; Tomsk, 2009. T. I. S. 29–32 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Kushnerik R. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye protsessy v Severo-Zapadnoi Mongolii (po materialam polevykh issledovaniy 2008 g.) [Ethnoconfessional processes in the North-West Russia (on materials of field research, 2008)]. *Politologicheskie i etnokonfessional'nye issledovaniia v regionakh* [Political science and religious studies in the regions]. Barnaul, 2009. T. II. S. 241–245 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tsedev N., Shershneva E. A. Nekotorye osobennosti etnokonfessional'noi situatsii v Bayan-Ul'giiskom aimake Mongolii [Some of the features of ethno-confessional situation in Bayan ul'gi aimag of Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [The world outlook of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2010. Vypusk IV. S. 180–186 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Kushnerik R. A., Tsedev N. Kh., Ganbold O. M. Baruun Xoid Mongol dakh' ugsaatny shashny uil yavts (2008 ony kheeriiin sudalgaany materiall tulguurlav. Erdev shinzhilgeenii bichig. № 2 (14) (Niigem khumuunlegiigin ukhaan). Ulaanbatatar, 2009. S. 30–34 (in Mongolian).

Dashkovskii P. K., Shershneva E. A. Prodolzhenie etnokonfessional'nykh issledovaniy v Khovdskoim aimake Mongolii [Continued ethno-religious research in Chudskom aimag of Mongolia]. *Religiia v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii*. [Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia] Barnaul, 2011. S. 230–235 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Mongol ulsyn Baian-Ölgii aimag dakh' ugsaatny shashny nÖkhtsÖl baidlyn zarim ontslog [Mongolian Olsen Bayan-Lgii aimag Dahpsaty chasny nhl baglin of sarim ontslog]. *Erdem shinzhilgeenii bichig* [Erdem Shinigami of bicig]. 2013. № 1 (6). S. 24–29 (in Mongolian).

Dashkovskii P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye issledovaniia v Mongolii v 2016 g. [Ethno-religious research in Mongolia in 2016]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. № 1–2 (10–11). S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye issledovaniia v Mongolii v 2016 g. [Ethno-religious research in Mongolia in 2016]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. Vyp. 1–2 (10–11). S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskii P. K., Tsedev N. Etnokonfessional'nye protsessy v Mongol'skom Altae [Ethnoconfessional processes in the Mongolian Altai]. *Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii.: kol. monografiia pod red. P.K. Dashkovskogo* [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia: count the monograph under the editorship of P.K. Dashkovsky]. Barnaul, 2017. T. III. S. 122–135 (in Russian).

Rodionov V. A. Tsentral'noaziatskii vektor vneshnei politiki Mongolii: faktor ShOS [The Central Asian vector of foreign policy of Mongolia: the SCO factor]. *Oikumena* [Oecumene]. 2012. № 4. S. 104–111 (in Russian).

Tsybikdorzhiev D. V., Batoeva D. B. Faktory uspekha religioznogo vrozhdeniya v Mongolii [Success factors the religious revival in Mongolia]. *Vlast'* [Power]. 2014 № 5. S. 40–44 (in Russian).

Tsogzolmaa N. Rasprostranenie novykh religioznykh techenii i ikh vliianie na sistemu obrazovaniia Mongolii [The spread of new religious movements and their impact on the education system of Mongolia]. *Narody I religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 1 (14). S. 117–124 (in Russian).

Tsedev Kh. Navaanzoch. Nekotorye problemy izucheniia etnokonfessional'noi situatsii v Mongolii [Some problems of studying ethno-religious situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. Vyp. 3–4 (12–13). S. 128–134 (in Russian).

Tsymzhit P. V., Samdangiin Ts. Religioznaya situatsiya v Mongolii: 1990–2009 gg. [The religious situation in Mongolia, 1990–2009]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian vector]. 2014. № 3 (39). S. 67–72 (in Russian).

Раздел VII

ПЕРСОНАЛИИ

С. Г. Щеглов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

В. А. ДОЛЖИКОВ: УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ

Анализируется научно-педагогическая деятельность ученого и педагога В. А. Должикова. Прослеживается непрерывный процесс повышения компетентности и профессионального мастерства ученого. В научных кругах известен как исследователь русской традиционной идеологии. С привлечением большого количества источников, в том числе и неопубликованных, ученый проследил эволюцию политических взглядов и политической биографии идеолога народничества М. А. Бакунина. Автор семи монографий и около ста научных статей. Педагогическая деятельность профессора характеризуется его ценностным отношением к студентам, умением вовлекать их в совместную творческую деятельность, потребностью в сотрудничестве с ними. Под научным руководством В. А. Должикова защищено 12 кандидатских диссертаций.

Ключевые слова: ученый, педагог, научная школа, Алтайский государственный университет.

S. G. Shcheglov

Altai State University, Barnaul (Russia)

V. A. DOLZHIKOV: SCIENTIST AND TEACHER

Abstract the article analyzes the scientific and pedagogical activity of the scientist and teacher V. A. Dolzhikov. There is a continuous process of increasing the competence and professional skills of the scientist. In scientific circles he is known as a researcher of Russian traditional ideology. With the involvement of a large number of sources, including unpublished, followed the evolution of political views and political biography of the ideologist of populism M. A. Bakunina. Author of 7 monographs and about 100 scientific articles. Pedagogical activity of the professor is characterized by his value attitude to students, the ability to involve them in

joint creative activity, the need for cooperation with them. Scientific supervisor of 12 master's theses.

Key words: scientist, teacher, science school, Altai state University

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-12

Первого мая 2018 г. исполнилось 70 лет заслуженному работнику Алтайского государственного университета, доктору исторических наук, профессору кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Вячеславу Александровичу Должикову.

Являясь выпускником первого набора студентов 1973 г. в Алтайском государственном университете (АлтГУ), юбиляр 45 лет своей жизни посвятил делу образования и науки. Его талант и незаурядные способности впервые проявились в студенческие годы. Вячеслав Должиков — первый председатель профкома студентов, организатор и активный участник стройотрядовского движения вуза и края. Всегда приветливый, открытый к общению и внимательный к товарищам по курсу, он быстро завоевал авторитет и доверие к себе в студенческой среде. Заметным Вячеслав был и в студенческой науке, так как принимал живое участие в подготовке самых первых университетских конференций, ставших впоследствии традиционными апрельскими Днями студенческой науки. Его доклады по исторической и социально-политической проблематике уже тогда отличались глубиной и зрелостью оценок. Будучи еще студентом, он получил приглашение на Всесоюзную научную конференцию, состоявшуюся в ноябре 1977 г. в Ереванском университете (Армения). Безусловно, В. А. Должиков принадлежит к числу тех немногих первых студентов нашего вуза, кто внес определенный личный вклад и в формирование классических университетских традиций Альма матер.

После успешного окончания историко-филологического факультета В. А. Должиков получил в июле 1978 г. направление на работу в Алтайский государственный институт культуры, где прошел путь от ассистента до кандидата наук, параллельно повышая уровень своей научной квалификации в заочной аспирантуре на кафедре дореволюционной отечественной истории АлтГУ. Формируясь как педагог высшей школы и ученый, в 1989 г. в диссертационном совете Томского университета он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «М. А. Бакунин и Сибирь в эпоху первой революционной ситуации (1857–1861 гг.)». Дух активного общественника, впрочем, никогда не покидал нашего юбиляра. Все эти годы он успевал заниматься просветительской работой, как говорили тогда, в широких народных массах, выступал с публичными лекциями во многих организациях и предприятиях города, в большинстве сельских районов края и по праву считался одним из лучших лекторов краевой организации Всесоюзного общества «Знание».

Расцвет научной и педагогической деятельности юбиляра совпадает с годами работы в Алтайском университете, на кафедру политической истории его пригласили коллеги в 1990 г. В самом начале 1990-х гг. кафедра переживала трудный процесс переориентации на новые базовые курсы, качественно трансформируясь из кафедры общеполитической в кафедру выпускающую. Накопленный В. А. Должиковым богатый опыт педагога и исследователя проблем отечественной политической истории во многом помог коллективу кафедры в этот сложный переходный период. Его личные качества, интеллигентность, природная доброта и эрудиция, способность принимать взвешенные, компромиссные решения обусловили уважительное отношение к нему со стороны коллег, что подтверждается неоднократным избранием Вячеслава Александровича в руководящие органы университетского профсоюза.

В 1990–1996 гг., являясь ученым секретарем Института гуманитарных исследований при АлтГУ, Вячеслав Александрович активно включился в экспертную разработку про-

граммы администрации Алтайского края по гармонизации и стабилизации межнациональных отношений в регионе, активно продвигая новаторский подход к данной теме. Этот сложный вопрос являлся очень острым для всей страны тогда и сохраняет свою актуальность по сию пору. Богатый научный опыт, наработанный коллективом исследователей, в котором В. А. Должиков был одним из признанных лидеров, впоследствии получил высокую оценку на краевом и федеральном уровне.

В 2001 г. Вячеслав Александрович без отрыва от основной преподавательской деятельности подготовил и успешно защитил в Томском госуниверситете (ТГУ) докторскую диссертацию по теме «М. А. Бакунин в контексте сибирской и общерусской политической истории переломной эпохи 1850–1860-х гг.». Доклад вызвал бурную дискуссию среди оппонентов и членов диссертационного совета, присутствовавших во время защиты.

Замечу особо, что именно исследовательская, научная деятельность всегда была главным приоритетом в жизни юбиляра. На данный момент им опубликовано почти сто научных работ, в том числе семь монографий. Основные труды: «М. А. Бакунин и Сибирь [1857–1861 гг.]» [Должиков, 1993], «М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» [рубеж 1850–1860-х гг.]» [Должиков, 2000], «М. А. Бакунин в эпоху первой политической «оттепели» 1850–1860-х гг.» [Должиков, 2011].

В. А. Должиков — организатор научных конференций, постоянный редактор и член редколлегии нескольких научных изданий, член специализированного диссертационного совета по историческим наукам при АлтГУ.

На пике своей научно-педагогической зрелости В. А. Должиков преподавал учебные дисциплины политико-исторического цикла и различные спецкурсы в Алтайском государственном университете, в Алтайском институте труда и права, на протяжении ряда лет занимал ответственную должность председателя Государственной аттестационной комиссии исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета.

Под руководством профессора на кафедре политической истории аспирантами подготовлено и защищено 12 кандидатских диссертаций. Это исследования Р. С. Смищенко (2000), Д. В. Колупаева (2003), М. Г. Колокольцева (2004), Е. М. Козловой (2005), А. В. Шарапова (2006), О. Н. Щенниковой (2006), В. Н. Ильина (2007), Я. А. Климук (2008), Ю. А. Зеленина (2009), А. В. Головинова (2010), И. А. Алексеенко (2011), Ю. В. Головиновой (2013). Фактически В. А. Должиков сформировал собственную научную школу, специализирующуюся в области национальной и региональной политической истории. Многие из его учеников сегодня продолжают заниматься исследованиями, а также преподают в вузах города. Особое внимание как ученый он уделяет изучению истории классического русского народничества и политической деятельности одного из родоначальников этой идеологии М. А. Бакунина [Должиков, 1993; 2000; 2011; 2015а; 2015б; 2015в; 2016а; 2016б]. По отзывам специалистов, его научные труды отличаются глубиной теоретического анализа документальных материалов, достоверностью выводов и оригинальностью авторских оценок, а поэтому признаны исследовательским сообществом. Высокий профессионализм позволяет ему проводить серьезные исследования, заниматься преподаванием и, что немаловажно, объективно оценивать сложные современные социально-политические процессы в стране и за рубежом. С сентября 2017 г. В. А. Должиков является заместителем директора Азиатского экспертно-аналитического центра, действующего при Управлении международной деятельности АлтГУ.

В. А. Должиков неоднократно избирался в руководящие органы профсоюзной организации, являлся членом ученых советов факультета и университета. Научно-педагогические заслуги В. А. Должикова и достижения в трудовой и общественной деятельности отмечены Почетными грамотами Министерства образования и науки России, администрации и Законодательного собрания Алтайского края, других органов краевой государственной власти.

В данном выпуске журнала публикуются статьи по проблемам религиоведения, этнологии, политической истории и права, авторами которых являются коллеги, друзья и ученики Вячеслава Александровича из разных научных центров России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Должиков В. А. М. А. Бакунин и Сибирь [1857–1861 гг.]. Новосибирск, 1993. 148 с.
- Должиков В. А. М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» [рубеж 1850–1860-х гг.]. Барнаул, 2000. 329 с.
- Должиков В. А. М. А. Бакунин в эпоху первой политической «оттепели» 1850–1860-х гг. Saarbrücken, 2011. 416 с.
- Должиков В. А. «Сибирский» фактор в эволюции политических воззрений М. А. Бакунина (1857–1861) // М. А. Бакунин: pro et contra: антология / сост., вступ. статья, коммент. П. И. Талерова. СПб. : Изд-во РХГА, 2015. С. 747–757.
- Должиков В. А. «Примирительная» тенденция в политической деятельности М. А. Бакунина 1830–1860-х гг. // Человек из трех столетий. Прямухинские чтения-2014 : материалы Международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. А. Бакунина. М. : Футурис, 2015. С. 170–183.
- Должиков В. А. Сибиреведческий аспект в публицистике М. А. Бакунина // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул : Си-пресс, 2015. С. 33–38.
- Должиков В. А. М. А. Бакунин о народном идеале отечественной государственности // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Восьмой Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 38–41.
- Должиков В. А. М. А. Бакунин об институциональной коррупции в алтайском имении правящего императора // Acta eriditorum. 2016. Вып. 21. С. 23–29.

REFERENCES

- Dolzhirov V. A. M. A. *Bakunin i Sibir' [1857–1861 gg.]*. [[M. A. Bakunin and Siberia [1857–1861]]. Novosibirsk, 1993. 148 s. (in Russian).
- Dolzhirov V. A. M. A. *Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi "ottepeli" [rubezh 1850–1860-kh gg.]*. [M. A. Bakunin in the national and regional political process of the “thaw” era [the turn of 1850–1860-ies.]. Barnaul, 2000. 329 s. (in Russian).
- Dolzhirov V. A. M. A. *Bakunin v epokhu pervoi politicheskoi "ottepeli" 1850–1860-kh gg.* [M. A. Bakunin in the era of the first political “thaw” 1850–1860-ies.]. Saarbrücken. 2011. 416 s. (in Russian).
- Dolzhirov V. A. “Sibirskii” faktor v evoliutsii politicheskikh vozzrenii M. A. Bakunina (1857–1861) [The “Siberian” factor in the evolution of Bakunin’s political views (1857–1861)]. *M. A. Bakunin: pro et contra. Antologiya. /Sost., vstup. stat'ia, komment. P.I. Talerova.*

[M. A. Bakunin: pro et contra. Anthology.] / Comp., Intro. article, comment. P.I. Flerova. SPb. : Izd-vo RKhGA, 2015. S. 747–757 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. “Primiritel’naia” tendentsiia v politicheskoi deiatel’nosti M. A. Bakunina 1830–1860-kh gg. [“Conciliatory” tendency in political activity of M. A. Bakunin in 1830–1860-ies.]. Chelovek iz trekh stoletii (Priamukhinskie chteniia-2014: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniia M. A. Bakunina). [People from three centuries (the article describes read-2014: Materials of International conference devoted to the 200 anniversary from the birthday of M. A. Bakunin)]. M.: Futuris», 2015. S. 170–183 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. *Sibirevedcheskii aspekt v publitsistike M. A. Bakunina* [Cyberevidence aspect in journalism M. A. Bakunin]. Rossiiskii politicheskii protsess v regional’nom izmerenii: istoriia, teoriia, praktika: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Russian political process in the regional dimension: history, theory, practice: proceedings of the all-Russian scientific-practical conference.]. Barnaul: Si-press’, 2015. S. 33–38 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. M. A. *Bakunin o narodnom ideale otechestvennoi gosudarstvennosti* [M. A. Bakunin on the national ideal of the Russian state]. Evraziistvo: teoreticheskii potentsial i prakticheskie prilozheniia: materialy Vos’moi Vseross. (s mezhdunar. uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii. [Eurasianism: theoretical potential and practical application: materials of the Eighth all-Russian. (with international. participation) scientific and practical conference]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2016. S. 38–41 (in Russian).

Dolzhiikov V. A. M. A. *Bakunin ob institutsional’noi korruptsii v altaiskom imenii praviashchego imperatora* [M. A. Bakunin on institutional corruption in the Altai estate of the ruling Emperor]. Acta eriditorum. 2016. Vyp. 21. S. 23–29 (in Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гостюшева Евгения Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: altmpsi@mail.ru.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия)

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Должиков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dolshikov@yandex.ru

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Алтайский филиал), Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: market@mc.asu.ru.

Кацаева Мирра Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: mirra2407@mail.ru.

Мунхбат Д., старший преподаватель Монгольского национального университета, директор Центра монголоведения при МНУ, аспирант АГАО имени В. Шукшина, Бийск (Россия).

Адрес для контактов: d.monkhat@mnu.edu.mn.

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: vmusaev62@mail.ru.

Сакович Екатерина Георгиевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Белорусского государственного университета, Минск (Белоруссия).

Адрес для контактов: ekaterina-sakovich@yandex.ru.

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сиби-

ри и Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: nikolay-seregin@mail.ru.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: d2703@yandex.ru.

Эшматова Гульнара Бахтияровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск (Россия).

Адрес для контактов: fiordiprimavera@mail.ru.

Цэдэв Наваанзоч, кандидат педагогических наук, профессор, действительный член Академии образования Монголии, ученый секретарь Монгольского национального университета, Улан-Батор (Монголия).

Адрес для контактов: navaanzoch@yandex.ru.

Щеглов Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: altmpsi@mail.ru.

ДЛЯ АВТОРОВ

Учредителем журнала является кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. — как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в РИНЦ как периодическое издание.

Периодичность издания: 4 выпуска в год.

Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование.

Статьи принимаются по следующим основным темам:

- *Этнокультурные процессы в древности и средневековье в Евразии.*
- *Социальные процессы и развитие государственности в древних и средневековых обществах.*
- *Религиозный фактор в истории древних и средневековых народов Евразии.*
- *Этнические процессы и традиционная культура народов Евразии.*
- *Прозелитарные религии и традиционные верования народов России и Центральной Азии.*
- *Государственно-конфессиональная и национальная политика: история и современность.*
- *Результаты мониторинга межэтнических и межконфессиональных отношений в регионах России и за рубежом.*
- *Рецензии на книги.*
- *Информация о конференциях.*
- *Персоналии.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать ее в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст и иллюстрации до 12 страниц (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов).

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

В. А. Бурнаков

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)***ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ¹**

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанным с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е. с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании, как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

V. A. Burnakov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. После библиографического списка размещается References.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х — середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат или диссертация:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен [Электронный ресурс]. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439. (на англ. яз.).

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoj traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013). (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005. P. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. *Introduction to the Study of Religion* [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994. 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190x270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие — 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Сле-

дует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, **кафедра политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Дашковскому Петру Константиновичу.**

Электронная почта: dashkovskiy@fnp.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 366342

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2018 №2 (15)

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 08.05.2018.

Формат 70x100/8. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 11,9. Тираж 300 экз. Заказ 196.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66